

ЖАН КАТАЛА

ОНИ
ПРЕДАЮТ
МИР

ЖАН КАТАЛА

БЫВШИЙ НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ИНФОРМАЦИИ
ПРИ ФРАНЦУЗСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ В МОСКВЕ

**ОНИ
ПРЕДАЮТ
МИР**

Перевод с французского

ИЗДАНИЕ
«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

МОСКВА
1950

ПОЧЕМУ Я НАПИСАЛ ЭТУ КНИГУ

1. Итог одного дипломатического опыта

Двадцать два года тому назад, в конце последнего года моих занятий в университете в Бордо, где я готовился к кандидатскому экзамену по философии, я решил посоветоваться с деканом литературного факультета о моей дальнейшей деятельности. Я задумал идти на дипломатическую службу. Декан был превосходным человеком, который не раз проявлял ко мне настоящее дружеское участие. Он с большим сожалением сказал, что моя семья слишком бедна для того, чтобы господа с Кэ д'Орсэ, как у нас называют министерство иностранных дел, допустили бы меня к конкурсу, какие бы отличные отметки я ни получил в университете. Но если мне действительно хочется служить Франции за ее пределами, сказал декан, то передо мной открыта карьера преподавателя во французских учебных заведениях за границей. «Это самая прекрасная и благородная карьера, — сказал мне декан, — поскольку она дает возможность познакомиться другие народы с подлинным лицом Франции и ее культурой...»

Таким образом, в 1929 году в возрасте двадцати четырех лет я был направлен Кэ д'Орсэ в столицу буржуазной Эстонии, в Таллин. Там я должен был в течение одиннадцати лет трудиться под руководством французской миссии сперва в качестве преподавателя, а потом в должности пресс-атташе. Проникнувшись идеалом, которым меня вдохновил мой старый декан, я работал с энтузиазмом. Для того чтобы расширить поле моей деятельности, я даже взял на себя инициативу по организации вечерних народных курсов, по устройству лекций, не задумываясь над тем, что это может вызвать гнев моих шефов из французской дипломатической миссии. Я только потом понял, насколько я ошибался. Так назы-

ваемое «распространение французской культуры» в странах Прибалтики было всего лишь маскировкой секретной деятельности шпионских служб, являвшейся неотъемлемой частью тайной войны против Советского Союза. Мои действия стесняли секретную деятельность этих господ и порой вызывали серьезные и совершенно непонятные для меня конфликты с некоторыми из них. Мне надо было бы, конечно, знать, что все то, чему меня «учили» об СССР и о взаимоотношениях Франции и СССР, было просто обманом. Мне надо было бы также знать, в какое ужасное гнилое болото погрузились вершители судеб моей родины — Франции.

Мюнхен, «странная война» и катастрофа в июне 1940 года открыли мне глаза так же, как и многим французам. Только тогда я понял, что как в мирное, так и в военное время у Франции есть естественный и единственный союзник — Советский Союз. Только тогда я понял, что не имею права держаться в стороне от борьбы за свободу и независимость своего народа.

24 июня 1940 года я отказался вернуться в Виши вместе с персоналом ликвидированных французских миссий в Прибалтике и присоединился к «свободной Франции».

Тогда мне было тридцать пять лет. Более десяти лет я обучал как молодежь, так и взрослых людей. Мои статьи печатались в официозной газете «Тан»; я написал даже книгу. В общем было все необходимое для того, чтобы я сам вообразил себя серьезным человеком... И вдруг я внезапно обнаружил, что на протяжении более десяти лет я думал, говорил и писал не о том, о чем должен думать, говорить и писать человек, желающий служить своему народу. Являясь, так сказать, «специалистом по философии», я не прочел ни строчки из Маркса или Энгельса и не знал даже названий произведений Ленина и Сталина. Я провел свою молодость за железным занавесом, но его задернули передо мной не те, кто находится по ту сторону этого занавеса, а люди из того мира, к которому я принадлежал. А я этого даже и не заметил!

Я должен был что-то сделать, чтобы приподнять этот занавес. Я начал изучать русский народ, его язык и культуру. Я читал как одержимый, стараясь все понять в этом

новом для меня мире. Таким образом я узнал СССР. Это уже был не тот СССР, который изображают буржуазные дипломаты, сенсационные продажные репортеры или «университетские специалисты», ремесло которых мало отличается от ремесла шпиона. Нет, я увидел настоящий Союз Советских Социалистических Республик, мир простых людей, хозяев своего государства, и государственных деятелей, вышедших из народа, не имеющих ничего общего с тем, что обычно принято называть «государственными деятелями» в капиталистических странах. Я увидел СССР мирного созидательного труда, государство миллионов героев фронта и тыла, остановивших на моих глазах в 1941 году гитлеровское вторжение, перед которым не могла устоять ни одна нация мира; СССР, который ценой миллионов добровольных жертв, таких жертв, что я даже не мог себе представить, что они вообще возможны для человека,—пошел освобождать ту Европу, правители которой подготовили против него войну.

Когда в 1942 году меня вызвали в Куйбышев для организации пресс-отдела при представительстве «свободной Франции», я уже был подготовлен к моей миссии дипломата. Я знал, что подобно тому, как во времена великой французской революции, революции буржуазной, долг каждого честного патриота заключался в том, чтобы быть на стороне Франции, так после Великой Октябрьской революции, революции социалистической, долг каждого патриота, в частности французского, был в том, чтобы стать безоговорочно на сторону СССР.

На новом поприще я проработал шесть лет, сперва в качестве пресс-атташе при представительстве «свободной Франции», а затем как начальник информационного отдела при французском посольстве в Москве. Я был, таким образом, связан со всеми крупными событиями, которыми были отмечены франко-советские отношения в этот период. В течение всего этого периода моей деятельностью я старался выдвигать принципы, справедливость которых мне была ясна, а именно, что тесная дружба с Советским Союзом необходима не только для победы, но и для возрождения Франции, для ее независимости, безопасности и всего дела мира. Я защищал эту позицию до конца, не уклоняясь и не идя на компромисс, несмотря на все

препятствия, которые возникали передо мной. Это дало мне возможность обнаружить тайную сеть антифранцузских интриг нашей дипломатии, причем в гораздо большем масштабе, чем я предполагал. Когда же в январе 1948 года пробил час священного долга, я передал свое заявление в печать и встал в ряды журналистов-демократов, борющихся за национальную независимость и мир.

Таким образом, факты, изложенные в этой книге, — это факты, свидетелем которых я сам был, причем свидетелем, занимающим удобное место для точного наблюдения. Это, если можно так выразиться, итог дипломатического опыта одного француза, любящего свободу и мир, француза, чья служебная карьера вынудила его провести семнадцать лет своей жизни в притонах, где готовился и готовится заговор против СССР.

2. Вместе с народами в борьбе за мир

Я решил выпустить эту книгу, потому что пришел к убеждению, что должен пролить свет на закулисную сторону политики так называемых французских министров, готовивших и готовящих войну против СССР.

Не существует более глубокой тайны, чем та, которой стараются окружить малейшую долю правды, касающейся этой политики. Реакционные газеты, то есть девять десятых всей прессы во Франции, имеют задание распространять по этому поводу потоки хорошо согласованной лжи, чтобы общественное мнение ни о чем не могло узнать. В парламенте министры иностранных дел систематически отвечают различными увертками на вопросы, задаваемые им депутатами, причем довольно редко, так как это одна из тех проблем, в отношении которых людям, беспокоящимся о своей карьере, давно известно, что проявлять любопытство вредно. Я не уверен даже, помогло ли бы опубликование наиболее конфиденциальных архивов Кэ д'Орсэ раскрытию всей правды: все наиболее «щекотливые» демарши излагаются в частных письмах, сжигаемых тут же по прочтении, а те, кто направляет всю нашу дипломатию, предпочитают не оставлять позади себя письменных следов. В области тайны здесь положительно достигают шедевра.

Но тайна эта ужасна. Это тайна медленного регресса, на который обрекли Францию ее правители в период между двумя мировыми войнами. Это тайна той катастрофы, которая обрушилась на ее народ в июне 1940 года. Это тайна, объясняющая, почему после победы Франция не может снова занять свое место великой державы. Наконец, это тайна того рабского состояния, в котором она сейчас находится. Теперь предатели пытаются бросить Францию к ногам американского империализма, который хочет не только превратить Францию в колониальную территорию, но и использовать французов в качестве пушечного мяса в новой мировой войне, которую он готовит. По существу это тайна национального падения Франции и в то же время один из существенных элементов угрозы, нависшей теперь над всеми народами.

Защита отечества, а равно и защита мира требуют поэтому, чтобы эта тайна была как можно полнее раскрыта. Вот почему я решил написать эту книгу о предателях Фракции. Я прекрасно понимаю, что сколько бы наблюдений я ни привел, есть еще столько же и столько же других... Но борьба не ждет. В тот день, когда народ возьмет в свои руки секретные архивы тех, кто его предал, будет составлен более подробный труд. А сейчас мы боремся...

Если общественный обвинитель Народного Суда, который будет судить предателей Франции, найдет здесь какой-нибудь дополнительный материал для обвинительной речи, я буду считать, что написал полезную книгу. Я никогда не считал лозунг «Смерть предателям!», который я так часто бросал по радио во время другой, гитлеровской оккупации, простой риторической фразой.

3. Спасибо Советскому Союзу

Эта книга появится в Москве. Я хочу отметить двоякое значение этого факта. Показательно, что француз, для того чтобы свободно высказываться, должен говорить из Москвы — совершенно так же, как в те времена, когда Франция находилась под гитлеровским сапогом. Показательно также и то, что книга о борьбе за мир и свободу появится там, где каждый человек своим первым долгом

считает борьбу за мир, а именно — в столице СССР, столице всего лагеря мира и демократии.

Я всегда слишком восхищался глубокой политической культурой советского народа, в частности в области международных проблем, чтобы вообразить себе, что эти страницы принесут ему нечто большее, чем подтверждение того, что он уже знает о низости загнивающей буржуазной дипломатии. Но все же эти факты напомнят еще раз всем, что надо быть бдительными по отношению к врагам, которые никогда не могли простить СССР, что он стал светочем для всего прогрессивного человечества.

Я хотел бы выразить в этой книге ту бесконечную благодарность, которую автор питает к советскому народу не только за оказанное ему дважды гостеприимство, но и за тот великий урок, который он почерпнул на его примере: понимание того, что нужно бороться без передышки.

Я бы хотел также, чтобы советский народ знал, что автор этой книги является лишь одним из десятков миллионов французов, которые никогда не забудут, чем они обязаны стране Сталинграда и тому, кто дал этому городу свое великое имя.

ЧАСТЬ I

ИЮНЬСКАЯ КАТАСТРОФА
1940 года

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПАУК И ЕГО ПАУТИНА

1. Дипломатия на службе «200 семейств»

Почти все вершители судеб французской внешней политики в период между двумя мировыми войнами были простыми марионетками «200 семейств», которые дергали их за нитки. Очень часто эти нити становились настолько видимыми, что даже реакционные историки оказывались вынужденными признать их существование. Когда же наступила июньская катастрофа 1940 года, то уже было очевидно, что эти люди скопили свое богатство из чаевых, бросаемых им финансовой олигархией в награду за преданность, с которой они служили ее интересам. Достаточно напомнить всем известную деятельность Пуанкаре, Тардьё, Боннэ, Лавала, Фландена, Блюма и пр.

Обеспечив себе полный контроль над внешней политикой Франции, «200 семейств» превратили французский дипломатический корпус в своего раба.

Для достижения этой цели был придуман коварный способ: формально на конкурс для поступления в министерство иностранных дел допускались все французские граждане, имеющие высшее образование. Но, во-первых, кандидатов готовила специальная частная школа — «Школа политических наук», где взималась очень высокая плата за обучение и где обучающихся воспитывали в самом реакционном духе; во-вторых, в число конкурсных экзаменов был включен так называемый «практический экзамен», без определенной программы, для того чтобы отобрать кандидатов по их социальному положению; и, наконец, в-третьих, в начале карьеры аспирантам-дипломатам платили очень маленькое содержание, и эту профессию могли избрать лишь люди со значительным состоянием.

Итак, финансовая олигархия была уверена, что Кэ д'Орсэ будет пополняться только ее сыновьями, племян-

никами, зятьями, а в крайнем случае — «хорошими молодыми людьми», чье происхождение и воспитание гарантируют преданность.

2. Секретные службы — оружие трестов

Однако влияние «200 семейств» на внешнюю политику Франции этим не ограничивается.

Как известно, большая часть современной буржуазной дипломатии поручена секретным службам, военным или полицейским, которые во Франции назывались «Вторым бюро» * военного, морского и авиационного министерств, а также «Главному разведывательному управлению», так называемому Сюртэ насьональ.

В таких странах, как Англия, связь секретных служб с финансовой олигархией общеизвестна. Для примера напомним, что шпион Джордж Хилл, в промежуточный период между двумя «миссиями» в Советский Союз — в 1918 и в 1941 гг. — в качестве офицера разведки «его величества», несколько лет работал в различных странах как приказчик нефтяного магната Детердинга, того самого Детердинга, которого в донесении от 26 декабря 1931 года директор парижской политической полиции Перье определяет следующим образом: «Сэр Генри Детердинг, то есть «Интеллидженс сервис...»

Хотя «200 семейств» боязливо скрывали от общественного мнения осуществляемый ими контроль над французскими секретными службами, он от этого не уменьшался.

Этот контроль осуществлялся, в первую очередь, людьми, возглавлявшими секретные службы в армии, флоте, авиации и полиции. У трестов было достаточное количество доверенных лиц, чтобы они могли по своему

* Желание спутать карты заставило парижских правителей после первой мировой войны искусственным путем отделить «Второе бюро» — орган, официально занимающийся «всеми сведениями, касающимися противника», от собственно разведки, официально ограничивающейся «добыванием» сведений и зависящей то от министерства национальной обороны, то от 5-го бюро генерального штаба.

Мы не будем считаться с этими мелкими уловками, посредством которых отмирающая буржуазная администрация напрасно старается отделить неотделимое, и будем в этой книге, называть «Вторым бюро» все службы, которым различные штабы поручают как добывание, так и анализ сведений, поскольку персонал, занимающийся этими делами, является, по сути дела, одним и тем же.

желанию направлять деятельность разведывательных служб и за рубежом. Отсюда вытекают общеизвестные связи Петэна или Вейгана с финансовым миром. И не случайно председателем «Нефтяного синдиката» являлся один из ближайших друзей предателя Виши — генерал де Серриньи; начальник штаба армии — генерал Кольсон находился в родственной связи с владельцами металлургических, транспортных и электрических объединений; адмиралы Лаказ и Ле Бри закончили карьеру в ряде акционерных обществ, связанных с трестом Шнейдера, а префекты полиции Отран, Бужю и Деланней — в административных советах различных банков, шахт и транспортных предприятий; тесть известного шпиона Кьяпа возглавлял объединение фашистских издательств, в котором были представлены интересы всех крупных трестов Франции.

Но ко всему этому нужно прибавить еще более властный контроль — деньгами. Деятельность французских секретных служб, целиком основанная на системе «подкупа совести», действительно очень дорого стоит, и министры никогда не осмелятся назвать в парламенте суммы, которые на это затрачены. Вот почему финансовая основа этих служб официально состоит из «секретных» фондов, о происхождении и размере которых сообщают только то, что не вызовет негодования. Большая же часть этих фондов остается строго конфиденциальной, так как она состоит из субсидий, выдаваемых, помимо бухгалтерии, капиталистическими группировками, которые, таким образом, имеют право управлять всеми секретными службами Франции.

Достаточно назвать дело «кагуляров», чтобы показать, как «200 семейств» осуществляют свою диктатуру. Очень небольшое количество сведений, опубликованных по этому делу, показывает с поразительной очевидностью, что эта диверсионно-фашистская организация находилась на службе финансовой олигархии и почти полностью сливалась со «Вторыми бюро», в частности, военного и авиационного министерств*.

* Тайный фашистский центр, известный под названием «кагуляры», был раскрыт в 1937 году. «Организация кагуляров» держала в своих руках высшее военное командование через маршалов Петэна

Еще более показательным является другой факт, который могли наблюдать все, кто был связан с французской дипломатией. Во всех французских посольствах военные атташе сочиняют рапорты о намерениях иностранной дипломатии, морские атташе — о состоянии сельского хозяйства, торговые атташе — об обороне военных портов, а послы содержат секретных агентов, которым поручают совершать крушения поездов или покушения на жизнь руководителей той державы, где они аккредитованы, как, например, было с Нулансом в Москве. Посольства, миссии и генеральные консульства стали ареной, где происходят настоящие состязания разведок. Таким образом, уничтожена разница между дипломатией и разведывательными службами*.

В этом — конкретное подтверждение того, что «200 семейств» держали в своих руках все рычаги внешней политики Франции. Они являлись хозяевами политических кадров, которым поручено управление внешними сношениями Франции: дипломатических кадров, осуществляющих на практике эти сношения, и разведывательных

и Франшэ д'Эсперей, «Второе бюро» министерства авиации — через генерала Дюсеньора, «Второе бюро» военного министерства — через генерала Жеродяса, полковника Грусара и пр.

«Кагуляры» были исключительно на службе фашистских главней и являлись одним из наиболее активных элементов нацистской «пятой колонны». «Кагуляры» одновременно работали на гитлеровскую Германию, Италию Муссолини и франкистскую Испанию. «Дело Жеродяса» в феврале 1937 года вскрыло, что Петэн лично обеспечил связь с испанскими фашистами.

С 1940 года между «кагулярами» произошло «разделение труда». Некоторые, как Пасси, Вибо и Фурко, начали сотрудничать с черчиллевской Англией и де Голлем. Лемэгр-Дюбрейль и Риго перешли на службу в американский государственный департамент. Но большая часть банды осталась у Гитлера, который широко использовал этих господ, как, например, Дарнана, ставшего «министром внутренних дел» Петэна. Он был одним из наиболее кровавых палачей французского народа во время оккупации.

Но «разделение труда» нисколько не помешало этим господам сохранить связь между собой. Этим объясняется тот факт, что в настоящее время в секретных службах Франции можно найти всех оставшихся в живых членов «организации кагуляров».

* Это в конечном счете было официально принято в уставах. Так, перечисляя источники информации «Второго бюро» министерства национальной обороны в 1939—1940 гг., бывший генералиссимус Гамелэн («Сервир», том I, стр. 72) ставит министерство иностранных дел рядом с собственно разведкой.

служб, деятельность которых тщательно скрывается от общественного мнения. Таким образом, парижские тресты в период между двумя войнами стали настоящими хозяевами всей внешней политики Франции. И во Франции совсем не осталось места для какой-либо другой политики — для той, которую можно было бы считать французской.

ГЛАВА ВТОРАЯ

22 ГОДА НА ПОДГОТОВКУ ВОЙНЫ ПРОТИВ СССР

1. «200 семейств» в «великом заговоре против СССР»

Известно, что вплоть до экономического кризиса, обрушившегося на капиталистический мир в 1929 году, французские правители играли одну из первых ролей в так называемом «великом заговоре против СССР». Среди банды дипломатов-шпионов, которые по приказу своих правительств в начале 1918 года пытались свергнуть советскую власть путем финансирования мятежей и убийств, самыми жестокими были французский посол Нуланс и его генеральный консул Гренар. Это парижские правители во главе с Клемансо и их генералами типа Вейгана были душой интервенции, в частности, в 1920 году, во время польской кампании. Это Пуанкаре провалил первые международные переговоры с Советской Россией на конференциях в Генуе и Гааге. Это французскому генералу Жуэнвилю в 1927—1930 гг. секретные парижские и лондонские службы поручили подготовить план вторжения в СССР.

И во всех этих операциях можно обнаружить руку «200 семейств». Деньги, которые уплатил Нуланс Борису Савинкову за организацию мятежа в Ярославле и за покушение на Ленина, непосредственно поступили из французских банков, в частности от Ротшильда. Генуэзская конференция провалилась благодаря демаршу треста черной металлургии, так называемого «Комите де форж», а конференция в Гааге тормозилась так называемым Франко-бельгийским нефтяным синдикатом. Банкиров Ротшильда и Шнейдера находят в основе

заговора «промпартии». Они же фигурируют за спиной банкиров Луи Дрейфуса и Николля, с которыми троцкистские шпионы установили контакт в Париже в 1927 году, чтобы узнать, «могут ли они найти поддержку среди французских капиталистических кругов, агрессивно настроенных по отношению к СССР».

Я со своей стороны могу привести один факт, представляющий актуальный интерес. Банк Дрейфуса снабжал деньгами французские официальные шпионские службы в Прибалтике, причем таким образом, что они уже сами не знали, кому они служат — государству или банку Дрейфуса. Среди агентов этих служб, под видом сотрудника одной рижской фирмы, зависящей от Дрейфуса, тогда, в 1927 году, фигурировал профессиональный шпион «Второго бюро» морского флота, специалист по «работе на востоке», инженер артиллерии Жюль Мок, впоследствии приобретший печальную известность в качестве министра полиции во Франции, а ныне ставший министром национальной обороны.

С появлением кризиса 1919 г. по инициативе тех же банков начинается серия любопытных «поездок в СССР», секрет которых еще не раскрыт полностью.

В 1932 году состоялась поездка в СССР «профессора философии» Луи Ружье. Научные труды о метафизике античного мира и средневековья служили только прикрытием для его интенсивной деятельности тайного агента, связанного с крупными парижскими банкирами и различными иностранными кабинетами, как это показали его тайные переговоры в октябре 1940 года; они привели к заключению знаменитого соглашения Петэна с Черчиллем. Его поездка в СССР была организована Полем Бодуэном из Индо-Китайского банка, известным фашистом, тесно связанным с Муссолини, а по деловой части с банками Ротшильда и Лазара. «Миссия Ружье» не обошлась без контакта и с крупными американскими финансовыми кругами. По возвращении из СССР профессор-шпион получил крупную сумму от магната Уолл-стрита Рокфеллера для продолжения своих исследований в странах, расположенных у западной границы СССР.

Три года спустя в Москву инкогнито прибыла еще более значительная личность. Речь идет о Рене Мейере,

подлинном тайном директоре банка Ротшильда. Пользуясь методом, часто применяемым секретными французскими агентами, когда им нужно попасть в СССР, Мейер вошел в состав делегации, сопровождавшей Пьера Лаваля для подписания франко-советского пакта, в качестве... «инспектора компании спальных вагонов».

Не успел этот «инспектор» вернуться в Париж, как три других тайных эмиссара Ротшильда появились в советской столице. Два из них — Эрнест Мерсье и Эжен Детеф — являлись агентами электрической компании дома Ротшильда, а третий — Пьер Швейсгут — агентом банков Мирабо и «Юнион паризьен», тесно связанных с Ротшильдом. Эти господа уверяли, что они приехали в Москву, чтобы изучить возможности «возобновления дел с Россией». И они, и Рене Мейер, приехав в СССР, поддерживали тесный контакт с американским послом Буллитом, ярким врагом СССР, посольство которого было одним из главных шпионских центров в Москве. Судя по тому, что мне известно, главной темой их разговора с Буллитом были вопросы, касающиеся способности Красной Армии сопротивляться и способности всей социалистической системы в целом противостоять военной агрессии.

Примерно в это же время в СССР отправился и Жан Моннэ, компаньон банка братьев Лазар, являвшийся тогда директором отделения этого банка в Сан-Франциско. (Как известно, банк братьев Лазар тесно связан с банком Моргана в Нью-Йорке.) Официальной целью визита Моннэ в СССР были сугубо личные дела. Он, кажется, должен был заключить в Москве брак с одной итальянской гражданкой, проживающей... в США! Но судя по тому, какой тайной, даже десять лет спустя, окружают эту поездку, можно с уверенностью сказать, что миссия Моннэ была похожа на все предыдущие и происходила при сугубо секретных обстоятельствах, в чем ей серьезно помогали посольства Буллита и Шарля Альфана.

И, наконец, привожу последнюю деталь, свидетельствующую о том, что секретная антисоветская деятельность «200 семейств» продолжалась вплоть до самого начала второй мировой войны. Весной 1939 года банк

Дрейфуса, о подрывной деятельности которого в странах Прибалтики я уже рассказывал, начал в Эстонии сугубо секретные переговоры о закупке залежей битуминозного сланца и постройке железной дороги. При этом в качестве посредников были использованы различные агенты французских шпионских служб. Один дипломат-патриот из французской миссии в Таллине говорил мне тогда, что эта операция может послужить на пользу только гитлеровской Германии, а в случае войны «она обратится против самой Франции».

2. Союз с Ватиканом

Особо характерным является союз с тайной дипломатией Ватикана.

Папская курия вбила себе в голову, что советский режим «нежизненен». И она полагает, что, способствуя его «разрушению», она подготовит условия для захвата Ватиканом этой шестой части земного шара, которую она хотела бы держать под своим контролем. С этой целью она начала перестраивать папские шпионские службы. С помощью доминиканцев и иезуитов, на протяжении истории доказавших свою опытность в делах тайной политики, при римском дворе был создан огромный «Восточный отдел». Этот отдел должен был готовить агентов для ведения тайной войны против СССР.

Но надо было найти безопасный путь для переброски этих агентов в Москву...

Тогда-то Ватикан и решил использовать «200 семейств» и их доверенных лиц. Он был уверен в полном послушании дипломатов Кэ д'Орсэ, связанных с так называемыми французскими главными католическими банками. Это были — послы Корбэн, д'Ормессон, де Сент-Олэр и др., не говоря уже о целом ряде чиновников ниже рангом: Опнено, Жорж-Пико, де Вьенн (последний был родственником фон Папена!), де Лагард, де Монико, Поль Готье, Дютей-Арисп и др.

Вот почему после возобновления отношений между Францией и СССР в 1925 году Ватикан смог навязать министерству иностранных дел Франции секретный договор, согласно которому французское посольство в Москве должно было переправлять в СССР тайных агентов

папского двора или под чужим именем, или под видом «кюре» двух католических церквей — св. Людовика в Москве и св. Людовика в Ленинграде. Французские дипломаты еще с царского времени имели право контроля над этими церквями.

Таким образом, превратившись в покорного служителя ватиканского шпионажа, посольство «демократа» и «светского человека» Эрбетта скомпрометировало себя в СССР тем, что мошенническим путем помогло попасть сюда таким лицам, как Дебрињи, Флоран, Неве, Тиссе-ран, слишком хорошо известным как эмиссары или главы «Восточного отдела» Ватикана. При последующих посольствах дело обстояло еще хуже. Начиная с 1935 года и вплоть до последних лет, решив больше не стесняться с Кэ д'Орсэ, Ватикан поручал французским послам перебрасывать в Москву уже не французских граждан, а таких американских шпионов-иезуитов, как пасторы Браун и Лаберж!

Но это подчинение Ватикану было далеко не единственной вассальной зависимостью, которую навязала Франции политика антисоветской агрессии. Лондонский Сити в период между двумя мировыми войнами начал оказывать все более поработашающее влияние на парижских министров. Переплетающиеся интересы английских монополий и «200 семейств» в борьбе против СССР привели к тому, что голос лондонского Сити все сильнее и сильнее раздавался в Париже. Ощутимым результатом этого был все более увеличивающийся нажим на парижские кабинеты, не только политика которых, в частности в вопросе отношений с Германией, но даже и самый состав все чаще диктовались различными премьер-министрами его величества. Лаваль, этот знаток в области предательства и измен, говорил, что деятели Третьей республики «ездили в Лондон спрашивать разрешения на то, чтобы стать французскими министрами». Это совершенно верно. Но политические деятели были не единственными, перешедшими на службу Великобритании. Высшие чиновники и крупные армейские чины в момент отставки получали от лондонского Сити, в порядке вознаграждения за свою лойяльную службу, административные посты на Суэцком канале. Ограничимся указанием, что в их числе был Вейган, о котором в 1925 году

Роже Менневэ опубликовал уличающие документы, показывающие, что этот главнокомандующий французской армии был простым агентом «Интеллидженс сервис».

Вместе с тем уже тогда появились зловещие признаки подчинения Вашингтону, которые еще может быть и не были столь явными, но представляли собой не менее низкую форму подлинной рабской зависимости. Известный «план Дауэса», означавший для Франции окончательный отказ от репараций и от всякой независимой политики по германскому вопросу, все же был принят парижским правительством. И только потому, что американский банкир Морган, державший в своих руках различные парижские банки, спекулировал одновременно на финансовых нуждах Пуанкаре и на той притягательной силе, которую имела для французской финансовой олигархии антисоветская сторона «идей Дауэса». Если в 1935 году переговоры по поводу франко-советского торгового договора провалились, то это произошло благодаря прямому вмешательству американского посла в Москве Буллита, который, по собственному выражению его коллеги в Берлине Додда, «подействовал на лицо, имеющее решающее влияние во французском кабинете». Если Боннэ остался у власти, хотя сам Даладьё считал его немецким агентом, то это потому, что тот же самый Буллит, будучи назначен послом в Париж, защитил его по указанию банка Моргана, связанного с банком братьев Лазар, доверенным лицом которых являлся Боннэ.

Таковы закулисные нити антисоветской паутины, которые подготовили июньскую катастрофу 1940 года.

3. Союз с Гитлером

Идея использования немецкой военной машины против СССР является не новой. Она была ясно выражена в условиях перемирия от 11 ноября 1918 года, когда французы принимали все меры предосторожности для того, чтобы армия кайзера не только вернулась целой и непобежденной в Германию, но и официально была уполномочена продолжать «борьбу против большевизма» на востоке. Во имя той же «идеи» немецкая реакция потопила в крови движение «Спартак». И если знаменитая «непримиримость» Пуанкаре в вопросе репараций

была так легко преодолена посредством англо-американского нажима, то это потому, что в конечном счете отвоевание «русского рынка» казалось более серьезным делом, чем французская безопасность. Все усилия были направлены на то, чтобы Германия могла занять свое место в заговоре держав, готовящих агрессию против СССР.

За кулисами всех этих событий скрывались все те же «200 семейств». Известно, что из-за недостатка железа в Германии и недостатка угля во Франции существует взаимозависимость между французской и немецкой металлургической промышленностью. На этой основе создались чрезвычайно мощные картельные связи между монополистическими группами по обе стороны границы. И не только картельные связи. Семья французского магната металлургии де Ванделя была наполовину немецкой и занимала среди магнатов Рура значительное положение. Тот, кто должен был стать гитлеровским послом в Париже — граф Вельчзек, через свои родственные связи с Саганом и Сейлерами, также примыкал к тресту де Ванделя. Во французском дипломатическом корпусе можно было найти графа де Каstellана, дальнего родственника того же Вельчзека, и полномочного министра де Вьенна, о котором уже упоминалось как о родственнике фон Папена. Французские тресты не могли не считаться с интересами и требованиями своих немецких братьев, которые в то же время были тесно связаны с американскими монополиями. Именно они — американские, английские и французские банкиры — всячески помогали восстановить военный потенциал Германии.

Приход Гитлера к власти в 1933 году вынудил парижскую финансовую олигархию более тщательно маскировать свою игру. Общественное мнение требовало, чтобы были приняты, наконец, меры к обеспечению безопасности Франции. Антифашистское движение масс принимало широкие размеры, и под воздействием французской коммунистической партии намечались первые шаги к образованию широкого «народного фронта». Несмотря на замалчивание или потоки лжи так называемых «информационных» газет, Советский Союз в глазах «среднего француза» все более и более становился единствен-

ным последовательным борцом за мир и естественным подлинным союзником Франции.

Только для виду — другого слова нет — тайные хозяева Франции терпели в министерстве иностранных дел такого патриота Франции, как Луи Барту, который заложил основы первого франко-советского пакта. Но накануне подписания пакта, девятого октября 1934 года, этот человек был убит. Официальное расследование установило, что за это преступление ответственность несет итальянский фашизм. Но дело не обошлось без участия «Интеллидженс сервис».

Место Барту занял Пьер Лаваль. Тем не менее 2 мая 1935 года франко-советский пакт был подписан. Но дипломаты с Кэ д'Орсэ предусмотрительно ввели в текст, предложенный советским правительством, такие оговорки, которые лишали его всякой практической эффективности. Ничего не было сказано, даже парижским министрам, о советском предложении заключить военное соглашение, направленное на защиту обеих стран в случае нападения. А Лаваль поспешил предупредить Геринга, встретившись с ним в Варшаве на похоронах Пилсудского, что союз между Францией и СССР является только «фарсом».

Тогда, во время франко-советских переговоров, впервые вполне ясно определилось то положение, о котором будет часто упоминаться на этих страницах. Всегда при переговорах защитниками жизненных интересов моей родины выступали не французы, а представители советского правительства, и только они одни.

Под прикрытием дымовой завесы, которой служил пакт от 1935 года, политика слияния с немецким империализмом продолжалась непрестанно, без малейшего перерыва. Более того, с годами она становилась все интенсивней в своем стремлении убедить Гитлера оказать «услугу» «200 семействам» и напасть на Советский Союз.

Полный размах этот союз с Гитлером принял после появления в 1934 году в Париже личного шпиона Риббентропа — Отто Абеца. Он не замедлил завязать самые тесные связи. Эти связи были к тому же очень доходными для тех, кто ими пользовался, так как Гитлер щедро оплачивал своих иностранных агентов. Абецу «удалось» организовать визит Риббентропа к Лавалю. Во

время этого визита было решено, что Франция откажется от всех претензий в отношении Саарского бассейна, чтобы не мешать гитлеровским планам «антибольшевистского похода» и позволить фашистам провести там «плебисцит» по своему усмотрению.

Очевидно, Лаваль был идеальным собеседником при подобном рода торге. Но и образование «народного» правительства Леона Блюма в 1936 году не внесло никаких изменений в политику сближения с гитлеризмом. Как раз наоборот: одной органической ненависти этого человека к СССР было достаточно, чтобы сделать из него послушного лакея Гитлера. Деятели партии Блюма вели в палате неистовую кампанию против ратификации франко-советского пакта.

Вот почему политика «невмешательства» Блюма и его министра иностранных дел Ивона Дельбоса состояла не только в том, как это обычно принято думать, чтобы оставить Гитлеру свободные руки в борьбе против испанского народа. В действительности это было лишь составной частью обширного плана, выработанного сообща тайными хозяевами Франции для того, чтобы привести фашистских вожakov к мысли о совместной антисоветской операции. Об этом шла речь во время визита к Блюму гитлеровского министра финансов Шахта в конце 1936 года, когда «оба очень понравились друг другу», по замечанию Поля Рейно. Разговоры на эту тему продолжались между немецким послом Вельчзеком, французским премьером и министром иностранных дел Франции. «В наших интересах, — писал Вельчзек своему министру иностранных дел, — удержать этих двух здравомыслящих и честных людей у руля», он имел в виду Блюма и Дельбоса.

Но протекция германского посла не помогла блюмовскому кабинету продержаться у власти. Его место заняли Даладьё — Боннэ, которые не менее пылко желали соглашения с Гитлером в целях антисоветской войны. И события продолжали развиваться именно в этом направлении.

30 сентября 1938 года было подписано мюнхенское соглашение. Ни один человек не станет сейчас отрицать, что мюнхенское соглашение — это беспримерное в исто-

рии покушение на целостность союзной страны, как Чехословакия, — было также лишь составным элементом более широкого плана. Надо было удовлетворить территориальные требования Гитлера, чтобы взамен этого он решился наконец на агрессию против СССР, которой его дипломаты без конца дразнили своих собеседников в Париже и Лондоне. И нужно раз навсегда отбросить получившую широкое распространение во Франции легенду о том, что Даладье действовал по принуждению своего сообщника Чемберлена. Документы, найденные в архивах гитлеровского министерства иностранных дел после победы (информационное сообщение Хейниша и памятная записка Кордта), говорят, наоборот, о том, что французский премьер-министр был более безжалостным из двух по отношению к Чехословакии и наиболее сердечным к Гитлеру. Мюнхен был не результатом капитуляции, а продуманным расчетом.

Вскоре Риббентроп приехал с официальным визитом в Париж, и если господа с Кэ д'Орсэ обманывали журналистов, говоря им, что заявление о франко-гитлеровской дружбе было «враньем», то разговоры между двумя министрами носили весьма существенный характер. Как заявил помощник Риббентропа — фон Вейцзекер на официальной аудиенции, данной им французскому послу Кулондру 18 марта 1939 года, Боннэ предоставил своему собеседнику полную свободу действий в отношении оккупации Чехословакии. Риббентроп уверил своего коллегу, что война на востоке неизбежна. В одном циркуляре для французских дипломатических постов Боннэ, комментируя парижские переговоры, писал, что министр Гитлера дал ему понять, что «немецкая политика отныне будет направлена на борьбу с большевизмом». И во время одного разговора с публицистом Леоном Гердан он грубо бросил:

«Вы получите ее, вашу войну, когда немцы набросятся на Украину».

На Кэ д'Орсэ жили уверенностью, что наконец-то осуществится эта «большая операция», о которой мечтали в течение двадцати лет. Но операция не осуществилась. Произошло другое: в первые месяцы 1939 года стало очевидным, что вместо «кампании на востоке» Гитлер набросится на Польшу Бека, хотя

последний был также сторонником «антибольшевистского похода».

Будучи верным своей неуклонной политике активной защиты мира, советское правительство, великодушно против нарушение франко-советского пакта, совершенное в Мюнхене, предложило лондонскому и парижскому кабинетам начать переговоры, чтобы преградить путь гитлеровской опасности. Даладье и Чемберлен решили использовать это обстоятельство, чтобы путем шантажа заставить Гитлера выполнить обязательства, взятые им на себя в Мюнхене и во время переговоров Боннэ с Риббентропом. Даладье и Чемберлен сделали вид, что начинают переговоры с советским правительством, заранее решив не доводить их до конца. Они были глубоко убеждены в том, что предпринятой ими попытки переговоров окажется достаточно, чтобы сплотить франко-германо-английскую коалицию против СССР.

Таким образом, с марта по конец августа 1939 года в Москве происходили невероятные официальные переговоры, во время которых представители стран, находящихся под непосредственной угрозой гитлеровского нападения, а именно Франции и Англии, занимались лишь тем, что проваливали каждое предложение о конкретной помощи, которое им делали их советские партнеры. Тем временем, через официальных агентов — Горация Вильсона и Хадсона со стороны Англии и Поля Бодуэна и неизбежного Бринона с французской стороны, — гитлеровских эмиссаров в Лондоне, Берлине, Париже и Риме всячески убеждали, чтобы фюрер поспешил договориться с «западными демократиями» и напал на Советский Союз.

Гитлер разгадал маневр. Судя по тому, что телеграфировал немецкий посол в Лондоне Дирксен, ему было известно о том, что московские переговоры «были лишь запасным средством для настоящего примирения с Германией». Гитлер сделал вид, что он «колеблется», чтобы обмануть Париж и Лондон. Но он уже успел усвоить, что нельзя нападать на Советский Союз, не разбив сначала французскую армию. Эта армия угрожала гитлеровским тылам, даже в случае формального союза, так как он знал о горячих чувствах симпатии французского народа к СССР. И Гитлер напал на Польшу, вовлекая таким образом Францию и Англию в войну, прямо противополо-

ложную той, которую они упорно готовили на протяжении двух десятилетий.

Так политика антисоветской агрессии парижских правителей подвергла Францию фашистской агрессии. Она также открыла дверь кошмару второй мировой войны. И поэтому в глазах истории преступление против человечества, совершенное Даладье, Боннэ и их вдохновителями, является таким же и заслуживает такого же наказания, что и преступление фашистских главарей, которым они проложили путь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОТ СКРЫТОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА — К ОТКРЫТОМУ

1. «Странная война»

Эта война, оказавшаяся совсем не такой, какую они готовили, застала врасплох парижских министров, которые были в состоянии ужасающей дипломатической изоляции. Со времени Мюнхена они потеряли, за исключением слабой Польши Бека, всех своих союзников на континенте. Из «дружественных» великих держав у них осталась всего лишь империалистическая Англия, от которой они не надеялись получить ничего, кроме прекраснодушных фраз, так как знали, что Англия готова сражаться «до последнего французского солдата».

В течение августа и сентября 1939 года правительство СССР неоднократно давало понять, что несмотря на все махинации, проводимые до сих пор против него в Париже и Лондоне, оно попрежнему готово служить делу мира. Но правящие круги Парижа даже не стали рассматривать эти миролюбивые предложения. Они приняли самое абсурдное решение. Оно состояло в том, что Франция соглашалась объявить войну гитлеровской Германии, не открывая против нее военных действий. И в течение восьми месяцев они с исключительной последовательностью проводили в жизнь это решение.

Прежде всего, против Германии не было проведено ни одной операции, достойной этого названия. Даже в тот момент, когда почти вся гитлеровская армия была занята в Польше, а на французской границе было лишь двадцать пять дивизий, наша армия бездействовала. «Это подтвердило, что западные державы не хотят вступать с нами в войну» — заявил на Нюрнбергском процессе Кейтель. Запомним глагол «подтвердило».

В области дипломатии наблюдалось подобное же бездействие. Не предпринималось никаких попыток к сближению с СССР, что было бы единственным путем к спасению. Не пытались даже восстановить отношения с дипломатами стран Восточной Европы, которые когда-то считались политическими деятелями «200 семейств», «бастионами французской безопасности». Более того, не было никакого контакта с Бельгией, хотя опыт 1914 года напоминал даже самым невежественным людям, что гитлеровцы вторгнутся через Бельгию.

В области военной индустрии царило не менее поразительное бездействие. Пушки, танки, самолеты и снаряжение выпускались заводами в гораздо меньшем количестве, чем это было предусмотрено, а иногда даже в меньшем количестве, чем в мирное время. Пропаганда Даладье уже не могла скрыть этот скандал, и поэтому поспешила объяснить его «дурным желанием рабочих». Но имеется целый ряд доказательств, что саботаж исходил от «200 семейств».

Даже в области разведки бездействие было полнейшим. «Второе бюро» так «хорошо» работало, что, например, для него было настоящим открытием, когда в мае 1940 года на полях сражения во Фландрии появились немецкие танки, неуязвимые для французской артиллерии. Оно уверяло командование, что в Германии не существует другой брони, кроме той, которую видели в польскую кампанию!

Только в одной области правители Франции, которая находилась в состоянии войны с фашизмом, проявляли необычайную активность: они запрещали единственную антифашистскую и патриотическую партию — коммунистическую; они производили массовые аресты ее борцов, предъявляя им совершенно сумасбродные обвинения; они сожгли все, что было выпущено издательствами коммунистической партии за предыдущие годы. Короче говоря, правители Франции занялись охотой на патриотов и их книги.

Лишенный газет, которые бы не оплачивались из бюджета Даладье, французский народ не мог видеть оборотной стороны карт. Но своим здравым смыслом он понял, что за всем этим нагромождением преступного

вздора скрываются определенные намерения. Он заклеил этот странный подход к национальной обороне Франции названием «странная война». Под таким названием этот зловещий период и вошел в историю.

2. Подготовка антисоветской агрессии с севера

За кулисами этой «странной войны» скрывалась бешеная подготовка парижских правительственных кругов к агрессивной войне против СССР. Это было целью № 1 в их внешней политике. На этот раз речь шла не только о тайных дипломатических интригах, но о конкретной военной подготовке. Точнее, предполагалось одновременно атаковать СССР с севера и в районах Кавказа.

План вторжения с севера был раскрыт перед общественным мнением во время кампании в Финляндии, когда Даладье заявил о своем намерении послать экспедиционный корпус на помощь финским белогвардейцам, воевавшим против Красной Армии. Эта плачевная авантюра потерпела крах и способствовала крушению кабинета Даладье. По-моему, не был достаточно освещен — по крайней мере во Франции — тот факт, что война между СССР и Финляндией явилась только предлогом в этом деле.

Факты, свидетелем которых я был во время «странной войны», так как занимал должность пресс-атташе при французской миссии в Эстонии, позволяют мне кое-что уточнить.

До войны с гитлеровской Германией состав наших служб антисоветского шпионажа в Восточной Прибалтике — в Финляндии и Эстонии, Латвии и Литве — был уменьшен до минимума. Управление этими службами было сосредоточено в руках военного атташе, проживающего в Риге, а морской и авиационный атташе жили в Варшаве. В Хельсинки, Таллине и Каунасе разведка ограничивалась тем, что содержала «корреспондентов», работавших под различными официальными прикрытиями. Это были старые служащие консульств, натурализованные во Франции белогвардейцы, как, например, Гранклеман в Литве, Лазарь Хейман в Эстонии и Алексеев в Финляндии (этот последний — отъявленный негодяй, дезертир царского флота, во время интервенции был

награжден орденом Почетного легиона за саботаж на броненосце, которым он командовал; впоследствии он разбогател в результате удачных спекуляций). Кроме того — целая группа преподавателей, работавших под «прикрытием» различных лицеев или французских институтов в этих местах, например Раймонд Шмитлейн в Каунасе или Дебуте и Лассерон в Таллине. Такие кадры были явно недостаточными для осуществления агрессивной антисоветской политики, и часто дипломатическая миссия в Эстонии пользовалась услугами бельгийского шпионажа, представителем которого являлся почетный консул Мишель Никез, старый тупоумный алкоголик, мастер на различные антисоветские выдумки, которыми он очаровывал своих брюссельских хозяев.

На следующий же день после вступления Франции в войну с гитлеровской Германией вся совокупность антисоветских разведывательных служб в этом секторе была коренным образом реорганизована, и состав их был значительно увеличен. Рига превратилась в настоящий плацдарм под командованием военного атташе подполковника Оппено* и его помощника Шмитлейна, внезапно превратившегося в лейтенанта стрелкового полка. Они командовали целым отрядом французских профессоров, преподававших в Латвии и Литве, специально отозванных из Франции, где они проводили отпуск. В Таллине появилась морская миссия во главе с капитаном II ранга Грюйо и инженером морской артиллерии Берну. Они тотчас же мобилизовали в разведывательную службу учителей местного французского лицея Лассерона и Габриэля Хеймана. В Хельсинки Алексею неожиданно присвоили звание капитана III ранга французского флота; он стал помощником морского атташе капитана II ранга Пельтье, одного из «экспертов» по русским делам «Второго бюро» морского флота, участника интервенции, работавшего в Риге вместе с Жюлем Моком в 1925 году.

Итак, французское «Второе бюро» превзошло «Интеллиженс сервис», которая до этого времени была, наряду с гитлеровской разведкой, наиболее значительной шпионской организацией в Прибалтике. Это было

* Кузен дипломата Оппено.

заметно также и в области денежных фондов, так как новым парижским эмиссарам так щедро платили, что наши дипломаты бледнели от зависти, хотя они и не вели нищенский образ жизни.

Такие значительные разведывательные органы могли бы нанести противнику и, в частности, его флоту большой урон. Тем не менее они в основном занимались сбором всякой информации, даже на первый взгляд самой незначительной, добытой в базах, занятых Красной Армией и Флотом. Мне известно, что в самой первой телеграмме «Второго бюро» морского флота, адресованной Грюйо в Таллин, давались указания собирать как можно больше сведений о «боеспособности Красной Армии». И я знаю, что «Второе бюро» военного министерства примерно в это же время передавало по телеграфу подобные указания своим агентам в других странах.

Это происходило в сентябре — октябре 1939 года, когда еще не чувствовалось никакой натянутости отношений между Москвой и Хельсинки, и, следовательно, вывод ясен: подготовка военного нападения на СССР с севера началась задолго до начала финской кампании; она началась на следующий же день после вступления Франции в войну с Германией.

Конечно, начало финской войны еще больше усилило эту шпионскую деятельность. В Хельсинки был послан один из наиболее известных агентов «Второго бюро» военного министерства, полковник Ганеваль, который должен был там присоединиться к не менее известному эмиссару «Второго бюро» морского министерства — Жюлю Моку. В связи с предусматривавшимся нарушением нейтралитета скандинавских стран французским экспедиционным корпусом, в Осло и Стокгольме также были организованы разведывательные центры во главе со «специалистом» по разведке морского флота капитаном I ранга Арзюром и весьма подозрительным «исследователем» Поль-Эмиль-Виктором, который сейчас сотрудничает с американским штабом, где вырабатываются планы нападения на СССР через Гренландию...

Но важно заметить, что с окончанием войны в Финляндии подготовка антисоветской агрессии с севера не прекратилась. Поль Рейно с неменьшим рвением продолжал дело, начатое Даладьё. Неудачная экспедиция в

Норвегию в апреле — июне 1940 года представляла собой лишь одну деталь плана нападения на СССР с севера. Когда Рейно решил пойти на эту авантюру, он продолжал настаивать на плане, выработанном его предшественником, несмотря на то, что уже был заключен мир между Москвой и Хельсинки. И намерения Рейно были ясны, несмотря на глупые фразы о необходимости «воспрепятствовать продвижению немцев к железной руде», которыми он пытался одурачить общественное мнение. На самом же деле речь шла о том, чтобы завоевать наиболее близкую к СССР базу, откуда можно будет начать новую агрессию, так как в Финляндии такая база была потеряна. Об этом мимоходом упоминает Рейно в своих мемуарах, когда он восклицает: «Экспедиционный корпус никогда не сможет прибыть в Финляндию! Но если бы он смог достигнуть хотя бы железорудных шахт на севере Швеции... то этим был бы достигнут блестящий результат».

Чем же все-таки занималась французская антисоветская разведка в Прибалтике в этот период?

Прежде всего она ни на миг не прекращала собирать сведения стратегического характера о вооруженных силах СССР, хотя уже не было предлога «помощи Финляндии». Как раз в этот период французская разведка окончательно обнаглела: «господа офицеры» устраивали мнимые прогулки на лодках со своими любовницами, а в это время шпионы фотографировали корабли Балтийского флота; давались «лейки» портье гостиниц, чтобы те фотографировали документы военного характера, которые советские офицеры могли забыть в своей комнате. Все это свидетельствовало о том, что, несмотря на заключение мира между Финляндией и СССР, планы нападения на СССР с севера продолжали вынашиваться.

Вся эта деятельность была связана с кампанией, происходившей в Норвегии. Шмитлейн, изгнанный по требованию советских властей из Латвии за то, что он слишком заметно сунул свой нос в базы Красной Армии, был немедленно направлен в Стокгольм. Оттуда он несколько раз посылал своих людей для связи с экспедиционным корпусом, находящимся в Нарвике. Жюлья Мока, не сумевшего «во-время» прибыть в Финляндию, тоже направили в Норвегию. Кроме того, в Нарвике в

это время находился некий капитан Деваврэн, член фашистской разведывательной организации «кагуляров», который под именем Пасси приобрел темную славу как начальник деголлевского шпионажа.

Таким образом, экспедиция в Норвегию была на самом деле лишь новым вариантом обширного плана нападения на СССР с севера.

3. Подготовка антисоветской агрессии с юга

В то время как развертывалась подготовка на севере, генерал Вейган в Бейруте, а посол Рене Массигли в Анкаре должны были подготовить вторую операцию в направлении Закавказья и нефтяных месторождений Баку. В настоящее время об этой второй операции имеются самые подробные сведения: часть секретной корреспонденции Кэ д'Орсэ и штаба по этому вопросу была потеряна при паническом отступлении на маленькой станции Ля Шарите-сюр-Луар, попала в руки гитлеровцев и была опубликована в 1941 году.

Все эти документы дают возможность установить, что операция на юге была гораздо более важной. Об этом можно судить, во-первых, по ее исполнителям — Вейгану и Массигли, во-вторых, по тому вниманию, которое уделяли ей парижские правящие круги, упоминая о ней почти на всех заседаниях кабинета или совета национальной обороны, и, наконец, по ее международным связям, так как в подготовке, наряду с парижскими правящими кругами, принимали активное участие турецкое и в особенности британское правительства. Тот факт, что агенту «Интеллидженс сервис» Вейгану была поручена самая главная роль в этой операции, с достаточной ясностью показывает, что основными вдохновителями заговора были лондонские нефтяные монополии, в частности знаменитая «Ройял дач».

Как видно из документов, захваченных на станции Ля Шаритэ-сюр-Луар, выдвигалось несколько вариантов этой операции. По этим документам можно судить, что готовилась операция широкого размаха. В военном плане предполагалось одновременно мобилизовать значительное количество наземных, морских и воздушных сил, а Франция должна была поставить основную массу войск.

В области дипломатии предполагалось вовлечь в войну Турцию и даже Иран (нота Вейгана от 16 марта). Верные своим старым убеждениям и воображая, что советское Закавказье — это арабское феодальное владение, разведки Парижа и Лондона предусмотрели даже организацию «восстания мусульман» (нота Даладые от 19 января)!

Следует отметить, что весь этот план возник еще до объявления войны Германии. Уже в начале 1939 года французский штаб начал отправлять в Сирию и Ливан первые контингенты пехоты, предназначавшиеся для «подкрепления на случай прибытия экспедиционного корпуса». 31 августа Вейган уже прибыл на свою штаб-квартиру в Бейрут. Стало быть, подготовка нападения на СССР началась еще в июле — августе 1939 года, то есть в тот момент, когда в Москве велись переговоры о заключении пакта о взаимопомощи с СССР. Это лишь еще раз доказывает, что переговоры служили только дымовой завесой, за которой правящие круги Парижа и Лондона старались втянуть Гитлера в совместный «антибольшевистский крестовый поход». Кроме того, этот факт является наглядным примером того, что начавшаяся война гитлеровской Германии с «западными демократиями» не изменила хода подготовки антисоветской агрессии.

Из документов, захваченных в Ля Шаритэ-сюр-Луар, видно, что заключение мира между Финляндией и СССР несколько не уменьшило старания организаторов «южной операции». Они, наоборот, с лихорадочной поспешностью продолжали вести подготовку под предводительством Поля Рейно. 12 марта Гамелен, напомнив о переговорах между Хельсинки и Москвой, в официальном сообщении заметил правительству, что «нужно скорее действовать». 28 марта межсоюзнический верховный совет телеграфировал Вейгану, что «необходимо все подготовить и начать операцию, как только будет принято решение». 12 апреля «военный кабинет» под председательством Рейно приказал Вейгану назначить день наступления. Спустя пять дней Вейган ответил, что начнет наступление «в конце июня или в начале июля»...

Но наступление начала гитлеровская Германия, атаковавшая десятого мая французскую армию. Ту армию, которую недостойные авантюристы покинули перед лицом

противника, фашистского врага, угрожавшего свободе и независимости народа, увлекшись гнусными мечтами мировых трестов и банков о нападении на СССР.

4. Настоящий секрет «странной войны»

Многие французы еще и сейчас думают, что подготовка к антисоветской агрессии была настоящим секретом «странной войны». Они ограничиваются тем, что констатируют существование этой подготовки, и отсюда выводят чисто психологическое заключение, что правящие круги Парижа состояли из идиотов и сумасшедших, ослепленных идеями антисоветской войны.

Парижские правители были безусловно преступниками. Но, не обладая большим умом, они все же не были ни идиотами, ни сумасшедшими. У них был план, в настоящее время полностью раскрытый.

Посмотрев на карту, можно отметить его основные линии. Операции в Финляндии и Турции были лишь «фланговыми операциями», которые сами по себе не могли привести к какому-нибудь результату в войне с такой страной, как Советский Союз. Но между этими флангами было достаточно места для главного фронта — от Восточной Пруссии до Румынии. А контроль над этим центральным фронтом должна была осуществлять Германия. План французских правящих кругов состоял в том, чтобы совместно с чемберленовской Англией и гитлеровской Германией совершить «европейский антибольшевистский крестовый поход». А так как с третьего сентября помимо их воли Франция оказалась в состоянии войны с Германией, теперь задача состояла в том, чтобы убедить Гитлера заменить эту войну войной против Советского Союза.

Настоящий секрет «странной войны» и заключался в попытках убедить Гитлера.

Когда французский народ станет хозяином своего государства, будут, несомненно, обнаружены все документы, которые необходимы для полного раскрытия этого секрета. Но у нас уже сейчас есть достаточно наводящих нитей, чтобы разобраться в этом лабиринте.

Прежде всего установлено, что во время «странной войны» велись франко-германские переговоры с целью изменения ситуации согласно желанию «200 семейств».

В марте 1940 года в Таллине я узнал из достоверного источника, что в Берлине в различных «нейтральных» дипломатических миссиях уже имеются сведения об этом. В 1942 году в Куйбышеве я получил подтверждение этого факта: переговоры велись в Швейцарии и в Голландии. Французы помнят таинственную поездку в Париж, в самом разгаре войны, рурского магната Тиссена, якобы ставшего «антифашистом». Он должен был предложить создание «Восточной Германии во главе с Пруссией», которая «могла бы оказать полезное и умиротворяющее влияние на Восточную Европу» *. Большую роль в этих тайных переговорах играл французский посол при Муссолини Андрэ Франсуа-Понсэ, агент «Комите де форж», который, по сообщению американского журнала «Харперс мэгэ-зин», продолжал во время войны снабжать германские военные заводы железной рудой через Бельгию и Люксембург. Нельзя также забыть знаменитую «миссию с целью сбора информации» заместителя государственного секретаря США Самнера Уэллеса, посетившего весной 1940 года все воюющие страны и много раз беседовавшего с Риббентропом, Чемберленом, Чиано и Рейно. Эта миссия была одним из звеньев в целой цепи фактов.

Кроме того, факты доказывают, что во время этих переговоров берлинская имперская канцелярия передавала парижским правящим кругам свои заверения. Мы только что видели, что начало «южной операции» против СССР было окончательно намечено на июнь — июль 1940 года. И само собой разумеется, что ни Рейно, ни Гамелэн не взяли бы на себя такой ответственности, если бы у них не было этих «заверений». Бесспорно, что гитлеровские эмиссары сообщили своим французским партнерам о том, что Гитлер согласился на предполагаемую операцию. Они даже уточнили, что стоит только французской армии начать активные военные действия против СССР, как Германия тотчас же присоединится к ней. И из донесений Массигли, захваченных в Ля Шаритэ-сюр-Луар, видно, что такие же заверения были получены от Сараджоглу, который действовал от имени турецких правителей.

* Это дословные выражения Тиссена из его книги «Я заплатил Гитлеру», вышедшей в 1942 году.

5. Подлинный смысл капитуляции

Но с того момента, как немцы начали наступление на Францию, утром 10 мая, французские министры вынуждены были убедиться в том, что Гитлер ни за что не согласится «повернуть против России», пока не ликвидирует всякое сопротивление на континенте на Западе.

Тогда они с неумолимой последовательностью решили собственноручно ускорить ликвидацию этого сопротивления. В результате пятинедельного стратегического и тактического саботажа, подобного которому еще не знала история, самые большие города и сотни километров территории отдавались противнику без сопротивления. И в то время, когда армия могла бы и народ еще хотел сражаться, правители Франции пошли на постыдную капитуляцию перед Гитлером в Компьене.

Они, конечно, не создавали себе иллюзий о последствиях подобной капитуляции. Результатом ее было жестокое порабощение Франции. Но для этих французских господ это, в конце концов, компенсировалось двумя факторами.

Во-первых, на внутренней арене им обеспечивалось положение «хозяев» страны под защитой немецких штыков, что их спасало от возмущения французского народа.

А во-вторых, на внешней арене они могли продолжать уже на новой основе политику антисоветской агрессии, не удавшейся в своей прежней форме. Такой основой явилось, конечно, полное подчинение политике «великой Германии». Они надеялись, что в тот день, когда Германия возглавит «антибольшевистский крестовый поход», Гитлер бросит своим парижским псам несколько костей со своего стола.

Так возник «коллаборационизм».

Начиная с лета 1940 года новый «глава французского государства» Петэн уже готовился к этой роли при поддержке министерства морского флота, известного царящим в нем реакционным духом. И на другой же день после капитуляции вблизи южных границ СССР появилось много шпионов, состоящих на службе «Второго бюро» министерства морского флота, которых я раньше знал как морских атташе в Прибалтике: Грюйо — в

Софии, Аржур — в Анкаре, Ля Аль — в Афинах *. Все они принялись за работу, чтобы расчистить путь гитлеровской армии в этом секторе. Благодаря признаниям бывшего дипломата правительства Виши Раймонда Оффруа, опубликованным в Англии после его присоединения к «свободной Франции», известны некоторые подробности этой «работы». В этих признаниях Оффруа, в частности, рассказывает, что под руководством Ля Аль ему поручили собирать шпионские сведения о греческих портах Салоники и Воло, чтобы гитлеровская авиация могла с большим успехом бомбардировать эти объекты, а французский консул в Патрасе занимался тем же и с таким же результатом на авиационной базе на мысе Паппас...

И как бы венцом загнивающей политики антисоветской агрессии явилась отправка Петэнном на германо-советский фронт после 22 июня 1941 года банды проходимцев и «аристократов», известной под названием «Легиона французских добровольцев». Это сборище отбросов разлагающегося общества, направившееся воевать против социалистической страны, было одето в форму гитлеровских солдат, на которую преступные руки не постеснялись нашить трехцветную эмблему. Так позорно осуществилась эта антисоветская мечта, достойная ее авторов.

Вот во что вылилась двадцатилетняя гнусная мечта «200 семейств» и их лакеев об антисоветской агрессии. Вот ради чего «200 семейств», то есть французские банкиры и промышленники в самом тесном и тайном контакте с английскими, гитлеровскими и американскими монополиями, подготовили июньскую катастрофу 1940 года, самую позорную страницу в истории Франции. Предав Австрию, Чехословакию, Польшу, Францию и тем самым развязав руки Гитлеру на Западе, они надеялись, что вооруженные фашистские армии набросятся, наконец, на СССР. Они были убеждены, что «игра стоит свеч», так как, по мнению этих торговцев смертью, СССР не выдержал бы натиска гитлеровских орд, которые были вооружены с помощью США и стран Западной Европы. Они продолжали наживаться на гибели простых людей.

* Однако Пельтье не покинул своего «фронта». В 1941 году, во время гитлеровского нападения на СССР, он еще «трудился» в Хельсинки.

Предатели и их хозяева в Париже, Лондоне и Нью-Йорке все учли, все предусмотрели, кроме одного решающего фактора — мощи Советского государства и доблести советского народа. Этот великий народ был поднят Сталиным на борьбу против фашизма и в тяжелых кровопролитных сражениях с гитлеровской Германией одержал триумфальную победу. Именно победы армии Сталина принесли освобождение от гитлеровского ига всем народам Европы и в том числе моей родине — многострадальной Франции.

И этого никогда не забудет французский народ. Пусть призадумаются над этим американские господа, мечтающие о превращении Франции в плацдарм, а французского народа — в «пушечное мясо» в новой агрессивной войне против СССР. Июньская катастрофа 1940 года является грозным и вечным предостережением для моей родины.

ЧАСТЬ II

АВАНТЮРИСТ де ГОЛЛЬ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЦЕПИ «СВОБОДНОЙ ФРАНЦИИ»

1. Как Черчилль сфабриковал «свободную Францию»

После июньской катастрофы 1940 года многие французы присоединились к де Голлю только потому, что он заявил, что будет продолжать борьбу; французы хотели драться.

Но люди мыслящие не могли не видеть совсем не французское происхождение движения «свободной Франции» и те предпосылки, которые способствовали его возникновению. При виде разгрома Франции Черчилль постарался извлечь из него максимум прибылей. Было ясно, что Франция на длительный период будет оккупирована Гитлером. Нужно было немедленно принять меры предосторожности на случай, если Гитлер будет побежден, чтобы сделать Францию настоящей английской колонией.

С этой целью накануне капитуляции Черчилль предложил умирающему кабинету Рейно знаменитый план «слияния», по которому должно было быть создано «Соединенное государство Великобритании и Франции». Это положило бы конец существованию Франции как самостоятельного государства. Когда этот план был отброшен, как слишком явный, Черчилль принялся за изготовление «эрзаца» — «французского эмигрантского правительства», которое было бы полностью в руках американских и английских монополий и способствовало бы обеспечению абсолютной власти над Францией.

План «слияния» обсуждался в Лондоне с временно назначенным бригадным генералом, помощником военного министра Шарлем де Голлем, которого Рейно послал к Черчиллю. Черчилль же, в свою очередь, послал де Голля в Бордо, где он должен был отстаивать этот проект перед французскими министрами. Когда эта хитрость не уда-

лась, то в день, когда Петэн пришел к власти, де Голля вызвали обратно в Лондон, «уда он прибыл на самолете некоего генерала Слирса, одного из руководителей «Интеллиджене сервис». И де Голлю поручили создать «свободную Францию».

18 июня де Голль выступил перед микрофоном Би-би-си с призывом к французам, чтобы они присоединились к нему...

Вокруг него быстро образовался круг из военных и штатских, находящихся в Лондоне, — их называли «первыми спутниками». А Черчилль, конечно, постарался из предосторожности ввести в состав этой группы своих людей, чтобы следить за своим новым детищем.

Так, к де Голлю был приставлен весьма любопытный субъект по имени Гастон Палевский. Он не был новым знакомым для де Голля, так как он уже однажды сыграл решающую роль в продвижении де Голля, представив его в 1935 году Полю Рейно; де Голль сразу же стал доверенным лицом Поля Рейно, который сделал его своим заместителем в военном министерстве. Там в 1940 году де Голль снова встретил Палевского, на этот раз в должности начальника кабинета своего «хозяина»...

Эта серия встреч, прямо как в детективном романе, имела, конечно, серьезные основания. Мы, французы, жестоко ошибаемся, когда легкомысленно относимся к Палевскому только потому, что его неестественные манеры, изысканные костюмы и пристрастие к духам придают ему довольно смешной вид. Американский шпион Кеннет Пендар, который был компетентным в этой области, в 1943 году охарактеризовал Палевского как «субъекта, участвовавшего в целом ряде политических и международных интриг». Палевский в действительности был и является старым агентом разведок различных стран, среди которых одно из главных мест занимает «Интеллидженс сервис». Вот почему в 1940 году Рейно сделал его своим начальником кабинета!. И так как Палевский очень хорошо отзывался о де Голле, Черчилль остановился на нем. Но в то же время Черчилль приставил к де Голлю «ангелом-хранителем» того же Палевского, верность которого была настолько образцовой, что в тот момент, когда я пишу эти строки, де Голль все еще не может отделаться от него.

Все эти предосторожности, направленные на то, чтобы превратить штаб «свободной Франции» в кучку наймитов, преданных Великобритании, принимались без учета одного важного обстоятельства: все эти люди имели, кроме Черчилля, еще и другие связи.

В самом деле, со стороны жены, урожденной Вандру (из семьи фабрикантов кондитерских изделий в Калэ), де Голль был родственником Фаржона, одного из тридцати двух председателей трестов, входящих в совет объединения химической промышленности. Брат де Голля — Пьер — был администратором известного банка «Юнион паризьен». Зять его — Алэн де Буасье — был кузеном одного из доверенных лиц Шнейдера в административном совете «Сосьете миньер де Тер Руж» и «Европейском индустриальном и финансовом объединении». Позже сын де Голля женился на кузине де Ванделей — Монталамбер. Короче говоря, он являлся представителем «Комите де форж».

Его «соратники» были также тесно связаны с банкирами и промышленниками. Так, будущий генерал Ле-клерк де Отклок был связан с де Ванделями. Будущий адмирал Обуано был сыном администратора Оттоманского имперского банка, братом администратора Западно-Африканского банка и племянником главного секретаря правления Индо-Китайского банка. Будущий полковник де Шевинье был родственником банкиров Родоканаки, Жуберов из «Асьери дю нор» и Форестье из «Эксплозиф Нобель». Будущий полковник Аристид Антуан представлял бельгийскую группу Ампэн в семи административных советах, в частности Электрического банка на авеню Клебера, финансируемого Лазаром — Ротшильдом — Шнейдером. Будущий полковник Деваврэн-Пасси был родственником владельцев «Компани эндюстриэль де реассюранс» и других банков на севере Франции. Инспектор финансов Дьетельм был администратором «Кре-ди колониаль» и директором страховой компании «Юр-бэн ви». Промышленник Рене Плевен был доверенным лицом банка в Сан-Франциско, зависящего от группы Моргана. Инспектор финансов Эрве Альфан — сын агента «Комите де форж», с которым мы уже встречались в первой части этой книги, был связан с Морганом.

Конечно, со своей стороны тресты также все расчи-

тали. Они не очень-то были уверены в конечной победе Гитлера и поэтому хотели оставить для себя «лазейку» на случай разгрома фашистов. Штаб «свободной Франции» был их представительством в Лондоне, и ему было поручено обеспечить прочность их гегемонии во Франции, если Гитлер потерпит поражение. Де Голль, так же как и его покровитель Петэн, был продолжателем традиций непрерывного ряда прислужников «200 семейств», державших бразды правления в Третьей республике.

2. Иностранцы разведки в руководстве «свободной Францией»

«200 семейств» не были единственными, кто внедрил в цитадель, созданную Черчиллем. Целый ряд правительств воспользовались соединением этой группировки эмигрантов, чтобы ввести туда своих агентов.

Прежде всего Соединенные Штаты. Рузвельт, информированный о фашистских тенденциях де Голля, конечно, относился к возникшему движению с крайним недоверием, тогда как государственный департамент из чисто империалистических, захватнических соображений предпочитал делать ставку на приближенных Петэна. Но американские финансисты не хотели чуждаться этих «французов из Лондона», так как их поддержка могла им когда-нибудь понадобиться; и действительно, благодаря таким людям, как Рене Плевен или Эрве Альфан, они проложили себе путь в «свободную Францию», который продолжали все время расширять.

Разведка Ватикана, со своей стороны, обеспечила себе солидное положение. В руках доминиканцев находился штаб морского флота, в составе которого были такие люди, как Обуано, тесно связанный с отцом Жиллетом, начальником этого ордена во Франции, и монах Тьери д'Аржанлье, которого для выполнения его миссии вызвали из монастыря. Что же касается ордена иезуитов, то в их руках находился сам де Голль, который раньше учился в их школе и был сыном одного из их доверенных лиц, сделавшего карьеру как преподаватель иезуитского колледжа.

Польское «Второе бюро», эмигрировавшее в 1939 году, также имело солидные связи. В 1919—1921 гг. де Голль

был в Варшаве, где провел два года при штабе и был в близкой дружбе с Пилсудским и Галлером. Палевский, поляк по происхождению, так же был тесно связан с польской разведкой, как и с «Интеллидженс сервис», и это еще более привязывало де Голля к «старым друзьям». (Далее мы увидим, как эти узы давили на проводимую им внешнюю политику.)

Наконец, гитлеровская разведка очень глубоко внедрилась в штаб «свободной Франции», в основном по трем направлениям.

Во-первых, через польское «Второе бюро», от которого де Голль и сопутствовавший ему Палевский ничего не скрывали. Конечно, этот орган был во многом связан с «Интеллидженс сервис» и, следовательно, был для Черчилля дополнительным способом контролировать «свободную Францию». Но это не все: польское «Второе бюро» было пропитано фашистским духом и буквально ослеплено ненавистью к СССР; оно всегда поддерживало тесные деловые связи с берлинской секретной службой. Напомним, что полковник Бек во время своего пребывания на посту военного атташе в Париже был постыдно изгнан из Франции за шпионаж в пользу Германии.

Во-вторых, через правительство Виши. Очень много писали о полковнике Деваврэн-Пасси, шефе БСРА — шпионской организации «свободной Франции», который состоял членом диверсионной организации «кагуляров». Де Голль под покровительством Петэна, которому он обязан своей карьерой при штабе, был связан с «кагулярами». И нет ничего удивительного в том, что одному из этих заговорщиков он поручил руководство БСРА, а Деваврэн-Пасси в свою очередь поспешил наполнить этот орган своими «коллегами». Этот факт является лишь яркой иллюстрацией того, что руководство «свободной Франции» было лишь веткой, отделенной от ствола правительства Виши. И все эти люди дружески обменивались между собой информацией разведывательного характера, оказывали друг другу взаимные «услуги». Первым публичным доказательством этого был процесс предателя Пюшо в Алжире в 1944 году, когда стало известно, что петэновская полиция помогала эмиссару де Голля «кагуляру» Френэ во время его поездок по Франции. Еще более наглядным доказательством явились документы

гестапо, найденные в 1947 году, по которым установлено, что один из друзей Френэ, Харди, выдал гитлеровцам первого председателя Совета сопротивления Жана Мулена, как подозреваемого в «прокоммунистических тенденциях»... Таким образом, от штаба де Голля до Гитлера через БСРА и вишийские коллаборационистские разведывательные службы тянулась непрерывная цепь.

Наконец, третьим, самым прямым путем, было то, что некоторые личности из окружения де Голля были непосредственно связаны с гитлеровской Германией. Здесь мы видим того же Палевского, который был связан с гитлеровской пропагандисткой Унити Митфорд. А в составе представительства «свободной Франции» в Куйбышеве в 1942 году я наблюдал по крайней мере трех «интересных» субъектов: два агента-дипломата, которые раньше поддерживали самые дружеские отношения с начальником разведывательной службы Риббентропа во Франции — Отто Абецом, и поверенный в делах подполковник Шмитлейн — член БСРА, о котором мне сообщили еще в 1934 году, что его жена, по происхождению немка, отмечена как «подозрительная». Шмитлейн, не зная о том, что мне известны эти подробности, открыто хвастался, что продолжает поддерживать письменную связь с этой женщиной, оставшейся в оккупированной Франции, и даже посылает ей деньги с каждым курьером, как будто бы для него вовсе не существовало никаких препятствий, созданных войной.

Сейчас хорошо известно, в частности из писем Рузвельта, что во время встреч Большой Тройки всякий раз удаляли де Голля, когда шла подготовка важной военной операции. Это делалось потому, что были серьезные опасения, что планы Большой Тройки через некоторых представителей «свободной Франции» попадут в руки гитлеровцев. Именно по этой причине де Голля не уведомили ни о высадке войск в Северной Африке в 1942 году, ни о подробностях открытия второго фронта в 1944 году, а также не пригласили ни на Ялтинскую конференцию, где обсуждался конечный штурм гитлеровской Германии, ни на Потсдамскую, где обсуждались решительные меры по ликвидации империалистической Японии.

Де Голль был очень раздражен такими предосторожностями, но он должен был пенять на самого себя.

3. «Независимость» де Голя

Итак, цепи де Голя были страшно тяжелыми и страшно запутанными.

Но де Голль — фашиствующий карьерист — решил воспользоваться неожиданным положением, в котором он оказался в результате целой серии фактов, не зависящих от его воли, чтобы завоевать власть. Уже более двадцати лет этот кадровый офицер, молчаливый и презрительный, был одержим манией: он хотел стать диктатором. Кстати, он очень хорошо изучил книгу Гитлера «Моя борьба». Фюрер был тоже марионеткой, закованной в цепи, он был одновременно платным агентом различных кругов военных реваншистов, русских магнатов и различных иностранных разведок, заинтересованных в «борьбе против большевизма». Но в конце концов он стал работать для самого себя. Также поступил и де Голль. Он пользовался очень простым способом: он возвел в политический принцип искусство противопоставлять своих тайных хозяев одних другим. Так, опираясь на Черчилля, он сумел надуть государственный департамент и, наоборот, при поддержке «200 семейств» затормозил дела Черчилля, с помощью Ватикана вел конкуренцию с Петэном и при поддержке фашистов мешал планам союзников, которые беспокоили его. Так, играя своими цепями, он удовлетворял свое чрезмерное честолюбие.

Он лишь оставался верным той органической ненависти к России, которая была заметна во всей его прошлой карьере. Еще в феврале 1915 года он протестовал против наступления в Шампани потому, что оно имело целью «облегчить положение русских». В 1919 году он вступил добровольцем в польскую армию, которая шла на смену немецкой армии, стоявшей на границах Советской России. В 1940 году он разработал план высадки войск в Норвегии, чтобы оттуда вести наступление против «дезорганизованных русских орд»... В 1944 году, приехав в Москву для подписания договора о дружбе с СССР, он осмелился сказать мне, что «русские встречали немцев, как освободителей»...

Во всем этом видна одна и та же линия, которую этот человек проводил неуклонно, хотя впоследствии ему и случалось иной раз произнести несколько лживых похвал по адресу России. Такой человек был способен на самые преступные антисоветские авантюры.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СССР ПРОТЯГИВАЕТ РУКУ ФРАНЦУЗСКОМУ НАРОДУ

1. Письмо от 27 сентября 1941 года

Эта органическая ненависть де Голля к СССР, однако, натолкнулась на препятствие, которого он не предусмотрел. А именно — на помощь, которую советское правительство оказало французскому народу и безвестному генералу, объявившему себя защитником интересов этого народа.

27 сентября 1941 года советский посол в Лондоне вручил де Голлю письмо, согласно которому СССР «признавал председателя лондонского «Национального комитета» как «руководителя всех свободных французов, где бы они ни находились»; объявлял о своей готовности «установить связь с Советом обороны Французской империи, созданным 27 декабря 1940 года, по всем вопросам, касающимся сотрудничества с французскими заморскими владениями», передавшими себя в распоряжение де Голля; заявлял о своей готовности «оказывать свободным французам всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией и ее союзниками» и, наконец, подчеркивал «твердую решимость советского правительства после достижения нашей совместной победы над общим врагом обеспечить полное восстановление величия и независимости Франции».

В пятнадцати строках этого письма были изложены три столь существенных и столь жизненно необходимых для будущего Франции дипломатических акта, что после июньской катастрофы они действительно явились для Франции первым солнечным лучом в области международных отношений.

Это было первым настоящим признанием «свободной Франции» со стороны великой державы. И Китай, и США продолжали официально признавать лишь клику вишистских квислингов. Что касается Англии, то на бумаге она, правда, еще 7 августа 1940 года «признала» де Голля. Но это было совершенно особое «признание», просто-напросто контракт князя с ландскнехтом, подчиняющий во всех областях «свободную Францию» британской короне, о чем Черчилль презрительно сообщил де Голлю в форме «меморандума», подготовленного заранее. СССР же договаривался с «Национальным комитетом» согласно неизменным принципам демократической дипломатии: как равный с равным, как держава с державой.

Письмо от 27 сентября было равноценно союзному приглашению на время войны. Возобновляя по своей собственной инициативе пакт от мая 1935 года, который парижские правители разорвали своими руками, советское правительство предлагало французскому сопротивлению «всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе». И де Голль признавался не как протестующий генерал или организатор просоюзнического комитета, а как «руководитель всех свободных французов».

Наконец, письмо от 27 сентября давало Франции абсолютные гарантии ее целостности и возрождения. В то время обязательства «установить связь с Советом обороны империи» было достаточно для того, чтобы оградить Францию от всяких попыток со стороны англо-саксов наложить руку на ее заморские территории. И на будущее перспективы были не менее отчетливы: подчеркивая свое «твердое решение» содействовать полному восстановлению не только «величия», но и «независимости» Франции, СССР давал ясно понять, что после победы он будет бороться со всеми попытками наложить на Францию, вместо гитлеровского, другое ярмо. СССР торжественно обещал защищать французский народ от тех, кто в Вашингтоне или в Лондоне мечтал присвоить себе наследие двухтысячелетней истории Франции.

Во время переговоров, предшествовавших подписанию пакта о дружбе и взаимопомощи от десятого декабря 1944 года, некоторые члены французской делегации выразили мне свое удивление по поводу того, что их советские собеседники настаивали на том, чтобы в предисло-

вии к договору было упомянуто о письме от 27 сентября 1941 года. Это говорит не только о политическом невежестве людей с Кэ д'Орсэ, неспособных понять основное дипломатическое значение данного документа. Это говорит также об их необыкновенной душевной низости.

Ведь в тот момент когда советский посол вручил де Голлю письмо, от берегов Арктики до Черного моря в жестоких боях, еще невиданных в истории, советские дивизии сражались насмерть, чтобы остановить чудовищный потоп, подступавший к самому сердцу их родины. В тот же час бомбардировщики с черной свастикой превращали в груды окровавленных остатков вагоны с женщинами и детьми, которых железнодорожники пытались спасти от плена. В тот же час рабочие грузили на платформы оборудование своих заводов, а инженеры со слезами на глазах взрывали электростанции, воздвигнутые на старой русской земле. И вот, в этот-то горестный час, час народной скорби, когда любое буржуазное правительство думало бы только о своем спасении, братская рука **Сталина** была протянута Франции...

Если эти господа с Кэ д'Орсэ ничего не поняли, то народ все понял и не забыл. И никогда не забудет.

Дипломатический акт советского правительства отвечал его традиционной политике по отношению к Франции.

Две очень серьезные опасности, связанные с поражением Франции, возникли тогда перед французским народом.

Первая опасность состояла в том, что если *Черчилль* поддерживал де Голля, а государственный департамент США — Петэна, то оба были совершенно согласны (и согласны с Гитлером) относительно необходимости саботировать всякое французское сопротивление. Это была непосредственная опасность, опасность для ведения войны. Англо-американские политики не хотели допустить участия в сражении такого значительного стратегического фактора, как нация в сорок миллионов человек, имеющая блестящие военные традиции.

Вторая опасность была не меньшей. Она заключалась в том, что Черчилль и государственный департамент США открыто конкурировали между собой в вопросе гегемонии над Францией. Но в то же время они сошлись на том, что

Франция, освободившись от гитлеровского ига, не должна стать великой независимой державой, а должна превратиться в вассала англо-саксонского мира. Эта опасность грозила будущему миру, так как англо-американские монополии стремились к тому, чтобы сделать Францию неспособной к сопротивлению будущим военным интригам западных империалистических держав. Это означало бы создание на западе европейского континента очага третьей мировой войны.

По всей вероятности, советское правительство было превосходно информировано о личности генерала де Голля. Но советские руководители умеют смотреть дальше вопроса об отдельных лицах. Дело де Голля, помимо его желаний (совсем наоборот!), совпало с волей народа. И вот, чтобы прийти на помощь этому народу, СССР решил оказать де Голлю поддержку без всяких задних мыслей. И предложил ему одновременно практическое средство для того, чтобы Франция могла играть в войне надлежащую ей роль, и помощь, необходимую для того, чтобы Франция после победы стала независимым и сильным государством, более независимым и более сильным, чем Франция до 1939 года. Ибо в силу принципов, на которых основывается внешняя политика социалистического государства, каждый демарш советской дипломатии является в то же время абсолютно беспристрастным, благородным и великолепно рассчитанным правительственным актом.

2. Де Голь притворяется, что хочет «сближения» с СССР

В момент, когда де Голль получил письмо советского правительства, его личное положение было далеко не блестящим. Устав от его постоянного неповиновения, Черчилль создал для него столь тяжелые условия жизни, что в штабе на Карлтонс-гарден начали уже планировать свой переезд в Экваториальную Африку, в Браззавиль. Вот почему, несмотря на всю свою ненависть к СССР, председатель Национального комитета не мог отказаться от протянутой ему руки. Оставив на время свои замашки Людовика XIV, он ответил даже с некоторым энтузиазмом, употребляя такие мало похожие на диктаторские выражения, как «принимаю с признательностью», «я

также очень счастлив», «со своей стороны я также обязуюсь».

Но в течение четырех месяцев ни в одной из его речей по Би-би-си, на которые он был так щедр, не комментировался этот акт СССР. Это был момент гитлеровского наступления на Москву, и де Голль не более, чем «эксперты», с которыми он мог консультироваться в Лондоне, верил в боевую способность тех, кого он называл когда-то «русскими ордами». Он настолько верил в победу Гитлера, что даже не сразу понял все значение разгрома немцев под Москвой.

Но все же, хоть и с опозданием на месяц, он понял, что произошло. И 20 января 1942 года он выступил по лондонскому радио с хвалебной речью по поводу победы России. В ней можно даже было найти выражения, столь редкие в устах такого человека: «К общему несчастью, на протяжении веков франко-русский союз очень часто прерывался или тормозился благодаря интригам или непониманию. Тем не менее необходимость в этом союзе наблюдается при каждом повороте истории. Вот почему Франция, которая сражается, соединит свои зарождающиеся усилия с усилиями Советского Союза»...

Теперь, когда он был твердо уверен в том, что СССР не будет побежден, де Голль решил ответить на письмо от 27 сентября действительным «сближением». С марта по ноябрь 1942 года были предприняты конкретные меры для осуществления этого намерения, а именно — посылка в СССР постоянного дипломатического представительства, военной миссии и истребительной эскадрильи «Нормандия».

Некоторые наивные люди, совершенно не понимающие иезуитских методов де Голя, неоднократно упрекали его в том, что он «не умеет подбирать себе людей». Это мнение категорически опровергается тщательным подбором кадров для указанных трех учреждений. Полномочный министр Роже Гарро, глава дипломатического представительства, в 1942 году был убежденным сторонником франко-советской дружбы, причем единственным из профессиональных дипломатов, присоединившихся к «свободной Франции», заслуживающим такого определения. Бригадный генерал Эрнест Пети, возглавлявший военную миссию, был настоящим солдатом, подлинным патриотом,

одним из тех редких людей своего класса, верность которых демократическому движению никогда не отступала даже перед лицом самых жестоких атак. Командир эскадрильи «Нормандия» Тюлан и его помощник Литольф были теми настоящими героями, для которых старый девиз 93-го года «жить свободными или умереть сражаясь» сохранил всю свою силу. Они доказали это своей смертью в первых рядах сражавшихся во время наступления летом 1943 года. Де Голль подобрал патриотов из «свободной Франции», которые смогли «представлять» ее в СССР. Советские люди прекрасно поняли это, оказав самый сердечный и теплый прием этим людям, как своим боевым товарищам. Этот прием чуть не заставил нас всех забыть о том, что предательство вычеркнуло нашу родину из списка независимых наций. «Никогда нас нигде так не принимали», — часто говорили мне офицеры из первой смены «Нормандии». Дело в том, что в других странах люди, носящие форму «французских свободных сил», были только «деголлевскими людьми». В СССР знали лишь французский народ и знали, что, несмотря на свое жалкое положение, он вовсе не погиб. Поэтому и принимали как братьев тех, кто пришел от его лица.

Но даже и эта забота, с которой де Голль отобрал свои кадры, была не чем иным, как маневром.

Я заметил это в тот день, когда 13 августа 1942 года приехал в Куйбышев для работы в представительстве «свободной Франции». Войдя в вестибюль «Гранд отеля», служившего тогда резиденцией иностранных миссий, эвакуированных из Москвы, я узнал от телефонистки, что меня примет поверенный в делах «майор Шмитлейн»...

Это было столь поразительно, что я попросил повторить фамилию. Но мне тут же подтвердил это и шифровальщик Дельтур, вышедший мне навстречу из своей комнаты. Речь шла действительно об офицере «Второго бюро», которого я знал в Прибалтике в период «странной войны» как одного из наиболее активных подпольных деятелей плана агрессии против СССР с севера. В декабре 1939 года он по требованию советских властей был выслан из Латвии и в ожидании знаменитой «финской экспедиции» продолжал свое дело в Стокгольме. В конечном счете он попал в Нарвик, откуда вместе со шпионом Деваврэнном-Пасси присоединился к де Голлю.

Перейдя на дипломатическую работу в ранге советника, он обеспечивал теперь для БСРА (разведки де Голля) при представительстве «свободной Франции» в СССР ту же политику тайной антисоветской войны, которая привела Францию к катастрофе.

Я вскоре обнаружил, что Шмитлейн был не один. В военной миссии был некий капитан Мирлес, который официально должен был «подготовить подписание соглашения относительно организации использования «Нормандии». В составе самой эскадрильи находились различные офицеры (как например, доктор Лебединский), которые занимались активной разведывательной деятельностью. Позднее появился «атташе посольства» Жорж Горс, который даже не скрывал того, что он является человеком шпиона Сустеля... Стало ясно, что такие патриоты и герои, как Пети, Тюлан и Литольф, были использованы лишь как дымовая завеса. Настоящими же представителями де Голля были Шмитлейн и ему подобные. «Сближение» было всего лишь притворством, под прикрытием которого действовали тайные шпионы «свободной Франции».

Но зачем же понадобилось де Голлю это притворство?

3. «Сближение» было рассчитано на то, чтобы обмануть французский народ

По замыслу де Голля это фальшивое «сближение» было предназначено для того, чтобы обмануть французский народ. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что в оккупированной Франции СССР пользовался огромным авторитетом, как первая держава, которая действительно сражалась против гитлеризма. Поскольку де Голль не мог бороться с этими симпатиями к СССР, то он решил притвориться, что будто бы тоже разделяет эти чувства. Он надеялся, что игра в «друга СССР» придаст ему характер «демократа» в глазах тех, кого он в интимном кругу продолжал называть «черню» или «толпой». Вот почему, решившись принять позу «просоветского» человека, он начал пересыпать свои бесчисленные речи псевдореволюционными выражениями.

Но за этими льстивыми фразами скрывался обдуманый план. Де Голль обманывал народ с совершенно

сознательным намерением бороться против тех, кто действительно защищает интересы народа и, таким образом, будет чинить препятствия его диктаторским стремлениям, то есть против коммунистической партии. Но в своем официальном поведении он ничем не выдавал этого. Напротив, он все время давал понять, что хочет, чтобы «коммунисты были с ним». Де Голль слишком хорошо знал об авторитете коммунистов, чтобы атаковать их в лоб. В августе 1942 года Шмитлейн, сообщая мне о казни заложников в Шатобриане, сказал:

— Такие люди могут составить страшную силу. После освобождения мы не сможем не считаться с ними.

Однако де Голль приготовил совершенно иной маневр, чем лобовая атака. Он был уверен в том, что та «популярность», которую ему создаст во Франции его «сближение» с СССР, а также его демагогические прокламации придадут ему достаточно силы, чтобы расколоть компартию и, прежде всего, удалить из нее генерального секретаря Мориса Тореза, которого он считал своим самым опасным врагом. В соответствии с этими махинациями, задуманными против Тореза, Шмитлейн сказал мне:

— Коммунисты не должны создавать себе иллюзий. Если они хотят принимать участие в управлении страной, они должны будут принять условия де Голля. А де Голль никогда не согласится, чтобы Торез проживал во Франции.

Этот план свидетельствует о безнадежном идиотизме. Но в окружении де Голля находились такие люди, которые побивали даже и этот рекорд глупости. Так, в июне 1943 года Гарро получил от Массигли, ставшего комиссаром иностранных дел, огромную зашифрованную телеграмму, в которой этот господин объяснял, что главной целью «франко-советского сближения» является ликвидация коммунистической партии, «как это было в Турции».

Надо было совершенно потерять голову, чтобы дойти до нагромождения подобных бессмыслиц!

4. Дипломатия блефа

Создавая впечатление, что он сближается с СССР, де Голль рассчитывал получить для себя и другую выгоду, а именно — дипломатическую. Он рассчитывал, что ему удастся провести легенду о «большевизации» «свободной

Франции», и тогда Черчилль и государственный департамент США, испугавшись этого, предложат ему «все что угодно», лишь бы он «вернулся» в их лагерь.

Поведение Шмитлейна в Куйбышеве являлось замечательной иллюстрацией к этой изворотливой дипломатии блефа. Шмитлейн получил указание разыгрывать из себя «обращенного». До 1940 года он мог, конечно, совершать «ошибки», но теперь он понял. Теперь это, оказывается, был не только поклонник СССР в военном плане, но и человек, убежденный в превосходстве советского режима и коммунистической идеологии, человек, ищущий пути и средства для их «применения» во Франции после ее освобождения. Даже в присутствии своих англо-американских коллег он не должен был снимать эту маску и терпел ее ради своей шпионской деятельности.

Шмитлейн обладал бесспорным актерским дарованием. Он играл свою роль с огоньком. Результат не замедлил сказаться. «Интеллидженс сервис» стала действовать окольным путем: в ноябре 1942 года один из ее явных агентов, первый секретарь югославской миссии Богич, вызвал Шмитлейна на дуэль во время одного дипломатического приема. Четыре месяца спустя американский поверенный в делах применил методы американских гангстеров. Под предлогом, что Шмитлейн якобы за обедом оскорбительно отзывался о политике государственного департамента в Северной Африке, он грубо потребовал у Гарро его отзыва.

Повидимому, именно на такой результат и рассчитывал де Голль. Однако ничто не доказывает, что хозяева Богича и американского поверенного в делах не поняли этого и что их жесты не были всего лишь блефом в ответ на другой блеф. Ведь в подобных шайках ничто не делается так просто.

Во всяком случае ясно было то, что «сближение» с СССР, инсценированное де Голлем, было мошенническим маневром, чрезвычайно характерным для этого авантюриста, цели которого были совершенно очевидны. Ему во что бы то ни стало надо было подготовить себе путь для антинародной диктатуры, хотя бы ценой гражданской войны. Одновременно надо было заставить англо-саксонских империалистов предоставить ему избранное место в лагере потенциальных противников СССР.

Поэтому никто не имеет права говорить о так называемых «зигзагах» главы «свободной Франции». Он схватил протянутую ему в сентябре 1941 года дружественную руку с бессмысленной надеждой пигмея когда-нибудь одержать верх над гигантом, который ему протянул ее.

Об этом с поразительной ясностью говорит история франко-советских отношений с 1942 года вплоть до дня освобождения Франции.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЕЩЕ ОДНА «СТРАННАЯ ВОЙНА»

1. Основные черты «русской политики» де Голля

В настоящее время в печатных изданиях, публикуемых во Франции, царит страшная путаница в отношении «русской политики» де Голля в период 1942—1944 гг. Между тем можно детально показать ее основные элементы.

Прежде всего, это политика подготовки войны против СССР. Де Голль намечал эту войну на другой день после победы над Гитлером. Нужно заметить, что такой же точки зрения держались и его польско-фашистские друзья в Лондоне.

Пока де Голль играл только на «русской карте», по причинам, о которых мы уже писали, эта политика подготовки войны с СССР сохранялась в строгой тайне. Но с 1943 года, когда глава «свободной Франции» почувствовал свое положение у англо-американских реакционеров прочно обеспеченным, эта тайна стала «секретом полишинеля».

Однако поскольку официальные представители де Голля в СССР — Гарро и Петти не были посвящены в его тайные замыслы и активно продолжали свою деятельность, направленную на то, чтобы добиться действительного сближения с СССР, тайные действия «кандидата в диктаторы» часто наталкивались на противоположные усилия его подчиненных, и он открыто не мог приказывать им делать обратное.

Между тем, несмотря на личную инициативу этих двух дипломатов, франко-советские отношения в 1942—1944 гг. в целом были очень похожи на «странную

войну». Они в точности воспроизводят все основные элементы «странной войны» 1939—1940 гг., то есть бездействие по отношению к гитлеровским захватчикам, тайное ведение усиленного антисоветского шпионажа и более или менее прямое сотрудничество с врагом.

2. Бездействие в борьбе с врагом

Теперь всем известны предательский лозунг, брошенный де Голлем 23 октября 1941 года: «Приказываю не убивать немцев», и нечеловеческие усилия, которые он прилагал к тому, чтобы парализовать вооруженное сопротивление патриотов, как это было, например, на Корсике, во время предательского истребления партизан в Веркоре и уличных боев в Париже. По этому поводу есть уже много документов и свидетельских показаний, достаточных для того, чтобы открыть глаза даже самым ослепленным. Ни один здравомыслящий человек не будет отрицать, что здесь проводилась система, которую можно коротко объяснить так: де Голль боялся французского народа и не хотел, чтобы он участвовал в борьбе с врагом.

История франко-советских отношений показывает, кроме того, что де Голль с неменьшим усердием препятствовал мобилизации регулярных вооруженных сил вне Франции, которые должны были воевать с фашистской Германией.

Прежде всего стоял вопрос об использовании военнопленных, которые будут освобождаться Советской Армией. По прибытии в СССР дипломатическое представительство и военная миссия обратились к Национальному комитету в Лондоне с обширными донесениями по этому вопросу. Там говорилось, что учитывая тот факт, что Красная Армия будет сражаться одна, большинство наших пленных в Германии, даже в том случае, если впоследствии и будет открыт второй фронт, будут освобождаться советскими солдатами. И чтобы вдруг не оказаться перед проблемой, которую нельзя решать в последнюю минуту, нужно уже сейчас предусмотреть необходимые меры. Наиболее рациональная мера состоит в том, чтобы формировать из освобожденных людей «восточную армию», которая примет участие хотя бы

в последних боях с гитлеровской Германией. Согласно имевшимся сведениям, СССР дал бы этой армии все необходимое вооружение и обмундирование.

В то время когда «французские свободные силы» были еще только в зачаточном состоянии и когда де Голль не мог и мечтать о том, чтобы подкрепить их, даже если бы он и нашел людей, так как ни Англия, ни Америка не дали бы ему необходимого вооружения, подобный план казался блестящим.

Но ответа не последовало.

Тогда военная миссия выдвинула более скромный проект. Он заключался в том, чтобы освободить эльзасцев-лотарингцев в немецкой форме, взятых в плен Красной Армией, и создать из них танковую дивизию. Советское правительство еще раз дало свое согласие вооружить эту дивизию. Оно даже предприняло первые шаги: по мере того как устанавливалась личность военнопленных эльзасцев и лотарингцев, их направляли в тамбовский лагерь, который мог бы сыграть для будущей «восточной французской армии» такую же роль, какую сыграл Бузулук для чехословацкой армии.

Де Голль в течение ряда месяцев воздерживался от определенного ответа. Затем, когда он почувствовал себя окончательно уверенным в англо-американской поддержке, он сбросил маску и «потребовал» отправки из Тамбова в Алжир эльзасцев и лотарингцев, чтобы они «влились в ряды французской армии»... Советское правительство удовлетворило эту просьбу, и 13 мая 1944 года эта группа военнопленных была отправлена в Северную Африку. Но де Голль вовсе не намеревался заставить этих людей сражаться. Он лишь воспользовался их возвращением, чтобы распространить лживые измышления о «плохом обращении», жертвами которого они якобы были в России. Не стоит и говорить, что это опровергалось всей совокупностью наблюдений и рассказов очевидцев, собранных офицерами военной миссии и служащими представительства, которые осматривали лагерь в Тамбове.

На советско-германском фронте оставалась, таким образом, только эскадрилья «Нормандия».

Если же учесть бездействие, в котором пребывала французская армия и на других фронтах, за исключением

беспольного итальянского, где она служила лишь пушечным мясом для англо-американских штабов, то напрашивается следующий вывод. Желание держать свои войска подальше от войны нельзя объяснить только внутриполитическими мотивами: боязнью народа. Надо полагать, что де Голль хотел сохранить армию для будущих боев, которые должны были быть направлены не против гитлеровцев; это должен был быть «антибольшевистский крестовый поход», к которому он и его сообщники не переставали вести постоянную деятельную подготовку.

Таков же был план лондонских поляков, с которыми был связан де Голль. Целый ряд фактов подтверждает, что он согласовывал свое поведение и с ними.

3. В авангарде антисоветского шпионажа

Как и во время «странной войны», это бездействие французских войск на всех фронтах борьбы с гитлеризмом сопровождалось целой серией антисоветских шпионских операций.

Деятельность БСРА была главным образом направлена на то, чтобы восстановить всюду, где это было возможно, существовавшую до катастрофы шпионскую сеть. А так как Петэн стремился к тому же, то между Виши и Лондоном установилось любопытное сотрудничество.

По крайней мере в трех точках земного шара «русские службы» де Голля действовали бок о бок с французскими квислинговцами: в Швеции, в Турции, где шпионы из посольства Бержери до самого конца войны работали рядом с членами представительства Сент-Ардуэна, и в Китае, где «разделение труда» было действительно безукоризненным. Де Голль послал к Чан Кай-ши в качестве своего представителя человека, враждебно настроенного к СССР. У Петэна была дипломатическая миссия при марионеточном правительстве в Нанкине и консульства в Маньчжурии и Пекине, которым было специально поручено «заниматься» только советским Дальним Востоком. Из дипломатической переписки, с которой я ознакомился в Москве, я даже узнал о любопытных попытках «унификации» действий этих двух родственных

служб. К концу сентября 1945 года, после разгрома японской квантунской армии войсками Красной Армии, наше посольство в СССР получило инструкцию — протестовать против изгнания из Мукдена некоего Реннера, якобы «французского консула», имущество которого было будто бы «разграблено». В ответе Народного комиссариата иностранных дел уточнялось, что этот господин вовсе не был «ограблен»; Реннер продал все свое имущество перед отъездом. Кроме того, подчеркивалось, что он являлся консулом правительства Виши, «занимавшимся действиями, выходящими за рамки его функций». Эта дипломатическая формула во всех странах мира означает, что указанное лицо было поймано с поличным в деле шпионажа. Это был тайный агент Петэна, услугами которого хотел воспользоваться де Голль...

Мои наблюдения за деятельностью Шмитлейна позволяют мне сделать некоторые заключения о тех заданиях, которые де Голль поручал подобным господам.

Прежде всего, Шмитлейн должен был упорядочить всю документацию, ранее собранную различными шпионскими службами Франции, то есть собрать возможно больше секретных данных относительно боевого порядка Красной Армии, ее личного состава, командования, вооружения, методов ведения боя, стратегической промышленной продукции, снабжения продуктами питания, морального состояния войск и тыла.

Шмитлейн, как старый профессионал, имеющий двойной опыт — профессора и агента «Второго бюро», — не гнушался сбором «секретных сведений»... по газетам. В этом он достиг значительных результатов, в частности по вопросу о боевом порядке и количестве промышленной продукции. Он переписывал на листочки все самые минимальные данные, которые попадались ему в корреспонденциях с фронта, в новостях, касающихся социалистического соревнования, в списках подарков и пр. Он утверждал, что такой метод не раз давал ему возможность «изумлять» своих англо-саксонских коллег.

Но после хорошей выпивки или когда в нем поселялся демон хвастовства, — а это случалось часто! — наш дипломат иногда раскрывал и менее невинные методы своей работы. Так, однажды, он уверял, что располагает данными о состоянии личного состава советской пехотной

дивизии. В другой раз Шмитлейн не постеснялся рассказать о том, что он украл удостоверение офицера Красной Армии. Он также хвастался, что летом 1942 года несколько раз обманным путем попадал в офицерский клуб, где собирал сведения о «моральном состоянии армии»; но после скандала, о причинах которого Шмитлейн предпочитал не говорить, ему пришлось прекратить эти авантюры.

Но его главным поставщиком разведывательных данных было посольство лондонских польских фашистов в Куйбышеве. Дипломатические представители кабинета Сикорского создали в ряде областей СССР, под предлогом «помощи» своим соотечественникам, «консульства», «представительства» и «благотворительные общества». На самом деле это была шпионская служба, руководители которой вовсе не скрывали от нас, что их основная миссия заключается в подготовке войны против СССР на другой же день после победы над гитлеризмом. Они щедро снабжали шпионов всех объединенных наций (в том числе и нейтральных стран) информацией, которая могла способствовать этой цели.

В 1943 году вся польская шпионская организация в СССР была разоблачена и разгромлена, к великому огорчению Шмитлейна и его хозяев. Но до этого разгрома Шмитлейн был тесно связан с этим фашистским центром антисоветской деятельности. Военный атташе, некий Рудницкий, с которым он еще раньше сотрудничал в Риге и Стокгольме во время «странной войны», почти каждый день приходил к нему и сообщал о своих последних «находках». И едва за ним закрывалась дверь, как появлялась вторая секретарша польского посольства, некая Ашкенази, главной обязанностью которой было собирать «показания» своих соотечественников, приезжающих из индустриальных районов Зауралья.

Само собой разумеется, что такие «любезности» делались с расчетом. Расточая свои услуги в области шпионажа, польское «Второе бюро», уже державшее в своих руках де Голля и Палевского и знавшее все о немецких связях Шмитлейна, которого оно могло в любое время «потопить», лишь увеличивало зависимость этой клики. Оно открывало счет и полагало, что впоследствии он будет оплачен с процентами. Это был старый трюк, кото-

рым часто пользовались ростовщики, толкавшие своих клиентов на затраты.

Таким образом, шпионаж деголлевцев в СССР с 1942 года был в авангарде тайной войны.

4. «Поворотный момент» в 1943 году

Назначение Рене Массигли в качестве комиссара по иностранным делам вызвало неприятное удивление среди небольшой группы «свободных французов», верных принципу франко-советской дружбы. Этот бывший генеральный секретарь французской делегации на конференции в Женеве в 1922 году и на франко-советской конференции в 1926 году был одним из дипломатов Кэ д'Орсэ, который всегда активно действовал по ухудшению отношений между Францией и СССР. Со времени его миссии в Анкаре в 1940 году, где он вместе с Вейганом был одним из инициаторов подготовки антисоветской агрессии с юга, за Массигли установилась прочная антисоветская репутация. И его назначение начальником департамента иностранных дел лондонского комитета было похоже на провокацию. Поскольку Массигли, как и его приятель Вейган, был хорошо известен как «сторонник Англии», сбежавший из Франции при содействии «Интеллидженс сервис» за четыре дня до своего назначения, то не могло быть никакого сомнения в «повороте», который де Голль должен был совершить. Считая, что он достаточно напугал Черчилля своим вымышленным «просоветизмом», он решил снова доказать ему свою преданность, рассчитывая на то, что последний заступится за него перед государственным департаментом США, который продолжал запрещать де Голлю доступ в Северную Африку.

Но в то же время де Голль был уже в достаточной степени сам тайно связан с Вашингтоном. В этом главную роль сыграл Моннэ, который уверял де Голля, что там у него есть надежная опора в лице финансистов и что теперь он может считать свое будущее обеспеченным. С этого момента американские цепи де Голля становятся серьезными и все время укрепляются.

Он решил, что теперь ему больше незачем притворяться «другом» СССР. Прежде всего, он решил произвести «чистку» своих дипломатов в Куйбышеве. Массигли

прислал ряд телеграмм в заносчиво язвительном тоне, после которых Гарро немедленно уехал в Алжир. Таким образом, Шмитлейн остался поверенным в делах. А это-то и добивался Массигли.

Шмитлейн занялся персоналом миссии. Я имел честь быть первым, на кого пал его выбор. Как только Шмитлейн приступил к исполнению своих обязанностей, он на другой же день предупредил меня, что отныне мне запрещается знакомиться с секретной корреспонденцией. После этого он немедленно написал зашифрованную телеграмму в Алжир, где сообщил, что я... «воровал секретные документы» и что меня необходимо срочно отозвать. Эта гнусная клевета, между прочим, прошла длинный путь. Телеграмма попала в руки Гарро, который опровергнул ее и сообщил ее содержание мне.

Второй жертвой был шифровальщик Дельтур, который был очень привязан к Гарро. А так как ему нельзя было запретить доступ к секретной корреспонденции, то Шмитлейн использовал трюк из полицейского романа. Ранним утром — наша миссия в Москве была временно помещена в гостинице «Метрополь» — он вызвал шифровальщика в свою комнату и рассказал, что прошлой ночью его «дружески» предупредили, что «шифровальщика должны скоро арестовать за спекуляцию». Следовательно, «Дельтуру следует срочно покинуть СССР». Дельтур понял, что над ним издеваются, и отказался повиноваться. Тогда Шмитлейн, который предусмотрел такой случай, воспользовался своим званием офицера и стал угрожать своему подчиненному, что немедленно отдаст приказ о его мобилизации в сирийские войска; он не преминул намекнуть о наказаниях, которым подвергаются за неподчинение во время войны. Несчастный должен был собрать свои чемоданы и уехать вместе с женой и ребенком.

Расчистив себе таким образом дорогу, ставленник Пасси принялся за свое дело. Он запирался в своем кабинете с одной из служащих миссии, которую он считал достаточно скомпрометированной, чтобы быть уверенным в ее молчании. С ее помощью он целыми днями зашифровывал и расшифровывал. К несчастью, от этой его работы не осталось следов: Шмитлейн позаботился забрать с собой эту корреспонденцию, выдав ее за частную переписку. А ящики с архивами алжирского департамента

иностранных дел были своевременно затоплены в порту во время их перевозки во Францию.

Но в это время в Алжире разведка де Голля переживала трудный период. Там происходила упорная борьба за хорошие места, и малейшая ошибка конкурента немедленно использовалась остальными. Играя на этих противоречиях, Гарро восстановил свое положение. И Шмит-лейну пришлось передать ему дела и покинуть СССР.

5. Снова антисоветская паутина

Однако наступил период, когда де Голль стал все менее и менее скрывать проводимую им подготовку тайной войны против СССР. В начале ноября 1943 года был сделан еще один шаг в этом направлении: пресса, подчиненная де Голлю, начала открытую кампанию антисоветской агитации.

Предлог для этой кампании был исключительно глупый. В октябре месяце в Москве происходило совещание министров иностранных дел СССР, Соединенных Штатов и Великобритании. Нужно было «доказать», что тот факт, что туда не пригласили представителя де Голля (участие которого в войне было гораздо незначительнее, чем участие Чехословакии или Польши!), был «нестерпимым оскорблением» и что это «оскорбление» было делом... СССР.

Оркестровка была во всех отношениях замечательной. Кампания началась с расплывчатых фраз де Голля на Консультативной ассамблее, в которых содержался упрек: «Франция считает, что все европейские дела, а также важные дела мирового значения, которые будут решаться без ее участия, не будут положительными делами». Немедленно вся алжирская пресса принялась хором твердить об этом, а за ней следом и лондонская Би-би-си стала рассыпаться в «соболезнованиях» по поводу того, что «Франция» была «отстранена» от переговоров в Москве.

Направленность этой кампании была ясна: де Голль начал всю эту шумиху, чтобы выставить перед французским общественным мнением Великобританию как единственного «верного союзника», а СССР — как «виновника отстранения» Франции. Неосторожная телеграмма Мас-

сигли, полученная в это время, послужила доказательством, что для распространения этой лживой версии существовал тайный франко-английский сговор. Под грифом «совершенно секретно» Массигли телеграфировал, что по сведениям из «достоверных» источников, которые ему передал помощник Идэна сэр Вильям Стронг, английское правительство просило, чтобы представитель Франции присутствовал на совещании в Москве, но оно столкнулось с «категорическим отказом» советского правительства. Сообщение было чудовищным, и Гарро решил произвести проверку. Результат оказался неопровержимым: Массигли был уличен во лжи. Гарро вежливо дал ему знать об этом, и больше об этой неудавшейся махинации не было и речи. Тем не менее было ясно, что началась моральная подготовка к будущему франко-советскому конфликту. Де Голль заложил первый камень в этом здании лжи, над сооружением которого он не перестает трудиться и сейчас.

6. Накануне освобождения

Де Голль был последовательным в своих поступках, в этом его нельзя упрекнуть. И если тысяча девятьсот сорок четвертый год для всего французского народа был решающим на пути к освобождению, то для де Голля он явился лишь новым шагом в подготовке антисоветских авантюр. Вот почему в феврале 1944 года он запросил у советского правительства агреман на назначение своим «послом» в Москве... Гастона Палевского.

Был найден даже официальный предлог: «показать русским, какую важность генерал придает отношениям между двумя странами, поручив своему самому близкому помощнику такую доверительную миссию» (это почти подлинные слова из телеграммы Массигли, из которой мы узнали об этой новости). Но значение этого маневра было ясно. Когда де Голль сбросил маску, ему был нужен «надежный» человек в Москве. Этот «надежный» человек должен был создать там под французским флагом новый активный центр международного антисоветского шпионажа.

Де Голль проявил себя здесь последовательным продолжателем «странной войны», человеком, который во имя своей ненависти к СССР не колеблется пойти на пре-

ступное установление связей с гитлеровской Германией. Но советское правительство избавило его от этого постыдного поступка, по крайней мере на этот раз: оно отказалось признать Палевского послом.

Де Голль мог только без шума проглотить эту пилюлю, которая разрушила его планы. Его «странная война» на этом закончилась. Теперь должна была начаться освободительная война французского народа, война той армии патриотов, которые не отделяли дело своей страны от дела Красной Армии и с любовью называли свои отряды именами «Вальми» и «Сталинграда».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ФРАНКО-СОВЕТСКИЙ ПАКТ

1. Дружба, которая оказалась сильнее предательства

На политику систематического предательства со стороны де Голля правительство СССР не переставало столь же систематически отвечать тем, что оставалось неизменно верным обязательствам, принятым на себя по своей инициативе. Оно неуклонно придерживалось политики союза и дружбы, определенной в письме от 27 сентября 1941 года.

Мне кажется излишним напоминать, в чем состояла помощь, которую СССР оказывал Франции. Вопреки чудовищной пропаганде, старавшейся доказать моим соотечественникам, что отказ Гитлера перейти Ла Манш является победой англичан, что стычки на Киренаике означают поворот в войне, а англо-американские операции на западе на последнем этапе войны были основным фронтом, где нацистские орды были разбиты, нет ни одного честного француза, который не знал бы, что своим освобождением он обязан Красной Армии. Без миллионов солдат и офицеров этой армии, которая фактически одна сражалась и одна победила, Гитлер до сих пор пребывал бы в добром здравии, а флаги с фашистской свастикой развевались бы во Франции.

Но СССР оказывал нам не только стратегическую помощь, но и моральную. В бесплодной надежде представить французских коммунистов в виде «агентов Москвы» изменники вроде Тито и Блюма твердили, что французская компартия «начала сопротивление» только 22 июня 1941 года. Факты и документы опровергают эту ужасную ложь. Но верно то, что вооруженное сопротивление французского народа, организатором которого являлась компартия, начало действительно ощущаться после вступления в борьбу Красной Армии. Это объяснялось двумя

причинами. Во-первых, — и это является основной причиной, — только тогда был создан настоящий фронт против фашистских орд, что дало конкретные возможности для движения сопротивления. Во-вторых, потому, что только из Москвы, а не из Лондона или Алжира, шли слова, вдохновляющие французский народ на борьбу с фашизмом. Для настоящих патриотов, желающих сражаться, которым французские передачи Би-би-си твердили, что нужно не бороться, а «ждать», только великолепные призывы Жана Ришара Блока и Мориса Тореза были единственными дружественными французскими голосами. Они говорили, что французы сражаются и должны продолжать сражаться.

Я имел великую честь принимать участие в патриотическом начинании московского радио, в так называемых передачах «Сражающейся Франции». Я продолжал это делать вплоть до июля 1946 года, когда эти передачи были запрещены, вследствие вмешательства в Париже... турецких властей, которые действовали, очевидно, как марионетки государственного департамента США. Я могу подтвердить, что призыв к активному сопротивлению вызвал безграничный гнев де Голля. Сколько раз Массигли присылал нам злые телеграммы, в которых ругал то одного, то другого, кто имел смелость рассказывать о подвигах французских партизанских сил. Это является великолепной иллюстрацией того, что только в Москве голос французов был свободным, чтобы защищать независимость Франции.

Наконец, дипломатическая помощь, которую СССР оказал Франции, была не менее существенной, чем военная и моральная. В письме от 27 сентября 1941 года советское правительство заявило о своем твердом решении «обеспечить полное восстановление величия и независимости Франции». И вплоть до освобождения, не взирая на предательство де Голля, СССР не переставал бороться за осуществление этой программы.

Когда будут опубликованы архивные документы, то многие французы с удивлением узнают, что мечты государственного департамента и Черчилля о порабощении Франции в тот момент провалились только благодаря повседневной деятельности советских дипломатов. Вспомните коммюнике от 24 июня 1942 года, фактически адре-

сованное Черчиллю, в котором Советский Союз подтвердил «желание Советского правительства видеть Францию свободной и способной снова занять в Европе и в мире свое место великой демократической державы». Вспомним заявление от 28 сентября того же года, в котором правительство СССР, будучи информированным об американских планах создания марионеточной администрации в Северной Африке, признавало лондонский комитет как «единственный орган, имеющий право организовать участие в войне французских граждан и территорий, а также представлять при нем их интересы». Вспомним признание Алжирского комитета от 16 августа 1943 года о том, «как представители государственных интересов Французской республики и руководители всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской тирании», лондонский и вашингтонский кабинеты, в мудреных выражениях оставляли за собой возможность сфабриковать какого-нибудь англо-саксонского гаулейтера, в случае, если де Голль не будет окончательно послушным...

Мошенничества де Голля, метившего в диктаторы, были бессильны отвести руку, протянутую Советским Союзом французскому народу. В самом разгаре интриг 15 сентября 1943 года генерал Пети, верный деятель «свободной Франции», имел честь быть принятым Сталиным. Сталин, в частности, сказал Пети, что он считает французов друзьями, от которых СССР нечего скрывать.

2. Приглашение в ноябре 1944 года

Эта политика принесла свои плоды. Франция была почти полностью освобождена. В Париже образовалось временное правительство, признанное державами. Оно вовсе не представляло собой ту коллекцию паяцев, о которой мечтали англо-саксы. В связи с этим советское правительство решило новым дипломатическим актом закрепить линию поведения, намеченную в письме от 27 сентября 1941 года. В ноябре 1944 года оно пригласило де Голля приехать в Москву для переговоров относительно пакта о дружбе и взаимопомощи, который бы позволил в мирное время еще больше усилить политику помощи французскому народу.

В телеграмме, посланной нам 27 ноября с Кэ д'Орсэ, были изложены мотивы, которые заставили де Голля принять приглашение. В тот момент они показались мне монументальной глупостью. Там было сказано, что генерал предпринимает эту поездку в Москву с тем, чтобы урегулировать с советским правительством «ряд нерешенных вопросов», как, например, консульские проблемы (мы никогда и не слышали, что подобные «проблемы» существуют!), а также вопросы, касающиеся «французских католических церквей в России». Кроме того, в последней фразе было сказано, что генерал «пойдет так далеко по пути договорных отношений, как этого пожелают его партнеры».

Однако при размышлении становилось совершенно ясно, что скрывалось за всей этой галиматей. Кроме постоянной заботы оказать помощь шпионским службам Ватикана, телеграмма означала, что содержание пакта, который следовало подписать, меньше всего занимало де Голля. Его интересовало только одно — привезти с собой какой-либо пакт.

Из каких соображений? Всегда из одних и тех же — с целью шантажа. Де Голль хотел сделать вид, что он ищет сближения с СССР.

В самом же деле де Голлем еще в 1940 году овладела идея об «антибольшевистском блоке западных демократий». Он расходился с Черчиллем только по одному пункту. Если тот хотел, чтобы Англия была единственной хозяйкой этого блока, то де Голль мечтал войти в него на равных правах с шефом британского кабинета. В конце зимы 1943—1944 гг. его посол в Лондоне «социалист» Вьено начал обращать внимание генерала на то, что в Форейн оффис все больше развивается идея создания некоего «западного бастиона», который мог бы «помешать России делать то, что она захочет». Воспользовавшись все возрастающим «беспокойством», которое вызывает там «русская мощь» и «престиж коммунистов», писал дипломат, Франция могла бы «снова найти свое место» (все эти выражения взяты из секретного донесения Вьено от 9 марта 1944 года). На основании этих данных де Голль начал строить комбинацию. Заключение союза между Францией и СССР, думал де Голль, доведет Черчилля до состояния пароксизма. Поэтому необ-

ходимо заключить такой союз. После этого можно будет заставить Черчилля согласиться на создание «антибольшевистского западного блока», куда де Голль будет принят уже не как подчиненный, но как верховный военачальник будущей коалиции.

Это было действительно дипломатией пирата, поскольку все сводилось в сущности к тому, чтобы превратить пакт о дружбе в орудие агрессии. Но де Голлю была знакома только такая дипломатия, и во имя ее он и поспешил принять приглашение приехать в Москву.

3. Неделя с 2 по 9 декабря

Второго декабря 1944 года в полдень, в один из прекрасных русских морозных дней, специальный поезд, предоставленный советским правительством в распоряжение де Голля, медленно подошел к перрону Курского вокзала в Москве. Когда он остановился, невидимая рука открыла изнутри дверцу салон-вагона, где находился генерал. Воцарилась торжественная тишина. А больше не произошло ничего... Абсолютно ничего в течение долгих двух минут, только по истечении которых показалось бледное от ярости лицо кандидата в диктаторы. Он был в кепи, надвинутой на глаза, и меховой шинели, висящей на нем, как на манекене. Спускаясь, он силился улыбнуться, в то время, как из других вагонов выпрыгнуло болтливое стадо господ, одетых в черное, — штаб Палевского и эскорт вновь появившегося на политическом горизонте человека по имени Жорж Бидо...

Считая себя уже монархом, а не главой правительства, де Голль в течение двух минут, которые казались нескончаемыми, ожидал, что Молотов поднимется в вагон, чтобы приветствовать его. И поскольку В. М. Молотов, как человек, знающий обычаи, оставался неподвижным на платформе, де Голль с яростью в душе решил, наконец, сойти с поезда.

Но это было лишь прелюдией. С первых же дней совместной работы и в последующие дни началась «настоящая дуэль».

Новый франко-советский пакт представлялся нам крайне важным документом, который должен был спо-

собствовать и даже сыграть решающую роль в борьбе за возрождение и процветание Франции. Это объяснялось тремя причинами. Во-первых, этот пакт должен был способствовать эффективному участию французских армий в победе. Во-вторых, он действительно должен был гарантировать безопасность обеих стран против угрозы возобновления немецкой агрессии. Наконец, в-третьих, пакт должен был содействовать урегулированию отношений между великими державами: с одной стороны, не беспокоить ни Англию, ни Америку, а наоборот, увеличивать цепь договоров, уже заключенных с этими государствами, и, с другой стороны, помочь Франции снова стать великой державой, чтобы англо-американские искатели приключений не могли превратить нашу родину в свою колонию.

Поэтому советская делегация хотела заключить соглашение, имеющее конкретное содержание, то есть, чтобы в нем был определен наличный состав сил, которые французское правительство желало иметь на восточном фронте, указаны точные обязательства по оказанию взаимной экономической помощи в послевоенный период, оговорено признание Францией польского демократического правительства в Люблине и пр. Третий пункт имел особенно решающее значение. Для того чтобы СССР мог гарантировать безопасность Франции против возможной немецкой агрессии, надо было обеспечить себя наличием дружественной Польши.

Но такое понимание франко-советского пакта по всем пунктам совершенно расходилось со взглядами и целями де Голля.

Он не хотел ни эффективного участия французских армий в победе над гитлеризмом, ни действительной гарантии безопасности, ни урегулирования отношений между великими державами. Он хотел сохранить французскую армию для будущей антисоветской войны. Он хотел аннексировать как можно больше немецких земель на западе, не препятствуя немецкой агрессии на востоке. Вообще, вся его политика была основана на подготовке третьей мировой войны.

Кроме того, де Голль совершенно не хотел иметь пакта с конкретным содержанием. Для того, чтобы торговаться с Черчиллем по поводу создания «западного

блока», надо было привезти из Москвы как можно более расплывчатый документ, то есть пустую протокольную бумагу.

Наконец, связь, существовавшая между польскими фашистами в Лондоне и де Голлем, категорически запрещала ему даже рассматривать вопрос о признании демократического правительства Польши. Все, наоборот, говорило за то, что эти фашисты, предвидя, что такой вопрос может возникнуть, приняли на этот случай исключительные предосторожности. Де Голль сам говорил мне, что они щедро снабдили его делами с полицейской клеветой на польских демократических деятелей, которых он мог встретить в Москве. Многие члены делегации были также снабжены из того же источника «рапортом» о Катынской провокации, который «Второе бюро» эмигрантского правительства составило вместе со службами Геббельса. А для вящей безопасности в Москву приехал Палевский. Несмотря на то, что советские власти отказали ему в агремане в качестве посла, он несколько не постыдился приехать в составе французской делегации, чтобы следить за поведением своего шефа. Как известно, профессия секретного агента требует полного отсутствия самолюбия.

Итак, переговоры начались. Вопрос об увеличении французских сил в СССР был решен довольно быстро. Безусловно де Голль и не думал воскрешать скончавшийся план «восточной армии». Но он без всякого труда согласился на то, чтобы превратить «Нормандию» в авиационную дивизию. Если проявить известное умение, думал он, то война уже успеет закончиться за то время, пока его штаб будет изучать пути и средства для подобного превращения.

Зато по вопросу, который французская делегация называла «польским условием», начиная с 5 или 6 декабря, стало совершенно ясно, что упрямство де Голля, твердившего «нет», поставит все переговоры под угрозу срыва. На все предложения о признании, которые в своем широком стремлении к урегулированию предлагали ему советские дипломаты, включая простой обмен письмами о назначении полномочных представителей, де Голль в течение недели систематически давал отрицательный ответ. И когда представители люблинского Комитета

любезно нанесли ему визит, он, который некогда протестовал во имя «французского достоинства» против оскорбительного отношения со стороны Черчилля, не нашел ничего лучшего, как заставить простого чиновника Кэ д'Орсэ, политического директора Мориса Дежана, принять их!

Конечно, де Голль не мог пояснить им настоящие причины своего упорства, то есть нити, которые связывали его с польскими фашистами в Лондоне. Поэтому он, как законченный комедиант, предпочел сделать вид, что не понимает, почему советские люди придают такое значение установлению хороших отношений между демократической Польшей и Францией. 9 декабря утром после очередного обзора прессы, сделанного мною, он вдруг закатил истерическую сцену, прекрасно имитируя Геббельса, крича, что «Москва хочет заставить его облегчить создание 17-й советской республики», что люблинские руководители «все коммунисты», что он не хочет «ставить себя в смешное положение перед порядочными людьми, общаясь с подобными типами». Предполагая, что я немедленно же передам эти слова журналистам, этот величайший обманщик рассчитывал создать себе таким образом алиби в случае, если из-за его упорства переговоры провалятся. Могли сказать, что от него ускользнул смысл советского требования, но никто не обвинил бы его в том, что он предал интересы французской безопасности.

Таким образом, целую неделю те из нас, для которых договор между Францией и СССР был залогом будущего нашей родины, жили в атмосфере все возрастающего беспокойства. А де Голль, раздираемый между обещаниями, которые он надавал польским эмигрантам, своим желанием вернуться во Францию с договором и своими намерениями, чтобы этот договор был всего пустой бумажкой, мало-помалу терял голову. Он вымещал свой гнев преимущественно на Бидо, который, будучи слишком трусливым, чтобы ответить, утешался тем, что тайком опустошал все бутылки с коньяком в столовой...

Девятого декабря, в субботу, в 8 часов вечера переговоры были окончательно прерваны из-за де Голя, и на утро уже был заказан специальный поезд. Француз-

ская делегация отправилась в Кремль, где Сталин устроил прощальный банкет.

Казалось, что все было потеряно, так как и на этот раз интересы Франции защищались только советскими представителями.

4. Ночь с 9 на 10 декабря

Банкет на сто персон был устроен в порфириновом зале. С советской стороны атмосфера была исключительно теплой. Были глубоко волнующие моменты, например, когда Сталин, верховный главнокомандующий Красной Армии, несущей свободу всему миру, поднялся со своего места и братски чокнулся с молодым полковником из «Нормандии», сидевшим в самом конце стола.

Этим Сталин как бы хотел подчеркнуть, что, несмотря на все дипломатические крючкотворства и происки руководителей Франции, стремящихся отдалить ее от СССР, дружба между двумя народами, скрепленная кровью, пролитой сообща, остается самой сильной. Зато с французской стороны атмосфера была ледяной, как и подобает людям с нечистой совестью. Однажды даже гневная гримаса исказила лицо де Голля. Это было, когда Сталин поднял тост за Рузвельта...

Но даже несмотря на явно мрачное настроение де Голля, все мы, в том числе и большинство людей из его окружения, были весьма поражены, когда де Голль после кофе и просмотра фильма быстро поднялся, самым постыдным образом сбежал из Кремля и уехал в посольство, где заперся в отведенном ему кабинете. За ним последовали некоторые особо преданные люди из окружения де Голля, а также английский поверенный в делах Бальфур и американский посол Гарриман. Но они-то спешили телеграфировать в Лондон и Вашингтон о провале франко-советского пакта.

Однако в соседней комнате между советскими представителями и оставшимися членами французской делегации завязался последний разговор с целью найти формулировку для «польского условия».

Этот разговор продолжался в течение нескольких часов, и де Голль, сидя перед камином в углу пустого

посольства, злобно отвергал все предложения Кремля, которые ему по очереди сообщали приезжавшие к нему Дежан и Гарро.

Но неожиданно в два часа ночи он одумался. Он согласился в принципе на опубликование франко-польского коммюнике об обмене полномочными представителями между Парижем и Люблином, что фактически было равносильно обмену письмами, от чего он так яростно отказывался днем.

Теперь оставалось только урегулировать некоторые вопросы протокольного порядка для церемонии подписания пакта.

В пять часов утра в присутствии Сталина и председателя Временного правительства Французской республики франко-советский пакт о дружбе и взаимопомощи был подписан министрами иностранных дел Франции и СССР.

В преамбуле были изложены совершенно ясные принципы: «довести совместно и до конца войну против Германии»; уверенность в том, что «восстановление мира на прочной основе и поддержание его в течение длительного времени в будущем обусловлены существованием тесного сотрудничества между ними [Высокими договаривающимися сторонами] и всеми объединенными нациями»; решение «сотрудничать в деле создания международной системы безопасности для эффективного поддержания всеобщего мира и для обеспечения гармонического развития отношений между нациями»; торжественное возобновление «обязательств, вытекающих из обмена письмами от 27 сентября 1941 года» и, наконец, уверенность в том, что заключение союза между Францией и СССР «отвечает чувствам и интересам обоих народов».

Обязательства, вытекающие из этих принципов, были таковы, что от них невозможно было уклониться при помощи какой-нибудь уловки; обязательство о полной взаимопомощи в войне (ст. 1); обязательство не заключать сепаратного мира «ни с гитлеровским, ни с каким-либо другим правительством или властью, созданными в Германии с целью продолжения или поддержания политики германской агрессии» (ст. 2); обязательство «совместно предпринимать все необходимые меры для устранения любой новой угрозы, исходящей от Германии, и пре-

пятствовать таким действиям, которые делали бы возможной любую новую попытку агрессии с ее стороны» (ст. 3); обязательство «о немедленной взаимопомощи в случае агрессии» (ст. 4); обязательство «не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции, направленной против одной из Высоких договаривающихся сторон» (ст. 5); наконец, обязательство «оказывать друг другу всевозможную экономическую помощь после войны в целях облегчения и ускорения восстановления обеих стран и для того, чтобы внести вклад в дело общего благосостояния мира» (ст. 6).

Итак, этот договор был далек от того неопределенного протокольного документа, о котором мечтал де Голль. После девятидневной дуэли и этой ночи, полной перипетий, в конечном счете восторжествовала точка зрения советского правительства, то есть защита французских интересов.

Но почему же все-таки авантюрист уступил, и уступил в последнюю минуту?

Бесспорно потому, что он знал, что французский народ не простит ему, если он вернется с пустыми руками. Когда я 8 декабря счел своим долгом предупредить де Голля, что в журналистских кругах начинают сомневаться в искренности его желания прийти к союзу, он с грубым цинизмом заявил мне примерно следующее:

«Если я вернусь без пакта в кармане, то я, конечно, скажу, что это русские не захотели подписать его, и воспользуюсь этим, чтобы отделаться от коммунистов. Но все же это будет поражением для меня, и очень большим».

Но существовал и другой фактор. Если де Голль ушел из Кремля в одиннадцать часов, то это не за тем, чтобы пустить пыль в глаза, как он старался доказать позднее, и не за тем, чтобы позлиться на свободе, как мы думали в тот момент.

С самого начала переговоров по поводу «польского условия», через секретные каналы, доступ к которым имел Палевский, он держал постоянный контакт с польскими фашистами в Лондоне. В эту ночь, примерно между одиннадцатью и двумя часами ночи, он ожидал от них решающего послания, которое могло ему позволить или

не позволить заключить пакт. Он не соглашался, пока не получил его; когда же получил, то сказал «да» и подписал.

Процесс польского фашиста Окулицкого в июне 1945 года в Москве вскрыл все неясные места этого очень темного дела. Во время переговоров о пакте польские фашисты собирались отдать приказ о развертывании подпольной борьбы против Красной Армии. Судя по инструкции, полученной Окулицким 11 ноября, «знание намерений и возможностей Советов» в связи с этим приобретало «основное значение». Получилось так, что после провала восстания в Варшаве «Второе бюро» этих господ перестало получать донесения из Польши. Поэтому они решили прибегнуть к услугам де Голля, чтобы заполнить пробел. Ему было разрешено установить отношения с Люблином, чтобы можно было таким образом посылать своих шпионов в Польшу. Одна деталь явным образом подтверждает это. Полномочным представителем в Люблин генерал-авантюрист назначил некоего Христиана Фуше, капитана-парашютиста, который никогда не прыгал с парашютом, зятя Гастона Палевского.

Итак, господин де Голль, этот так называемый «первый французский сопротивленец», «совесть войны» и «новая Жанна д'Арк», был просто мелким мошенником.

Вместе с Жан-Ришар Блоком и генералом Пети я имел большую честь находиться среди французов, которые в ту историческую ночь остались около Сталина в кино-зале Кремля. Какой разительный контраст был между пустой суетой злых карликов и этим архитектором истории с легендарным лицом, твердо уверенным в будущем, обнажающим перед нами глубокий смысл союза между Францией и СССР, так естественно просто стоявшим среди нас в своей маршальской форме, что нам казалось, что мы всегда его знали.

Я не берусь точно передать его слова. Это были те ясные фразы, блещущие гениальностью, которые присущи только ему и которые невозможно воспроизвести, если не запишешь их текстуально. Но я никогда не забуду их основную сущность, и мне кажется, что я еще сейчас слышу спокойный и волнующий голос, говоривший примерно так:

В то время как мы здесь разговариваем без всяких задних мыслей, дипломаты готовы перецарапаться. Возможно, что эти дискуссии неизбежны на нынешнем этапе исторического развития. Но они не должны заставлять нас терять из виду то, что является самым главным в международных отношениях, то есть интересы и волю народов... Интерес французского народа совершенно ясен...

Недостаточно только одержать военную победу. Когда она будет одержана, надо будет еще разрешить очень серьезную проблему. Эта проблема состоит в том, чтобы помешать возрождению агрессивной Германии. Франция не может пренебрегать этой проблемой. И чтобы помешать этому возрождению, надо будет принять эффективные меры...

Французский народ может быть уверен, что при разрешении всех этих задач он встретит поддержку со стороны советского народа. Интересы советского народа совпадают с интересами французского народа. А дружба обоих народов такова, что ее не могут нарушить колкие слова дипломатов. Самой прочной формой дружбы является та, которая скреплена между двумя народами кровью, пролитой в общей борьбе.

Человек, который говорил это, является не только государственным деятелем, стоящим неизмеримо выше самых известных мировых деятелей в области внешней политики.

Это государственный деятель, которого не мог создать ни один буржуазный режим; государственный деятель марксист-ленинец, у которого слово не расходится с делом, обновивший принцип внешней политики, подведя новую базу под проблему отношений между нациями.

Я часто думал о том большом уроке, который дал нам Сталин в ту ночь, особенно теперь, когда наши правители, их дипломаты и их поденщики снова пытаются задушить франко-советский союз, стойко выдерживающий все их яростные нападки. Они могут бросаться на этот утес, но в конечном счете он же их раздавит. И есть действительно какая-то мстительная ирония истории в том, что именно

махинации де Голля привели к тому, что французский народ получил документ, скрепляющий его нерушимую дружбу с СССР.

Возможно, что де Голль сам это понял. Когда в серое зимнее утро 10 декабря в Москве он, перед тем как сесть в поезд, проходил перед почетным караулом Советской Армии, у него уже был вид приговоренного к смерти.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПОДГОТОВКА ВОЙНЫ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА в 1945 году

1. Обстановка на другой день после подписания франко-советского пакта

Для французского народа год освобождения заканчивался грандиозной перспективой. Хотя операция фон Рундштета явилась причиной непростительного смятения американского командования, было уже очевидным, что Красная Армия несет нам близкую победу и что мы тоже примем в ней участие благодаря франко-советскому пакту. И мы были уверены, что в предстоящий мирный период нашей стране будут предоставлены гарантии безопасности, так как союз с СССР парализует всякую опасность возрождения агрессивной Германии. Наконец, в этот период уверенного спокойствия положение и международный авторитет, который этот союз давал Франции, позволят ей очень быстро занять место великой державы, которое она начала терять с того момента, когда правящие круги направили ее по пути антисоветской войны.

На перроне Курского вокзала 10 декабря, когда поезд, увозящий де Голля, скрылся за горизонтом, унося, как дурной сон, всю клику авантюристов и лакеев, один советский дипломат сказал мне с чувством, исключаяющим всякую деланную любезность: «Все-таки как хорошо! Шесть месяцев тому назад немцы были еще в Париже, а сегодня вы уже совсем близки к тому, чтобы занять свое прежнее положение в мире...»

Но де Голль думал совсем не так. Теперь, когда он был уверен, что сможет заставить Черчилля признать его

главой будущей антисоветской коалиции, момент казался ему вдвойне удобным для того, чтобы взять на себя инициативу в подготовке войны против СССР. Прежде всего, потому, что перспектива близкой победы, одержанной кровью советских солдат, позволяла ему теперь полностью посвятить свою деятельность этой цели.

Настроение англо-американских реакционных кругов, казалось, ободряюще действовало на де Голля. На другой же день после подписания франко-советского пакта Черчилль в своих выступлениях стал чаще употреблять «дружественные» фразы по отношению к Франции. По мере того, как приближался конец войны, операции, проводимые Эйзенхауэром на западе, принимали странный характер соглашения с гитлеровским командованием, чтобы завоевать более выгодные позиции против Красной Армии.

Начинался наиболее напряженный период в франко-советских отношениях. И если он не закончился катастрофой, то в этом заслуга не де Голля.

2. Новый посол в Москве

Прежде всего, де Голль реорганизовал французский дипломатический пост в Москве в соответствии с той авантюрой, в которую он пустился. Подписание пакта послужило ему для этого самым выгодным предлогом: потребовалась замена малочисленного представительства, существовавшего с марта 1942 года, «большим посольством» во главе с «лицом первостепенного значения».

Французским послом в СССР был назначен генерал армии Жорж Катру, приступивший к исполнению своих обязанностей 22 февраля 1945 года. Советское правительство устроило ему теплый прием, как этого заслуживал человек, на которого возложена великолепная задача — проводить в жизнь франко-советский пакт. Но де Голль, очевидно, не для этого выбрал такого человека.

Этот выбор был ему подсказан прежде всего тем, что он был уверен в Катру. Очень строгие суждения, высказываемые Катру о своем шефе, могли привести в заблуждение, ибо отвращение, которое вызывала мания величия кандидата в диктаторы у его старого «компаньона», было вполне искренним. Но Катру никогда не руководствовался

своими чувствами, даже если это было чувство презрения. Когда правительство Виши прогнало его из Индо-Китая в 1940 году, он стал играть на карте «Шарля» и продолжал играть на ней всю войну. И можно было быть уверенным, что он будет играть на ней до конца.

Не из чувства преданности, — если бы он не был уверен в неизбежном крахе «третьей силы», то безо всяких угрызений совести примкнул бы к ней, несмотря на почти физический ужас, который он испытывал от беспокойной глупости какого-нибудь Бидо или Жюля Мока. Но теперь, когда он за пять лет выдвинулся на одно из первых мест в деголлевской клике, он считал, что самое выгодное — это собирать плоды накопленного таким образом политического капитала. Для этого старика, достигшего вершин военных и гражданских почестей и все еще недовольного этим, послушное служение авантюристу было единственным шансом продвинуться еще на несколько ступенек...

Таким образом, де Голль был вполне уверен, что Катру будет пунктуально выполнять все его приказания, даже если будет считать их преступными. И события подтвердили это. Хотя новый посол сразу же понял необходимость прочного франко-советского союза так же, как ни с чем несравнимую мощь СССР, он все же преданно помогал своему шефу в подготовке агрессии против нашего друга — советского народа.

Но эта небескорыстная привязанность не была единственной причиной, побудившей де Голля назначить Катру послом. Жена последнего не пропускала случая, чтобы подчеркнуть дружескую связь, существующую между Черчиллем и ее супругом. Это была особенная дружба. Американский шпион Кеннет Пендар уверяет в книге «Дилемма Франция — США», что один офицер «Интеллидженс сервис» в 1943 году сказал ему о Катру: «Мы ему платим. Это хороший парень». Известен также рассказ самого Катру * о секретной миссии, порученной ему Черчиллем и Иденом в 1940—1941 гг. Катру должен был «вернуть» старого агента «Интеллидженс сервис» Вейгана, который покинул своих хозяев и перешел одновременно на тайную службу Германии и Америки. Связи Черчилля с Катру были связями самого прочного типа,

* В мемуарах Поля Рейно.

что было проверено разведывательной службой британской короны. И это было еще одним козырем в руках де Голля на случай, когда восторжествуют его идеи «Западного блока»; Катру был наиболее подходящим человеком, чтобы в нужный момент осведомить лондонский кабинет о том, что представляет собой в действительности «русская политика» его шефа.

Назначение посла с возложенной на него подобной «щекотливой» миссией неизбежно требовало глубокой «чистки» старой группы «свободной Франции». В феврале Гарро был назначен в Польшу, куда за ним последовал Дельтур. Пети, которого считали самым «несносным» потому, что его присутствие тормозило деятельность военных шпионов, после ряда бестактных провокаций по мало-значимым поводам (например, его официально упрекали в том, что он в недостаточной дружественных отношениях с англо-американскими разведчиками), был отозван вместе с военной миссией. Корреспондент Франс Пресс Жан Шампенуа, статьи которого не нравились де Голлю, получил «отпуск».

3. Саботаж франко-советского пакта

Приняв меры предосторожности, де Голль перешел к действиям. Тот пакт, который он подписал, как мы видим, возлагал на него точные обязательства, тогда как тот пакт, о котором он мечтал, не должен был ничем его обязывать. И чтобы развязать себе руки для подготовки войны против СССР, он в первую очередь решил освободиться от обязательств, которые он взял на себя 10 декабря 1944 года в Москве.

Этот саботаж был особенно заметен при выполнении военных условий пакта. «Нормандия» должна была стать дивизией. Чтобы задержать это превращение до конца военных действий, были пущены в ход все средства: без конца откладывалось прибытие пилотов, с советским командованием велись нескончаемые дискуссии технического характера, даже поднимались вопросы личного характера, когда шла речь о назначении командира дивизии. Таким образом добились желаемого результата. «Нормандия», вынужденная к бездействию во время этих нескончаемых препирательств, не принимала участия в гран-

диозных финальных сражениях. Более того, де Голлю удалось даже лишить пилотов возможности принять участие в праздновании Дня победы в Москве. Спустя неделю после последнего пушечного залпа де Голль потребовал возвращения «Нормандии» во Францию. В то же время его агенты распространяли между офицерами этой группы невероятные слухи о том, что «русские хотят оставить их в России!» «Нормандия» возвратилась в Париж за пять дней до исторической демонстрации на Красной площади на самолетах «ЯК-3», подаренных соединению Сталиным.

Ловко маскируя дипломатический саботаж, де Голль продолжал активно проводить его. Обязательство «сотрудничать в деле создания международной системы безопасности» было нарушено еще 6 марта 1945 года, когда де Голль официально отказался принять участие в посылке приглашений на конференцию Объединенных наций в Сан-Франциско. Не было также выполнено обязательство «совместно предпринимать все необходимые меры, чтобы устранить всякую новую угрозу со стороны Германии». Наконец, несмотря на обмен дипломатическими миссиями с демократической Польшей, де Голль проявлял явную озлобленность к деятелям новой Польши.

Во время подписания польско-советского договора о дружбе и взаимопомощи 21 апреля Сталин торжественно предупредил:

«Теперь, — заявил он в речи, произнесенной в конце церемонии, — можно с уверенностью сказать, что немецкая агрессия осаждена с востока. Несомненно, что если этот барьер с востока будет дополнен барьером с запада, то-есть союзом наших стран с нашими союзниками на западе, то можно смело сказать, что немецкая агрессия будет обуздана и ей нелегко будет разгуляться...

Поэтому я не сомневаюсь, что наши союзники на западе будут приветствовать этот Договор».

Де Голль был предупрежден, что, сворачивая с пути, намеченного пактом от 10 декабря 1944 года, он покушается на безопасность Франции.

Его деятельность по подрыву союза была настолько явной, что только совершенно слепой человек мог не

заметить ее. Когда Эррио 5 или 6 мая проезжал через Москву, направляясь во Францию, я счел своим долгом весьма серьезно предупредить его в присутствии генерала Пети, одоббившего мое намерение, что второй франко-советский пакт почти полностью саботирован, как это было с предыдущим пактом во времена Мюнхена.

4. Стратегическая подготовка войны с СССР

В это время де Голль бросил свою разведку на выполнение важной шпионской операции стратегического характера, направленной против СССР.

Главным объектом этой операции были тылы Красной Армии в Польше. Напомним, что Фуше как раз с этой целью был назначен полномочным представителем в Польше. Он должен был вести эту операцию в тесном сотрудничестве с фашистским подпольем, подчинявшимся лондонскому эмигрантскому правительству—пресловутой «А. К.»*. Он очень тщательно выполнял свою миссию. Прибыв 24 декабря 1944 года к месту своего назначения, он немедленно связался с польскими фашистами, получил у них сведения о частях Красной Армии и их передвижении, сообщил им со своей стороны все то, что его привилегии дипломата позволили ему узнать, и помог им передать некоторые сообщения, в частности письмо с угрозой смерти по адресу корреспондента «Таймс» в Москве Ральфа Паркера, которому «А. К.» не могла простить, что он писал правду о демократической Польше. Во второй половине марта Фуше вернулся в Москву, затем направился в Париж, чтобы дать отчет о достигнутых результатах лично де Голлю. Попутно заметим, что в это время Красная Армия готовилась к последней атаке на Берлин, и, следовательно, шпионские сведения, собранные Фуше, учитывая отношения, существовавшие между польскими фашистами и гитлеровцами, пошли в первую очередь на пользу гитлеровскому штабу.

Когда уехал Фуше, то начатую им работу продолжало все посольство Катру. И это было до середины лета 1945 года одним из его главных занятий. Очень легко было пустить дымовую завесу, чтобы замаскировать эту опе-

* Армия крайова.

рацию. К этому времени Гарро приступил к исполнению своих обязанностей посла в Варшаве. Но так как не было прямой почтовой или телеграфной связи между Парижем и польской столицей, то под предлогом помощи своему коллеге в пересылке корреспонденции Катру посылал к нему своих верных людей с официальной миссией «дипломатических курьеров», а в действительности с целью сбора возможно большего количества шпионских сведений стратегического характера.

Эти господа постарались. По крайней мере, один из их подвигов наделал шуму в среде международных разведок. Вернувшись из такой «курьерской» поездки, морской атташе Мезоие написал большой отчет о состоянии Штеттинского порта. Это дало повод для поучительного инцидента. Спустя несколько дней после отъезда Мезоие в новую «учебную поездку», к Катру явился английский морской атташе с просьбой дать ему экземпляр этого отчета; как он сказал, это было обменом, обусловленным заранее с автором. Французский посол не был противником такого обмена и сам очень часто пользовался им. Но он хотел быть монополистом в этой области особенно, когда дело касалось одной из главных тайн деголлевского шпионажа. Он не простил Мезоие, что тот заранее разболтал об этом, что, в конце концов, явилось причиной отзыва офицера с занимаемой должности.

Параллельно с этим проводилась другая серия шпионских операций под предлогом «помощи» репатриации французских военнопленных, освобожденных Красной Армией. И главная роль в выполнении этой операции была поручена также посольству Катру.

Безучастное отношение де Голля к исключительно важной проблеме, которая возникла в связи с быстрым освобождением сотен тысяч французов, когда рушились все фронты, долго было для нас загадкой. Советские войска освободили уже многие десятки тысяч наших соотечественников, а ничего конкретного еще не было принято, хотя «министерство по делам военнопленных» в Париже растрачивало миллиарды. Между тем, все объяснялось очень просто, хотя и жестоко: в секретных донесениях ДЖЕР* о положении в немецких лагерях

* Начальные буквы «Дирексьон женераль д'этиюд эде решерш». Такое название после освобождения дал де Голль бывшей БСРА (как

пленные характеризовались, как «неблагонадежные» люди, «зараженные крайне левыми идеями», а де Голль предпочитал, чтобы к общему числу людских потерь Франции прибавился еще миллион умерших от голода и нужды, чем видеть вернувшийся во Францию миллион «коммунистов».

И вдруг де Голль крайне заинтересовался этой проблемой. Решающим фактором в этом изменении отношения явился, вероятно, страх перед народным возмущением. Но интересы шпионского характера сыграли в этом также немаловажную роль: де Голль решил воспользоваться возможностями передвижения, которые предоставлялись его эмиссарам по репатриации, чтобы попытаться собрать секретные данные стратегического характера об СССР.

Для этой цели посольству Катру был придан специальный персонал под видом офицеров, сестер милосердия и лиц из комитета по оказанию общественной помощи, который подчинялся непосредственно генеральше Катру, как «представительнице Красного креста». Для того, чтобы весь этот люд мог спокойно и без помех заниматься своим делом, задерживался отъезд из Парижа настоящей миссии по репатриации во главе с подполковником Маркье. Каждая такая поездка использовалась в разведывательных целях. Так, Мезойе, воспользовавшись поездкой в лагерь для репатриантов в Кандалакше, написал на основании опроса военнопленных донесение об оборонительных сооружениях Мурманского побережья, а приехав из Одессы, он дополнил секретные наблюдения нашего постоянного агента некоего капитана Дю Гужар. Один добрый малый, которого нам прислали, чтобы он «занимался военнопленными», рассказал мне, что перед отъездом его вызывали на главную квартиру ДЖЕР, где предложили захватить с собой подпольный радиопередатчик и изучить «возможности создания сети в России»...

Примерно к этому же времени в разведывательных службах Парижа разрабатывалась третья серия шпион-

раньше называлась разведка де Голля), во главе которой был и оставался Пасси до того момента, когда было раскрыто дело о мошенничестве, в связи с чем он был отстранен от должности в начале 1946 года.

ских операций. Дело заключалось в том, чтобы организовать под прикрытием «франко-советской дружбы» ряд «визитов, предусмотренных этикетом», с целью сбора максимального количества сведений... Так, во «Втором бюро» министерства морского флота задумали «визит дружбы» Балтийскому флоту. В связи с этим попросили разрешить посещение Ленинграда эскадренным миноносцем «Террибль». Но этот проект осуществить не удалось, о чем я узнал гораздо позже от одного коллеги, который во всех подробностях описал мне все выгодные стороны неудавшейся экспедиции. По его словам, в Ленинградском военном порту были «совершенно неизвестные сооружения», и он думал, что их удастся сфотографировать «с помощью специальных аппаратов новейшей модели». К огорчению разведки военно-морского флота Советское правительство ответило, что эсминец может быть принят в Таллине.

— Вы сами понимаете, что визит был отменен, — добавил дипломат, — Таллин не представлял для нас интереса. Прежде всего, там все разрушено, и к тому же у нас есть все планы этого города...

Деголлевцы уже больше не скрывали своих намерений.

5. Моральная подготовка войны против СССР

Стратегическая подготовка сопровождалась во всей деголлевской прессе разнузданной кампанией лжи для того, чтобы морально подготовить французский народ к войне против СССР.

В феврале под предлогом того, что де Голль не был приглашен на совещание трех Великих держав в Ялте, он наводнил почти всю парижскую прессу, от органа социалистов «Попюлер» до ультрареакционной газеты «Фигаро», целым потоком обвинений и клеветы по адресу СССР. Во всем этом потоке можно было различить два основных лейтмотива. Во-первых, что это по требованию «России» Франция не была приглашена на переговоры (когда всем было хорошо известно, что этого потребовал Рузвельт из соображений безопасности, о которых уже говорилось); и, во-вторых, что это было сделано потому, что Москва «решила возродить агрессивную Германию»,

для которой было уже приготовлено правительство... из генералов во главе с фон Паулюсом! Здесь был применен старый воровской прием, когда сам вор кричит: «Держи вора!» Нужно было, чтобы люди поверили, что не де Голль саботирует союз, а СССР, что Советский Союз, а не де Голль, хочет возродить милитаристическую Германию в целях подготовки третьей мировой войны и что вовсе не де Голль угрожает безопасности Франции, а СССР.

Это было уже слишком скандально, и все брежуны внезапно остановились. Но почти в то же время и в тех же газетах начались еще две кампании, еще более лживые. Первая заключалась в том, что Красная Армия обвинялась в «совершении неслыханных зверств» в освобожденной Польше, вторая же — в распространении небывлиц о том, что советские власти отказались вернуть на родину «освобожденных военнопленных французов», репатриировав лишь небольшое число из них после того, как они подвергались «самому худшему обращению».

Изготовление «материалов» для той и другой кампании было также поручено посольству Катру, и я, таким образом, имел возможность вблизи наблюдать, какое внимание уделял де Голль этому способу подготовки войны.

Дело о «зверствах в Польше» начинал Фуше. Три месяца, в течение которых он был связан с господами из «А. К.», дали ему возможность составить объемистый сборник антисоветских анекдотов. Как только он вернулся в Москву, Катру поручил ему составить на этой «базе» подробный «политический отчет». Я первым узнал о содержании этого отчета, так как автор почти ежедневно по утрам приходил ко мне и рассказывал всякие страшные вещи, чтобы посмотреть, какое они произведут на меня впечатление. Это длилось все время, пока шло редактирование его «трудов». В них широко развивались две основные темы. Первая заключалась в том, что «98% жителей» — ни одним больше, ни одним меньше! — требовали вернуть к власти эмигрантско-фашистское лондонское правительство; вторая — в том, что Польша страшно страдает от... «русской оккупации»! Для иллюстрации второй темы Фуше приукрасил свою диссертацию рассказами о «зверствах большевиков», чтение которых, должно

быть, облегчило последние минуты жизни Геббельса в его «бункере», когда гестапо передало ему копию документа. Большинство из этих рассказов были простой переделкой отчетов о подлинных зверствах гитлеровцев в Польше, то есть были сфабрикованы по тому же методу, как была сфабрикована Катынская провокация. Но некоторые из них были плодами собственного воображения Фуше. В частности, мне вспоминается его рассказ о массовом изнасиловании «ста француженок»; один раз Фуше уверял, что это были «монашки католического монастыря»; а в другой раз, что «изнасилование происходило на главах мужей»; и он никак не мог решить, какой из двух вариантов был более ужасающим...

Как только Фуше вернулся в Париж, в ряде газет стали появляться большие выдержки из этого «отчета» под заглавием «сенсационных сообщений», якобы переданных мифическими «специальными корреспондентами». Демократическое общественное мнение Франции ответило негодованием на эту кампанию клеветы на СССР и его героическую армию. Потребовали даже расследования о происхождении всей этой клеветы. Над посольством в Москве пронесся панический ветер. Но оно не отступило от своей «работы». Дипломатические курьеры, которых посылали в Варшаву со шпионскими заданиями, должны были привозить из своих поездок как можно больше антисоветских анекдотов; эти материалы они должны были затем на манер Фуше приводить в отчетах.

Таким образом, почти каждую неделю из Москвы в Париж посылалась добрая дюжина страниц фантастических вымыслов, среди которых самыми «замечательными» были сообщения Мезойе, из-под пера которого выходили самые избитые небылицы, принимая вид «дипломатического» доклада. Между прочим, один молодой атташе, слишком сообразительный, чтобы не понять, какому риску он подвергается, сочиняя подобные лживые измышления, но также слишком трусливый, чтобы осмелиться рассказать правду, попытался выйти из затруднительного положения с помощью хитрости. Притворившись больным, он по возвращении из поездки ничего не написал, а ограничился лишь тем, что рассказал лично Катру несколько антисоветских анекдотов, которые он выдумывал

находу. Но, к своему несчастью, спустя три дня, он был неприятно удивлен, узнав, что посол передал по телеграфу в Париж его рассказы, но все же прибавил, что он «оставляет рассказ под полную ответственность автора».

«Дело о репатриации» было сфабриковано подобным же образом.

Здесь также первый камень заложил Фуше. В его знаменитом отчете была целая серия лживых измышлений о якобы «плохом обращении» Красной Армии с французами, выпущенными из лагерей в Германии. По его словам, «целые лагеря» были «расстреляны дивизиями монголов». Те же, которые остались в живых, «бродили совершенно голые по полям, так как русские отобрали у них все имущество». Это была возмутительная ложь. Все вернувшиеся военнопленные подтверждали обратное: в условиях титанического наступления, во время которого освобожденные французы загромождали пути сообщения, советское командование приняло все возможные меры, чтобы собрать наших людей, накормить их, одеть и эвакуировать.

После отъезда Фуше посольство с лихорадочной активностью продолжало свою деятельность, поручая шпионам, посылаемым в СССР под предлогом репатриации собирать как можно больше сведений о «плохом обращении». Это было систематически организовано и порой принимало такие вопиющие формы, которые возмущали даже старых дипломатов. Например, донесение, написанное рукой генеральши Катру, в котором Красная Армия обвинялась в смерти двух тысяч пленных в лагере близ Берлина, хотя все знали, что эти пленные погибли во время налета американских бомбардировщиков на этот лагерь. Или случай, который сотрудники Катру называли «Кандалакшским скандалом». Один честный сотрудник французской миссии был послан в лагерь репатриированных, находившийся в Кандалакше. Он написал о своей поездке правдивый отчет, в котором расхваливал советское правительство. Немедленно туда же был направлен Мезоие. Он вернулся с коллекцией «ужасающих историй», что и требовалось от него...

Очевидно, де Голль готовился к очень близкой войне. И он прилагал все усилия, чтобы представить СССР в глазах общественного мнения как «врага № 1».

Когда же намечал де Голль начать войну против СССР, которую он подготавливал с таким рвением?

Несмотря на строжайшую тайну, в которой готовились эти планы, имеются три группы соответствующих указаний, которые позволяют с точностью ответить на этот вопрос.

Первая группа вытекает из «дела о репатриации». Посольству Катру поручили произвести тщательное расследование для того, чтобы проверить, можно ли освобожденных военнопленных немедленно направить против СССР. С этой целью в переправочном пункте в Одессе была организована настоящая служба политического расследования во главе с капитаном Дю Гужар. Там систематически производились допросы, проверялись личные документы, составлялись периодические подробные отчеты для отправки в Париж — по всем традициям фашистской полиции. Итак, генерал — премьер-министр уже с 1945 года думал о том, как бы поскорее использовать «свою» армию в антисоветской аванюре. Фуше невольно упомянул об этом в одном из своих сообщений в апреле 1945 года, где он, не задумываясь, бесстыдно лгал, чтобы доставить удовольствие своему хозяину: «Все пленные, которых я встречал, — писал Фуше, — ненавидят Россию больше, чем Германию... А некоторые спрашивали меня, скоро ли мы начнем войну с Россией» *.

Вторая группа такого же порядка встречается в политической корреспонденции Катру за первые месяцы 1945 года. Встревоженные тем, что они называли «сумасшествием» их посла, многие его сотрудники сообщали мне содержание ультрасекретных телеграмм, адресованных в кабинет де Голля. В самом деле, это были бешеные призывы к третьему мировому конфликту, где встречались такие фразы: «Польский народ возлагает всю свою надежду на близость союзных армий на западе, которые могут еще вмешаться силой» или «Если заинтересованные державы не вмешаются сейчас же (в Румынии), то потом будет уже слишком поздно». Дело было ясно.

* Конечно, всей этой галиматье никто не верил — ни те, кто сочинял ее, ни те, кому она была адресована. Но это делалось потому, что такие донесения использовались для нужд антисоветской пропаганды, а также способствовали продвижению по службе авторов антисоветских небылиц.

Де Голль доверил Катру свои планы. В этих планах предполагалось в ближайшее время начать войну. И Катру считал своим долгом известить своего шефа, какое время, по его мнению, будет самым удобным, чтобы рискнуть пойти на эту авантюру, то есть именно сейчас, когда армии «западных стран» наготове и можно рассчитывать на то, что Красная Армия «устала» от своей победы.

Наконец, третья группа вытекает из международного положения.

Опубликованные теперь документы подтверждают, что в начале 1945 года ультрареакционные круги в Лондоне и Вашингтоне готовились к тому, чтобы антисоветский «крестовый поход» начался вслед за военной ликвидацией вермахта. Может быть, поэтому Гиммлер, сдавшись в плен англичанам, во что бы то ни стало хотел лично переговорить с Монтгомери. По той же причине Гитлер до последней минуты надеялся на «разрыв» между союзниками: он хорошо знал тайные намерения Черчиллей и даллесов, лучше, чем английские и американские солдаты, которые праздновали на Эльбе встречу со своими советскими товарищами...

Де Голль тоже надеялся, что 1945 год будет годом третьего мирового пожара, и готовился к большой антисоветской войне.

6. Народ спасает мир

И в этот момент де Голль был поражен. Уверенный донесениями своих агентов в «преданности масс», он, не колеблясь, назначил всеобщие выборы—в первый раз за девять лет—на 19 октября 1945 года. Самое большое число голосов получила коммунистическая партии. Ее представители немедленно потребовали, чтобы в будущем правительстве коммунистам принадлежало соответствующее число портфелей и, в частности, одно из «ключевых министерств»: иностранных дел, внутренних дел или национальной обороны.

Это были министерства, наиболее тесно связанные с подготовкой антисоветской войны. При мысли, что патриоты смогут обнаружить явные следы его авантюры, де Голль потерял голову, а весь империалистический ла-

герь был охвачен смятением. На требование коммунистов де Голль ответил категорическим отказом. Английский посол в Париже Дафф Купер от имени лейбористского кабинета оказал энергичное давление на де Голля, чтобы он не отступал от своего отказа. В то же время Джефферсон Кэффери от имени Трумэна предпринимал подобные же меры.

Но отказ де Голля вызвал глубокое возмущение во Франции, и он понял, что если он будет настаивать, то весь народ поднимется против него и преградит ему путь. Тогда он допустил коммунистов на целый ряд министерских постов. С этого момента де Голль был парализован и уже не смог продолжать свои авантюры. Каждую минуту задуманное им преступление могло быть раскрыто.

А 20 января 1946 года он подал в отставку, даже не придумав подходящего предлога для общественного мнения, поступив, как шулер, который покидает игорный дом из страха, что может быть разоблачен своими жертвами.

Французский народ не был посвящен в тайны де Голля и, конечно, не подозревал, что авантюристская клика толкает его на страшное дело новой войны. Но благодаря своему здравому смыслу французский народ в решительную минуту объединился вокруг коммунистической партии и, таким образом, нанес удар попыткам возрождения антисоветской агрессии. Еще раз в своей славной истории народ спас отечество от катастрофы, послужив одновременно делу мира,

ЧАСТЬ III

ЛАКЕИ АМЕРИКИ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ХОЗЯЕВА ФРАНЦИИ В ЯНВАРЕ 1946 ГОДА

1. Новые цепи

Большая победа, одержанная французским народом и вынудившая де Голля к бегству, не была, однако, полной победой. Удар, обрушившийся на де Голля, не задел аппарата, состоявшего из агентов монополий. Де Голль был всего лишь одной из заменяемых частей этого аппарата.

Зависимость политических деятелей «Четвертой» республики в отношении финансовой олигархии осталась прежней. Конечно, лавали, боннэ и фландэны сошли со сцены. Первый, потому что он был казнен, второй, потому что он удалился в Швейцарию, где о нем заботился банк Моргана. Но такие доверенные лица «200 семейств», как Блюм и Рейно, не замедлили появиться на арене; другие готовились вступить на это поприще. Таким образом, появились новые агенты трестов. Говоря о финансовых связях «свободной Франции», мы уже упоминали о Дьетельме и Плевене. Министр финансов Леперк был генеральным директором Европейского союза Шнейдера. Рене Мейер, его коллега в министерстве транспорта, был «мозгом» банка Ротшильда, который он представлял в двадцати одном административном совете, фактически контролируя все крупные нефтяные, электрические и транспортные предприятия; он также связан с такими мощными международными монополиями, как английская «Ройял дач» и американская «Стандарт ойл». Агент «Второго бюро» в Риге в 1927 году и в Финляндии в 1940 году Жюль Мок был связан с банками Дрейфуса и Лазар и нефтяными трестами, зависевшими от «Стандарт ойл». Лидер католической партии — в то время партии де Голля — Робер Шуман с 1924 года был известен как агент магната металлургии де Ванделя и т. д.

Одновременно «200 семейств» укрепили свои позиции и на Кэ д'Орсэ. Правда, чтобы обмануть общественное мнение, был сделан вид, что там проводятся «демократические» реформы, вокруг которых был поднят большой шум. Но в действительности они сводились к тому, чтобы переименовать школу, готовящую к вступительному конкурсу, изменить название рангов или же принять без предварительного испытания группу новых дипломатов, принадлежащих к той же среде, что и их предшественники.

В общем, две главенствующие группировки финансовой олигархии — «Комите де форж» и крупные банки — только сильнее захватили в свои руки французскую дипломатию.

«Комите де форж» послал на Кэ д'Орсэ все того же Франсуа-Поясе из группы Ванделя и сильное подкрепление из «молодых», в которое входили: посол Фук-Дюпарк (предприятия «Сен-Гобэн»); министр-советник де Курсель (сталелитейные заводы в Анзене и чугунолитейные в Понжибо); директор департамента Центральной Европы де Лейс (металлургические заводы в Комментри, заводы де Прюин, акционерное общество «Сент-Ипполит»), советники: Бюрэн де Розье (компания рудников в Алэ), де Бомаршэ (металлургические заводы и верфи в Жиронде) и, наконец, директор экономического управления Эрве Альфан, автор плана «интернационализации» Рура.

Крупные банки тоже имели своих людей на Кэ д'Орсэ. Наряду с Андриеном Терри и д'Ормессонами, это были: посол в Берне Оппено («Торговый и промышленный кредит»), посол в Копенгагене де Шарбоньер (банк Нейфлиз), министр в Тиране Жорж Пико («Торговый и промышленный кредит» *), министр-советник в Москве Шарпантье («Сосьетэ женераль»), министр-советник в Берлине Сейду (банки Мирабо и Маллэн), советники Роан-Шабо (банки Ротшильда) и Леру-Болье («Торговый и промышленный кредит») и, наконец, директор политического управления Морис Кув де Мюрвиль, зять того Швейсгута из

* Напомним кстати, что это учреждение является главным банком Ватикана во Франции. Жорж Пико был скомпрометирован во время процесса против иезуитской разведки, происходившего в Албании в 1946 году.

банков Мирабо и «Юнион паризьен», по поводу которого уже говорилось в связи с секретными миссиями в Советский Союз в 1935 году.

Наконец, «200 семейств» еще больше, чем до войны подчинили себе секретные службы Франции. Во главе «Второго бюро» в Германии был генерал Наварр из промышленного банка Северной Африки. В военный аташат в Москву были посланы такие люди, как полковник Айере, связанный с Ротшильдом, и майор Боньи де Сен-Марсо, чьи семейные связи тянутся к административному совету железных дорог «П. Л. М.», являющихся также владением банка Ротшильда. А в ДЖЕР французские монополии держали в своих руках все ключевые позиции.

В таких условиях народ не в силах был использовать победу, которую он одержал, освободив Францию от де Голля. Народ отстранили от управления делами Франции, как это уже было до и после 1940 года.

Положение оказалось даже значительно более серьезным, чем во время агонизирующей «Третьей республики». Теперь у хозяев Франции, каковыми являлись банки и монополии, совершенно не осталось ничего французского. С момента катастрофы в июне 1940 года, которую они подготовили и вызвали, «коллорабационизм» изменил свое лицо. Вся финансовая верхушка Франции теперь оказалась в сетях американского империализма.

2. Аппарат «американизации» Франции

Известно, какую оценку давал Трумэн в конце 1941 года гитлеровской агрессии против СССР в газете «Нью-Йорк таймс»: «Если мы увидим, что Германия в состоянии выиграть войну, то надо будет помочь России, если же наоборот, то нужно будет помочь Германии. Таким образом, они насколько можно больше истребят друг друга!»

Это был особенно отвратительный способ рассматривать войну народов, стремящихся к свободе. Но это не было мнением одного только Трумэна. Он просто высказывал точку зрения заатлантических бизнесменов. И они применяли те же принципы к побежденной Франции.

Еще за четыре недели до капитуляции французской

армии Буллит потребовал немедленной посылки американского крейсера для вывоза золотого запаса из Французского банка. Едва Петэн обосновался в своем Виши, как преемник Буллита — Биддл и его подчиненные усилили демарши по поводу выдачи французского военного флота в обмен на доллары. (Американцы не интересовались торговым флотом, так как его самая лучшая единица, великолепный теплоход «Нормандия», уже целый год гнил в Нью-Йорке, откуда он вышел только для того, чтобы попасть на слом.) Словом, американские дипломаты действовали, как банда шакалов.

Требовалось больше порядка. И государственный департамент США направил с этой целью «чрезвычайную» миссию к Петэну. Возглавлял ее матерый реакционер адмирал Леги. Его помощником был назначен генеральный консул США в Париже некий Роберт Мэрфи, который проявил себя в тайной дипломатии во времена Боннэ и считался чиновником, имеющим самую тесную связь с кругами «200 семейств». Таким образом, началось то, что историк Вильям Ланджер цинически назвал «нашей игрой в Виши» — худшее из позорных действий вашингтонской дипломатии во время войны.

После высадки американского десанта в Северной Африке в ноябре 1942 года Леги вернулся в Америку, а Мэрфи командовал «парадом» из Алжира, где он создал свой «генеральный штаб». Центр операций по грабежу, таким образом, переместился из Виши в Алжир, где, кстати сказать, французский «суверенитет» был таким же, как и в оккупированной Франции.

Летом 1944 года государственный департамент США вынужден был еще раз заменить свой аппарат «американизации» Франции. Послом США в Париже был назначен некий Джефферсон Кэффери. Уже самый факт такого назначения казался символом: Джефферсон Кэффери был специалистом по республикам — сателлитам Латинской Америки. Он приобрел себе печальную известность тем, что в 1932 году вызвал из Атлантики эскадру, чтобы «образумить» министров Кубы, где он был аккредитован. Вся его деятельность в Латинской Америке могла выдать намерения Вашингтона в отношении Франции. Поэтому от французов очень тщательно скрывали биографию Кэффери.

В январе 1946 года исполнилось пять с половиной лет непрерывного действия аппарата систематической «американизации» Франции, последовательно перемещавшегося из Виши в Алжир и из Алжира в Париж. Этот аппарат непрестанно совершенствовался и в последнем своем виде был простой копией машины, приводящей в движение марионеточные кабинеты в Южной Америке.

3. Шакалы во Франции

Вследствие проведения такой политики был достигнут тройной результат. Прежде всего, был захвачен крупный французский капитал; затем произошло «завоевание» некоторых французских территорий; наконец, среди кругов высшей администрации и в правящих политических сферах был завербован персонал, всецело подчиняющийся Вашингтону.

Положение, в котором находился крупный французский капитал осенью 1940 года, открывало перед американцами неограниченное поле действия. Для трестов, у которых гитлеровские монополии твердо решили отобрать их капиталы, под прикрытием расистских законов, банки Америки казались спасителями. А для огромного большинства трестов, то есть трестов-коллорабационистов, американский финансовый мир одновременно являлся убежищем, противовесом и выходной дверью. Убежищем для их огромных прибылей, которые, хранясь во Франции, обесценивались; противовесом по отношению к исключительному влиянию немецко-фашистских трестов и выходной дверью на случай поражения гитлеровской Германии.

Люди из миссии Леги могли выбирать между этими ролями, но они принялись одновременно за все амплуа.

«Спасение» банка Лазара не представляло особых трудностей, так как Морган всегда имел в нем свои интересы. Поэтому ограничились тем, что полностью прибрали его к рукам с помощью Жоржа Боннэ и известного «Банка международных расчетов». Вопрос с Ротшильдом был также решен довольно быстро. Рене Мейер, которого катастрофа застала в Лондоне, где он занимался торговлей оружием, начал уже там ставить

вехи. Вернувшись в Виши, он продолжал переговоры с американским послом Леги, передал под контроль янки все дела, связанные с самым знаменитым из парижских банков, а сам перешел на секретную службу США.

В отношении же других трестов государственный департамент приступил к более сложному процессу тайного вывоза капиталов. Обычно он направлял их в Северную Африку, где другие американские агенты обеспечивали их переправку в Нью-Йорк. Таким образом, в течение 1941 и 1942 гг. 2 миллиарда 600 миллионов долларов утекли под предлогом постройки мифической «железной дороги» в Сахаре, «ссуды султану Марокко» или «займа генерал-губернаторству Алжира». Такие «нейтральные» страны, как франкистская Испания и Швейцария, были также использованы в качестве перевалочных пунктов для этих перевозок. Наконец, во многих случаях гитлеровские власти сами поощряли эти переводы капиталов. В донесении американской шпионской службы «ОСС» от 15 ноября 1943 года говорится о «нескольких миллиардах франков», переправленных в Северную Африку «с особого разрешения немецких властей». Эта сумма состояла из прибылей, полученных французскими промышленниками от продажи Гитлеру стратегического сырья.

Само собой разумеется, что американская миссия не участвовала открыто в этих махинациях. Мэрфи использовал свои солидные связи среди «200 семейств» для создания целой сети секретных агентов, которые работали на него внутри высшей вишийской администрации. В Алжире переправкой фондов в Америку занимался директор гражданского кабинета главнокомандующего, некий дипломат по имени Тарбэ де Сент-Ардуэн. В Марокко те же функции осуществлялись генеральным секретарем Моником и его сотрудниками Леоном Маршалем и Пьером Шарпантье. В Швейцарии и Испании орудовали петэновские финансовые атташе Дюмулэн де ля Вартет и де Риуст де Ларжантей. В Виши действовала целая бригада: директор управления внешних финансов Морис Кув де Мюрвиль, директора в министерстве по экономическим делам Эрве Альфан, Леруа-Болье и Руэфф. Во главе их стоял вишийский «министр внутренних дел» Пьер Пюше, палач штаббрианских заложников, депутата Катла, философа Политцера и многих других

патриотов, который пролил столько французской крови, что даже защита янки была бессильна спасти его от расстрела в марте 1944 года в Алжире, куда Мэрфи вызвал его для продолжения своих операций.

В хорошо информированных кругах в Виши ходили слухи о том, что назначение некоторых из этих людей, в частности Кув де Мюрвиля, Леруа-Болье и Пюше, произошло в результате нажима американского посольства на Петэна. Отсюда можно заключить, что Леги и Мэрфи несут свою долю ответственности за массовое уничтожение патриотов Франции.

Уместно также напомнить, что незадолго до высадки десанта в Северной Африке Пюше отправился в Женеву для необычайных переговоров с послом Геринга — трейдером, которые проливают свет на некоторые темные стороны войны на Западе. Речь шла о том, чтобы под эгидой «Банка международных расчетов» организовать в крупном масштабе совместный вывоз французских и немецких капиталов в Америку через Северную Африку и Латинскую Америку. Убийца шатобрианских заложников был уполномочен банкирами Соединенных Штатов Америки расширить операции по захвату европейской экономики вплоть до гитлеровских монополий, которые, чувствуя свое поражение, искали выхода...

Когда генерал Эйзенхауэр в ноябре 1942 года обосновался в Алжире, процесс ассимиляции крупного французского капитала в Америке был уже так хорошо организован, что разрыв между Виши и Вашингтоном ни на секунду не замедлил операций. Уже давно Жак Лемэгр — Дюбрейль («Генеральное общество нефтяных масел» и «Общество промышленного кредита» в Нанси) состоял в качестве связного при Мэрфи в Северной Африке. Когда совершилась высадка, то еще более значительные эмиссары «200 семейств» не замедлили прибыть в штабквартиру янки, в частности Шнейдер и де Пейеримхоф из «Комите де форж», Рене Мейер из банка Ротшильда. И в самой Франции продолжался вывоз капитала в Америку.

И когда пришел час освобождения, то оставалось дать лишь последний толчок, чтобы французская финансовая знать окончательно подпала под власть американских монополий. Этот толчок был дан самим освобожде-

нием: французские банкиры отдались с руками и с ногами банкирам США, чтобы не быть погребенными под обломками коллаборационизма. В момент, когда де Голль ушел от власти, наиболее знаменитые группировки французской олигархии были не чем иным, как придатками крупных нью-йоркских монополий. В руках Рокфеллера был Парижско-Нидерландский банк, в руках «Стандарт ойл» — французская нефтяная компания, а у Моргана были сразу Шнейдер, де Вандель и Ротшильд...

Таким образом, предательство, начатое в июне 1940 года, развивалось с неумолимой логической последовательностью. Для того чтобы спасти себя, «200 семейств» бросили Францию и ее народ сперва Гитлеру, а потом шакалам Нью-Йорка. Сами же они, эти предатели, остались на положении лакеев, которым дозволялось допить на кухне оставшееся на дне бутылки вино или докурить сигару, брошенную хозяевами, пока новый звонок не вызовет их почистить ботинки или подать виски.

4. Захват американцами французских территорий

Июньская катастрофа 1940 года открыла также широкие перспективы для захвата американцами французских заморских владений. Проникновение на более близкие территории — Гвиану и Антильские острова — было организовано «втихую», при полном послушании вишійских губернаторов, в особенности адмирала Робера на Мартинике. Это была добыча, которую даже не торопились захватывать, так как американцы были уверены, что она не ускользнет. Вот почему основные усилия были направлены на наиболее отдаленные земли Северной Африки, поскольку на них зарились соседние конкуренты: франкистская Испания, Италия Муссолини, гитлеровская Германия и черчиллевская Великобритания.

Эта задача была поручена опять-таки Мэрфи. Вскоре после обоснования посольства Леги в Виши в декабре 1940 года Мэрфи отправился в разведывательное турне по Северной Африке, чтобы встретиться со своими агентами, а именно — с главнокомандующим Вейганом и Тарбэ де Сент-Ардуэном в Алжире, Моником, Леоном Маршалем и Пьером Шарпантье в Рабате. По возвращении в Виши в январе 1941 года Мэрфи составил отчет,

чтобы получить от государственного департамента свободу действий. Добившись этого, он снова выехал в Алжир, где через восемь дней подписал с Вейганом ряд экономических соглашений, закладывающих базу для колонизации Северной Африки Соединенными Штатами.

Под предлогом «помощи» эти соглашения предусматривали:

Во-первых, превращение страны в импортера исключительно американских товаров (нефть, уголь, гудрон, сахар, бумажная материя, табак, чай и др.), неспособных содействовать экономическому развитию страны.

Во-вторых, введение на всей территории солидного контингента «контролеров» государственного департамента, уполномоченных следить за распределением ввозимых продуктов; фактически тогда впервые создавалась администрация янки.

В-третьих, систематическую пропаганду среди туземцев, состоявшую, по выражению одного из «контролеров» — Пендара, в том, чтобы «произвести глубокое впечатление на арабов и на бедных французов», а также завоевать для Америки «больше дружбы и авторитета».

В сущности это было первым воплощением «плана Маршалла» еще за шесть лет до его появления.

Вступление США в войну после налета японцев на Пирл Харбор в декабре 1941 года позволило еще больше развить эту операцию под лживой завесой «военных необходимостей», которыми генерал Эйзенхауэр так умело злоупотреблял. После высадки десанта в Северной Африке в 1942 году были заключены соглашения Дарлана-Кларка, которые разделили страну на военные губернаторства, зависящие от американского штаба, и предусматривали вывод из-под французского контроля всякого района, где могут возникнуть «волнения». В Дакаре, на Антильских островах, в Гвиане и почти во всех пунктах французской колониальной территории были созданы американские базы. Проникновение в континентальную Африку было систематически организовано.

Когда, наконец, пробил час открытия второго фронта, американские банкиры приняли все меры, чтобы захватить такие же позиции и в самой Франции. Договор, на который по этому поводу согласился де Голль весной 1944 года, был настолько кабальным, что его даже

никогда не осмелились опубликовать полностью. Но французское население могло себе отдать точный отчет о некоторых его пунктах, так как на французской территории появились настоящие «концессии» для американских войск, такие же, как и в прежнем Китае. Тем самым американские военные ускользали от французского правосудия, даже если совершали преступления против французов. Короче говоря, договор предусматривал создание оккупационного статута для Франции. Для тех же, кто, подобно мне, увидел Париж только в 1946 году, после того, как я провел восемь лет в свободной стране, первое впечатление было поистине ужасным и оскорбительным.

Конечно, это еще не было полным захватом Франции, о котором мечтали американские банкиры. Дипломатическая помощь, которую оказывал нам СССР, заставила господ из Вашингтона отказаться от немедленной замены гитлеровского рабства американским. И мы могли бы вежливо спровадить домой новых оккупантов. Да, мы могли это сделать, если бы Францией управляли французы-патриоты, а не американские агенты.

5. Захват государственного аппарата

Успех этой операции грабежа доказывает, что американский империализм располагал во Франции серьезным контингентом надежных агентов среди высшей как деголлевской, так и вишистской администрации. В Вашингтоне и Нью-Йорке поняли, какие гигантские перспективы открывает падение Франции для вербовки агентов в «пятую проамериканскую колонну» среди высших кадров государственного аппарата. Эта вербовочная деятельность становилась одним из основных занятий американских дипломатических постов при Петэне в Лондоне, в Алжире, Вашингтоне и везде в мире, где только было возможно устанавливать контакт с французскими чиновниками любого ранга.

Представление о позициях американского империализма, завоеванных таким образом в кругах высшей французской администрации, можно составить себе, исходя из того факта, что два лица, последовательно сменявшие друг друга во Французском банке после освобож-

дения, были в прошлом подчиненными Мэрфи в области финансовых дел: Моник и Баумгартнер. Поиски среди наиболее прогневших элементов крупной буржуазии неминуемо приводили эмиссаров Вашингтона к тому же стоку нечистот, что и гитлеровских вербовщиков. Следует лишь отметить необычайный размах операции: «пятая колонна» янки во Франции, уже существовавшая к моменту отставки де Голля, далеко превышала «пятую колонну», созданную Гитлером до 1940 года.

Положение с французской армией является достаточно характерным. С 1940 по 1946 год наши штабы были полностью в руках американских агентов. Выше мы приводили пример с Вейганом, агентом-двойником (немецким и американским), вырванным у «Интеллидженс сервис». Известна роль марионеток государственного департамента, которую выполняли Дарлан и Жиро.

Известно также, что высадка десанта в Северной Африке повлекла за собой вербовку ряда французских генералов, занимающих и сейчас видные места во французской армии: Бетуара, Ревера, Маста, Жюэна и проч. Короче говоря, кадры наемников со звездами и дубовыми листьями, получившие задание снабжать французским пушечным мясом «атлантическую» бойню, создавались не вчера. Их начали формировать еще десять лет тому назад. И изменники в мундирах, которыми располагали немецкие фашисты во время войны во Франции, были лишь очень мелкой сошкой по сравнению с новой американской сетью.

Положение во французском дипломатическом корпусе является еще более показательным: проникновение в него американских агентов выходит за рамки всякой вероятности.

Пользуясь излюбленной формулировкой либеральных экономистов, можно сказать, что в 1940 году французский дипкорпус был одним из государственных организмов, где предложение полностью удовлетворяло спрос американских вербовщиков. Это происходило потому, что такие типы, как Буллит, уже тщательно обработали эту среду благодаря своим деловым связям с группой высших чиновников, объединившихся вокруг Боннэ. Но были также и причины «психологического» порядка. Перейдя

без колебаний на службу изменника Петэна, поскольку там был их сборный пункт, французские дипломаты начали испытывать все возрастающее беспокойство уже с первого момента своей измены. Эти господа достаточно разбирались в международном положении, чтобы судить о том, что конечная победа Гитлера более чем проблематична. Поэтому они искали себе запасной выход, на случай поражения Гитлера.

Это не ускользнуло от внимания американских секретных служб. К тому же эмиссарам американской разведки опасаться было совершенно нечего, так как официально они считались «друзьями». Они ловко использовали этот страх перед будущим дипломатов из Виши, просили их как можно осторожней сообщать в Вашингтон имеющиеся у них сведения или же при случае сделать тот или иной демарш, абсолютно не грозящий опасностью. Словом, их потихоньку толкали на путь шпионажа в пользу Америки, что очень быстро делало из них простых рабов секретной американской службы.

Все труды, опубликованные в США, единодушно расхваливают «ценные услуги», оказанные вишистскими дипломатами своим заатлантическим хозяевам. А Ланджер в своей книге без стеснения называет вещи своими именами: «Большое количество главных чиновников министерства иностранных дел, — пишет он, — активно сотрудничали с нами». Это объяснение является большой находкой. Итак, они «сотрудничали» с американцами точно так же, как с гитлеровцами.

Включение этих рекрутов в дипкорпус освобожденной Франции произошло по трем этапам.

В первые месяцы после высадки в Северной Африке началась настоящая эпидемия «присоединения к союзному делу» среди дипломатов Кэ д'Орсэ, служивших Петэну, таких, как: Сен-Кантэн, Пейрутон, Оппено, Сент-Ардуэн, Шовель, Маршаль, Шатеньо, Байлен, Ардьон, Лабонн и пр. Такая одновременность действий говорила о приказе «свыше». Это государственный департамент США старался перебросить из Виши в Алжир людей, попавших в его сети, чтобы создать там основные кадры для администрации иностранных дел Комитета национального освобождения Франции.

Но государственный департамент США, однако, не перебросил в Алжир всех своих агентов. По его приказу многие еще оставались на дипломатической службе в Виши или ушли в отставку. И только после освобождения Франции они присоединились к «новому» Кэ д'Орсэ. Так, например, было с дипломатами де Шарбоньер, Шарпантье, Кулондром, Ноэлем, Наджияром, Шарль-Ру и единственной женщиной — дипломатом некоей Сюзи Борель, которую Джефферсон Кэффери в 1948 году наградила за «особые заслуги», оказанные во время войны. Для большей безопасности государственный департамент поручил именно этой группе провести «чистку» Кэ д'Орсэ. Таким образом, он обеспечил себя тем, что новый дипломатический корпус Франции был составлен из агентов Соединенных Штатов Америки.

Благодаря этому в августе 1944 года Франция получила министерство иностранных дел, почти полностью находящееся в руках Америки. Но американцы, однако, не удовлетворились этим. Они потребовали назначения на четыре ключевых дипломатических поста своих верных агентов, которые проводили бы политику Вашингтона. В политическое управление был назначен Кув де Мюрвиль *, в экономическое — Эрве Альфан, французским послом в США — Анри Боннэ и постоянным представителем в Организацию Объединенных наций — Александр Пароди. В феврале 1949 года последний был назначен в генеральный секретариат Кэ д'Орсэ вместо Шовеля, который сохранил тайные связи с Англией, а это считалось нетерпимым для агента государственного департамента. Очевидно, у подлости тоже есть своя мораль!

* В январе 1950 года Кув де Мюрвиль сменил свой пост в политическом управлении на пост посла... в Египте!

Это, конечно, — не продвижение. Но ведь не было продвижения и в том случае, когда в 1949 году Мэрфи покинул свой пост в Берлине и стал послом США в Брюсселе. Показательным является тот факт, что эта полунемилость отразилась на карьере парижских агентов Мэрфи. Это — яркое подтверждение полного подчинения французской администрации «синьорам» из Вашингтона. Ссоры между гангстерами, приводящие к немилости того или иного «босса» из госдепартамента, немедленно влекут за собой «преследование» высших французских чиновников, находившихся на службе у разжалованного, и их замену приближенными другого гангстера, сменившего его.

Первые цепи, связывающие наиболее важных чиновников Кэ д'Орсэ с государственным департаментом, превратили дипломатический корпус Франции в придаток огромной американской машины, предназначенной для порабощения Франции. Это единственный случай в истории великой державы: наша дипломатия полностью оказалась на службе другой, враждебной нам дипломатии.

6. Американская партия во Франции

В то же время шла вербовочная кампания и в политических кругах.

Сначала Леги и Мэрфи копались среди вишистских отбросов. Квислингов там можно было огребать лопатами. Было подобрано большинство петэновских министров — Пюше, Фландэн, Ленде, Бодуэн, Лагардель, Ибарнегарэ и пр. во главе с самим Петэном. Потом Мэрфи превратил Алжир в настоящий музей политических развалин. Самым замечательным экспонатом, наряду с Пюше и Пейрутоном, был граф Парижский — «претендент на французский трон». После того, как он последовательно предлагал свои услуги Черчиллю, де Голлю и Лавалю, этот архаический персонаж встретил у представителя Вашингтона самый теплый и многообещающий прием. Мэрфи чуть было не провозгласил его «французским королем» в декабре 1942 года, когда Дарлан был убит друзьями кандидата в монархи.

Но приезд в Париж американского посла Джефферсона Кэффери, у которого был большой опыт по закупке совести, приобретенный на предыдущих постах, заставил государственный департамент США принять его более «реалистические» концепции. И метод вербовки, производимой исключительно в крайне реакционных кругах, был заменен более классическим процессом, состоящим в вербовке «надежных» агентов во всех доступных политических партиях.

Со стороны традиционных правых партий — обычного бастиона крупных банков — пути были проложены благодаря переходу французского финансового капитала в банки Нью-Йорка. Ни Рейно, ни Печу не надо было повторять имени их хозяев. Американский посол ограничился лишь перегруппировкой сил, финансируя

в конце 1945 года новое движение: П. Р. Л. («республиканская партия свободы»). Кэффери рассчитывал, что она не замедлит стать французским эквивалентом «республиканской партии» янки, название которой он использовал, чтобы окрестить свое детище. Но это был вишистский сброд, очень быстро дискредитировавший себя.

Радикальная партия тоже открыла американцам широкие возможности. У нее были давние связи с американскими банками. Об этом, в частности, свидетельствует карьера Жоржа Боннэ, лидера этой партии. Кроме того, много радикалов — членов парламента — были скомпрометированы финансовыми скандалами «Третьей республики», и таких людей не трудно было шантажировать. Так началась американская карьера господ Кэя, Бастида, Дельбоса и пр. И, наконец, тот факт, что Рене Мейер стал членом этой партии, окончательно подтверждает, что радикальная партия превратилась в послушное орудие государственного департамента США.

Одновременно Джефферсон Кэффери одержал «победу», прибрав к рукам лидеров социалистической партии. Полицейские картотеки, собранные секретными службами Америки, показали американскому послу во Франции, что социалисты были так же чувствительны к денежной приманке, как любой буржуазный политикан, и более чем кто-либо подвержены угрозам шантажа. По настоянию Кэффери были умножены уже существующие связи между американскими фирмами и социалистическими лидерами вроде Андре Филипа, Андре ле Трокера, Леона Блюма и Жюля Мока. Последний, начиная с 1945 года, под покровительством «Стандарт ойл» стал даже «специалистом» по нефтяным делам. Одновременно этим политиканам дали понять, что на них имеется материал, достаточный для того, чтобы испортить им политическую карьеру, в частности подробности секретных переговоров с гитлеровскими оккупационными властями, которые от имени правых социалистов вел Поль Рамадье. Речь тогда шла о создании квислинговского «социалистического» правительства в Виши вместо петэновского. Словом, у американского посла в Париже были все основания не церемониться с лидерами социалистической партии. К тому же они сами лезли в американские сети.

И, наконец, особой заботой американские гаулейтеры окружили католическую партию МРП, которая была главной опорой де Голля. Как и все партии «христианско-демократического» типа, МРП была детищем эмиссаров Ватикана во Франции и поэтому полностью находилась в его подчинении. Но так как Ватикан в свою очередь стал послушным орудием американских монополий, то верность МРП государственному департаменту была обеспечена.

Таким образом, то, что новый министр иностранных дел Жорж Бидо принадлежал к МРП, было первостепенным козырем для Вашингтона. Действительно, нельзя было питать никаких иллюзий относительно свободы действий этого небольшого человека с блуждающим взглядом, постоянно находящегося в состоянии полупьянения, все жалкое ничтожество которого выявилось во время московских переговоров в декабре 1944 года. Многочисленные биографы представляли Бидо в виде героя, внезапно вынырнувшего из небытия... Но для тех, кто поинтересовался прошлым Бидо, за красивой легендой, предназначенной для обмана общественного мнения, открылась весьма непривлекательная фигура. Уже с детства церковь взялась за его воспитание в одном из монастырей близ Турина. Позднее она заставила его сотрудничать за кулисами в деле подготовки известных «латеранских соглашений» в 1929 году, при помощи которых Ватикан заложил основы своей союзнической политики с фашизмом. Затем он был поставлен во главе газеты «Л'Об», созданной для обмана верующих, которым претил профашистская политика Ватикана. Та же церковь ввела Бидо в круги сопротивления. Это был просто секретный агент ватиканской дипломатии. И по некоторым несомненным признакам — по монастырю, где он учился, по газете «Л'Об» и миссии фальшивого «прогрессивного человека», которую ему доверили, — можно даже определить, что он принадлежал к службе доминиканцев.

Однако тот факт, что ниточки от этой марионетки находились в руках иностранной канцелярии, пусть даже послушной канцелярии Ватикана, не удовлетворял государственный департамент США. Человек, занимавший такой пост, имел слишком большое значение для государственного департамента, чтобы можно было удовле-

твориться такими косвенными связями. По внушению Джефферсона Кэффери в 1945 году была установлена прямая связь — Бидо оказался связанным с Вашингтоном прочной цепью. В то же время светские журналы Парижа опубликовали восторженные дифирамбы по случаю бракосочетания Бидо с женщиной — дипломатом из министерства иностранных дел, причем это даже расценивали, как «историческое событие». Может быть, это так и было, но только совсем не в том смысле, как это понимали безмозглые хроникеры. Это было историческим событием потому, что впервые в истории Франции министр иностранных дел так тесно связал себя с американской разведкой. Женой Бидо стала не кто иная, как Сюзи Борель, имя которой мы уже упоминали среди наиболее преданных агентов государственного департамента США. Брак Бидо выходил далеко за рамки частной жизни. Это была операция, задуманная в Вашингтоне, чтобы всецело передать французского министра иностранных дел в руки американской дипломатии.

Американская клика Кэ д'Орсэ не сделала к тому же ничего, чтобы скрыть значение этого события. Мне лично открыл глаза один из бесспорных американских агентов французской дипломатии Пьер Шарпантье. Вначале он считал Бидо чуть ли не дураком и рассказывал о нем самые ядовитые анекдоты. Но осенью 1945 года Шарпантье сказал мне: «Бидо поумнел: брак с Сюзи принес ему много пользы. Теперь он уже полностью наш и будет делать все, что нужно...» Другими словами, государственный департамент Америки стал окончательно хозяином внешней политики Франции!

Выражение «американская партия», означающее совокупность политических деятелей всех партий, послушных указаниям Вашингтона, появилось только во второй половине 1947 года, так как только в этот момент эти люди сбросили свои маски. Но такая «партия» потенциально существовала уже давно, так как внутри каждой группировки Вашингтон уже имел своих агентов, готовых по первому сигналу своих хозяев мобилизовать соединение, к которому они были приписаны.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПОДГОТОВКА К ПОВОРОТУ В 1947 ГОДУ

1. Основные черты американского маневра

Приблизительно через 6 недель после отставки де Голля, после речи Черчилля в Фултоне, этого открытого призыва к войне, американский империализм вступил в решающий этап. Он перешел к открытому проведению антисоветской политики.

Для более успешного достижения своих целей государственный департамент решил превратить Францию в своего полного сателлита. Надо было, прежде всего, устранить два препятствия. Первым был франко-советский союз, благодаря которому Франция могла еще играть роль независимой великой державы. А вторым — присутствие во французском правительстве настоящих патриотов, министров-коммунистов — членов единственной партии, в которую не сумели проникнуть американские разведывательные службы. Было ясно, что эти министры ни за что не допустят порабощения Франции.

Таким образом, надо было совершить двойной поворот: в области международных отношений Франции и в ее внутренней политике. С этой целью были мобилизованы две группы французских секретных агентов, в поддержке которых Америка смогла убедиться в предыдущие годы, из политического и дипломатического персонала.

2. Агенты из политического мира

Французским агентам из политического персонала было поручено задание в основном внутреннего порядка. Какова бы ни была воля, выраженная всеобщими выборами (на двух выборах 1946 года коммунистическая партия получила еще большее число голосов), они должны

были подготовить парламент к тому, чтобы быть послушным исполнителем воли и интересов государственного департамента США.

Для подобной операции по совету Джефферсона Кэффери были избраны лидеры социалистической партии. Он думал, что переворот будет менее скандальным в глазах французского общественного мнения, если ответственными за него будут «левые». К тому же Блюм и его шайка были связаны с государственным департаментом США неразрывной цепью...

В мае 1946 года Блюм был послан с «экономической миссией» в Вашингтон. Всем известно соглашение, которое он подписал с американским правительством, явившееся базой экономического порабощения Франции заатлантическими магнатами. Но каким бы позорным оно ни было для ведущего переговоры, это соглашение являлось лишь фасадом. А главное заключалось в тех переговорах без свидетелей, которые вел лидер социалистической партии с Трумэном, Бирнсом и с высокопоставленными чиновниками государственного департамента и Белого дома. Там обсуждались главные направления внутренней политики, проведение которой было поручено Блюму. Как и во всех подозрительных операциях, шефу партии социалистов заплатили аванс за его измену. Фирме «Испано-Суиза», одним из директоров которой был сын Блюма, отпустили кредит в размере 2 500 000 долларов для изготовления моторов «Геркулес», предназначенных для грузовиков «Форд».

Шесть месяцев спустя Блюм стал премьер-министром. Это был первый американский кабинет в освобожденной Франции. И с помощью Блюма и ему подобных с конца 1946 года Вашингтон начал по своему усмотрению фабриковать правительственные кабинеты во Франции. Таким образом, в политической жизни Франции стал проводиться новый американский метод действий. Такой же, как, например, в Чили или в монархо-фашистской Греции.

3. Агенты из дипломатического мира

Задание, порученное французским агентам из дипломатического мира, по своим результатам было менее заметно, но так же важно. Нужно было подготовить разрыв

франко-советского договора, не забывая, что этот разрыв будет лишь одним этапом на пути к будущей агрессивной войне. Для достижения этой цели агенты должны были пользоваться теми же методами, которые на Кэ д'Орсэ практиковали в период между двумя мировыми войнами: дезинформацией, фальшивками и провокациями. От американских агентов не ждали какого-то особого богатства воображения, их даже не заставляли выдумывать. Во всех этих делах они должны были находиться в постоянном контакте с чиновниками государственного департамента, которые подсказывали им все, что от них требовалось.

Так как Вашингтон имел во французском дипломатическом корпусе много подчиненных, то в эту антифранцузскую деятельность включились все дипломатические посты. И результаты порой переходили границы гротеска. В частности, мне вспоминается случай с французским консулом в Исландии, который написал подробное донесение о повседневной жизни своего нового советского коллеги, выразив при этом сожаление, что он не смог «следить» за ним во время воскресных прогулок и «вызвать на откровенность» его секретаршу; очевидно, бедному парню было поручено написать что-нибудь об СССР, и он сделал все, что мог. Аналогичный случай был с нашим морским аташе в Хельсинки, неким Бьенэме, который примерно в это же время сочинял целые страницы о мифических «русских реактивных самолетах-снарядах», якобы «выпущенных из Свинемюндэ в направлении Лапландии», «со специальным бумерангом, чтобы вернуться и приземлиться в Лепайе»! Все эти люди не были безграмотными глупцами. Они знали настоящую цену той чепухе, которую писали, и даже знали, что в Париже никто не верил этим басням. Но ведь нужно же было во что бы то ни стало пачкать бумагу, чтобы в Кэ д'Орсэ папки с заглавием «Россия» раздувались от лживых измышлений.

Деятельность французских дипломатов в Вашингтоне была на том же уровне. В течение всего 1946 года наш посол в Америке осаждал министерство иностранных дел Франции телеграммами и донесениями о мнимом «внутреннем кризисе СССР», ввиду которого Советский Союз встретился с такими «экономическими затруднениями» и такой «оппозицией внутри правительства» (дословно!), что

его «слабость» должна была неизбежно привести к «уступкам американским требованиям». Как правило, подобная галиматья изображалась как результат «конфиденциальных сообщений, полученных государственным департаментом» от американского посла в Москве.

Любопытно, что все эти idiotские выдумки точь-в-точь похожи на те, которые в это же время публиковались в Америке за подписью дезертира и изменника Кравченко. Это является лишним указанием на действительного автора грязной книжонки Кравченко: ее состряпали в американской разведке. Французский посол Анри Боннэ, не колеблясь, становился даже агентом по распространению вышеуказанной чепухи. В частности, он несколько раз посылал на Кэ д'Орсэ выдержки из статей, подписанные проходимцем Кравченко, усиленно рекомендуя прочитать их; одно такое послание от 3 октября 1946 года за № 1828 было даже переслано в Москву. Количество и объем подобных сообщений непрерывно увеличивались. А перед Московским совещанием министров иностранных дел они достигли размеров целых брошюр, содержащих антисоветские клеветнические измышления.

Некоторые коллеги в Москве не могли скрыть своего недоумения, так как французское посольство в Вашингтоне вовсе не должно было заниматься положением в СССР, да еще таким глупым образом. Но пришлось примириться с действительностью. Анри Боннэ был лишь исполнителем приказов, которые он получал из государственного департамента. А эти приказы были направлены на то, чтобы наводнить Кэ д'Орсэ измышлениями, «доказывающими», что Франция должна порвать с союзником, находящимся в «таком дурном положении», как СССР. И поскольку американские шпионы имели все возможности проверять посольскую корреспонденцию, посол Франции в Вашингтоне вынужден был разыгрывать дурачка.

В том же направлении протекала и деятельность нашего политического советника в Берлине.

Понятно, что для Америки этот пост являлся очень важным. Франко-советский союз был основан главным образом на общности интересов Франции и СССР в германском вопросе, и, чтобы разорвать этот союз, нужно было непременно сделать так, чтобы эта общность интересов была забыта. Кроме того, Германия играла первен-

ствующую роль в американских планах третьей мировой войны. Во что бы то ни стало нужно было добиться сближения Франции с агрессивной, а не демократической Германией. Государственный департамент США добился назначения французским политическим советником в Берлине агента Мэрфи — Тарбэ де Сент-Ардуэна. А так как сам Мэрфи занимал должность политического советника США в Германии, то можно было быть вполне уверенным, что советник Франции будет ему послушным пуделем. (Попутно заметим, что Тарбэ де Сент-Ардуэн был отстранен от этой должности в 1949 году, как раз в тот момент, когда Мэрфи был переведен из Берлина на другой пост!)

В чем же заключалась деятельность де Сент-Ардуэна в Берлине?

Прежде всего, она состояла в том, чтобы сообщать на Кэ д'Орсэ все лживые измышления об СССР, которые собирались в среде нацистов или ультрареакционно настроенных немцев. По обычаю Кэ д'Орсэ, советник никогда не указывал источник, ограничиваясь тем, что писал о «высокопоставленных информаторах». Но ни для кого не было тайной, что среди таких «информаторов» фигурировали крупные гитлеровские сановники, как, например, бывший вице-министр иностранных дел Вейцзекер. Можно себе представить, что могли ему сообщить подобные личности! Однажды мне представился случай довольно основательно ознакомиться с корреспонденцией де Сент-Ардуэна за 1946 год. Там была вся антисоветская клевета, опубликованная в «Эпок», «Фигаро», «Попюлер» и «Монд» — все лживые сообщения о «скором возвращении» Германии западных польских земель «по приказу Москвы», все воображаемые «планы скорого создания Восточно-германской советской республики», все провокационные слухи «о перевооружении Германии Советским Союзом» и, конечно, каждую неделю — сообщение о том, что «в конце месяца создается правительство фон Паулюса!» Там встречались такие невообразимые вещи, которые даже сам Херст постыдился бы напечатать. Например, ошеломляющая депеша, в которой говорилось, что один «эmissар Вейцзекера» попытался «предостеречь» Сент-Ардуэна против тех «симпатий», которые якобы может вызвать «идея советизации Германии» в «кругах германского хорошего общества»!

Но за всем нагромождением этой чепухи можно было ясно различить две основные идеи, со всей очевидностью доказывающие, что пером бедняжки Сент-Ардуэна водила крепкая рука Мэрфи. Во-первых, что Франция для защиты своей безопасности не должна ничего ожидать от Советского Союза. И, во-вторых, что единственными и настоящими друзьями Франции являются «добрые немцы» вроде герр фон Вейцекера. Фашистские реваншисты создавали интриги с целью восстановления агрессивной милитаристической Германии. Это было развитием маневра под названием «разрыв с Востоком», проведение в жизнь которого Вашингтон поручил своим агентам на Кэ д'Орсэ.

Так было и во время «странной войны», когда предатели из «Франко-германского комитета», французские фашисты, как де Бринон и все великосветские попугаи, твердили: «Лучше Гитлер, чем коммунизм!» Все это сборище уже однажды с известным результатом проводило такую же работу, что и службы политического советника в Берлине в 1946 году. Как тогда, так и теперь, они делают это потому, что являются фашистами, или потому, что боятся за свои капиталы в банке, или потому, что герр Вейцекер тогда и мистер Мэрфи теперь платит им за это подчинение разведывательной службе иностранной державы. .

4. Роль французского посольства в Москве

В привлечении французских дипломатов на службу государственному департаменту США французское посольство в Москве занимало самое первое место. Это был самый удобный пост для массовой фабрикации антисоветской клеветы, которую можно представить, как «неопровержимую». И в то же время только французским дипломатам в Москве можно было поручить подготовку провокационных актов, могущих действительно саботировать или подорвать отношения между Францией и СССР. Поэтому вскоре после подписания франко-советского пакта государственный департамент добился назначения первым помощником Катру («министром-советником») своего самого надежного агента — посланника 2-го класса Пьера Шарпантье.

На первый взгляд казалось, что это самый неподходящий человек для такой трудной роли. Этот высокий человек с покатыми плечами и голым как колено черепом, которого красные оттопыренные уши делали похожим на клоуна, имел с самого начала «карьеры» прочную репутацию глупца, и об этом было известно на Кэ д'Орсэ. Но внешнее впечатление было ложным. У этого человека было настоящее призвание к гнусным и запутанным интригам. И он мог бы в этой области стать автором настоящих шедевров, если бы у него не было двух природных недостатков: на редкость смятенный ум и полнейшее отсутствие хладнокровия. Почти всегда кончалось тем, что он сам выдавал свои тайно задуманные комбинации. Иногда это случалось потому, что он сам терялся, но очень часто потому, что при виде результата своих махинаций его охватывала паника, и он испытывал страшную необходимость излить свои страхи первому встречному...

Но назначая Шарпантье в Москву, американские хозяева и их французские лакеи вовсе не руководствовались психологическими соображениями

Прежде всего, это был человек, связанный с монополиями. Его отец Жан Шарль был администратором доброй дюжины таких солидных акционерных обществ, как «Сосьетэ женераль», «Ля компани женераль де колони», трест химической промышленности «Эр ликид». Его жена Мария-Виктория—дочь бывшего посла в Москве Шарля Альфана, агента «Комите де форж», о котором мы уже упоминали.

Во все эти тресты настолько глубоко внедрились американские банки, что не только Шарпантье представлял интересы французских трестов, но они в свою очередь являлись связующим звеном между государственным департаментом и министерством иностранных дел Франции; и по их воле этого субъекта послали в Москву. Ибо Шарпантье давно приобрел репутацию тайного агента Вашингтона, и это было известно на Кэ д'Орсэ еще до капитуляции 1940 года. Один мой коллега, потерявший его из виду еще в начале войны, предупредил меня об этой особенности, как только нам сообщили о скором прибытии такого «подкрепления». Еще во время своего первого пребывания в Москве в 1935 году он привлекал внимание подо-

зрительной близостью с Буллитом и его агентами, а именно с Кеннаном, который тогда еще только начинал свою карьеру. Последующая поездка в США еще более укрепила эту связь. Деятельность Шарпантье в кабинете Жоржа Боннэ в 1938 году* в то время, когда Буллит был послом в Париже, еще более сблизила их. И эти связи стали неразрывными, когда министерство иностранных дел Петэна послало Шарпантье в 1940 году в Марокко, как раз в то время, когда Мэрфи выполнял известное нам задание, касающееся французских дипломатов, которые там находились.

Таким образом, Шарпантье служил одновременно двум хозяевам, подчинявшимся один другому, но Франция, которая оплачивала его, не была ни одним из них. Все связующие нити сходились в Вашингтоне.

Приехав в Москву, Шарпантье начал так открыто действовать, как будто бы старался оправдать свою репутацию. Он сейчас же наладил связь со своим старым знакомым американским советником Кеннаном. Это были отношения слуги и господина: Шарпантье почти каждый день приходил к нему с визитом, а когда предмет разговора не казался ему настолько секретным, то он звонил ему по телефону, причем разговоры длились бесконечно; то он сообщал, что ему удалось узнать, то спрашивал совета относительно заданий, порученных ему с Кэ д'Орсэ, то инструкторивался или сообщал, что данное поручение выполнено. А когда спустя некоторое время Кеннана перевели в Вашингтон, то Шарпантье установил такую же связь со сменившим его Дюрброу, который никогда ни упускал случая подчеркнуть, какой характер косили отношения между ним и министром-советником французского посольства в Москве: на дипломатических приемах, когда Шарпантье спешил смиренно приветствовать своего «босса», Дюрброу хлопал его по животу, а тот расплывался в блаженной улыбке.

Мэрфи, который посоветовал государственному департаменту назначить Шарпантье в Москву, решил лично про-

* Следует заметить, что его шурином Эрве Альфан также служил в кабинете Жоржа Боннэ, когда тот был министром финансов в 1935 г. Все эти люди связаны между собой и с Америкой таким количеством нитей, что стоит только разоблачить одного из них, как вслед за ним всплывают все остальные.

верить на месте его работу. Летом 1945 года он приехал на несколько дней в Москву, и самый первый визит он нанес своему агенту. Судя по нерадостному выражению лица Шарпантье, когда после продолжительного разговора при закрытых дверях он заискивающе проводил Мэрфи до машины, эмиссар из Вашингтона остался недоволен своей проверкой.

До 1945 года государственный департамент давал Шарпантье лишь второстепенные задания, самым главным из которых было информировать своих «ангелов-хранителей» из американского посольства о секретной деятельности французского посла в Москве.

Только в двух случаях Вашингтон поручил Шарпантье определенные задания. Во-первых, когда надо было наладить связь англо-американских шпионов с первой румынской торговой делегацией, приехавшей в Москву. Он выполнил это поручение самым глупейшим образом. Через жену одного из членов делегации, по происхождению француженку, ему удалось пригласить покататься в своей машине нескольких румын; затем, якобы ввиду поломки, машина остановилась прямо перед английским посольством, и пока исправляли «аварию» он пригласил своих гостей зайти в посольство «выпить». И, во-вторых, когда под техническим руководством американского секретного агента некоего Гудри, «специалиста по нефти», он сочинил обширное донесение. В нем он «доказывал», что советская нефтяная промышленность никогда не будет восстановлена, так как понесла огромные «потери» в войне и теперь «окончательно разрушена». Из этой затеи Шарпантье ничего не вышло.

Оставаясь в самых мелких деталях верным своей роли слуги, с января 1945 года Шарпантье был как бы «на испытании». Американские хозяева натаскивали его на второстепенных делах в ожидании, когда он понадобится для более важных поручений.

5. Первые провокации и их провал

Такой момент наступил после ухода де Голля. Потеряв своего шефа, Катру перестал интересоваться своим посольством в Москве и проводил все время в поездках вне Советского Союза, откуда возвращался лишь для

чистой формальности. Таким образом, Шарпантье был настоящим главой посольства, как временно исполняющий обязанности.

Американское посольство в Москве поручило ему начать подрыв или хотя бы обострение франко-советских отношений. Но это надо было сделать втайне от французского общественного мнения. Для начала ему дали задание, которое получило известность в посольстве под названием «дело о визах».

Указания, переданные государственным департаментом Шарпантье, были в сущности очень просты. Как и подобает стране, серьезно относящейся к союзному договору, Советский Союз создал в Париже многочисленную миссию, в то время как по совершенно противоположным соображениям личный состав французского посольства в Москве был очень малочисленный, и на Кэ д'Орсэ вовсе не намеревались увеличить его персонал. Шарпантье поручили, чтобы он подал мысль в Париж о том, что такое положение вещей не соответствует «принципу взаимности». И поэтому число советских дипломатов во Франции — а соответственно и число виз, выдаваемых Францией, — не должно превышать количества французских дипломатов в СССР. Такое требование должно было «вызвать вспышку».

Французскому поверенному в делах в Москве было трудно официально предупредить свое министерство о том, что такие инструкции он получил из американского посольства и что он должен их выполнить. Предупредив своих друзей из американской клики Кэ д'Орсэ письмами личного характера, посланными с надежными дипломатическими курьерами, Шарпантье принялся усложнять это дело, чтобы замести следы. С этой целью он развернул кампанию лжи «на два фронта». В Москве он старался вызвать па частные разговоры по этому поводу советских служащих, с которыми он встречался, например, на приемах. А в своей официальной переписке с Парижем он выдавал эти частные разговоры за формальные переговоры, якобы ведущиеся по инициативе министерства иностранных дел СССР. После двух месяцев такой игры дело стало до того запутанным, что потребовалось бы настоящее судебное следствие, чтобы через год или два добраться до истины!

Между тем, американское посольство боялось просчитаться: оно полагало, что, оставаясь верным принципу союза и не желая портить отношения со своими французскими союзниками, советское правительство сделает уступку, и все кончится полюбовным соглашением. Тогда Дюрброу надоумил Шарпантье включить в свои «переговоры» дополнительный пункт, от которого могли встать дыбом волосы на голове: потребовать, чтобы каждого француза, получающего визу на въезд в СССР, автоматически обеспечивали квартирой в Москве!

В конце лета 1946 года американцы ввели в это дело еще одну марионетку — Жоржа Бидо. Он заявил, что с этого времени ни одному советскому гражданину не будут выдавать визы на въезд во Францию до тех пор, пока не будут удовлетворены требования Шарпантье.

Разумеется, это был «липовый» ультиматум, так как на Кэ д'Орсэ продолжали выдавать визы. Но с этого времени и поныне эта процедура связана с различного рода трудностями. Господа из Вашингтона одним выстрелом убили двух зайцев. Франко-советские отношения были осложнены, и основанием послужил самый глупый повод. А кроме того, создалась такая обстановка, что государственный департамент мог в любой нужный ему момент еще более обострить эти отношения, заставив Кэ д'Орсэ отказать без объяснений в визе тому или иному советскому гражданину.

В то время, когда разворачивалась эта сложная интрига, американские хозяева Шарпантье не давали ему бездельничать. По их указаниям, например, он заставил Катру в августе месяце заявить протест министерству иностранных дел СССР по поводу кинофильма «Клятва» под предлогом, что там есть места, «обидные» для предателя Жоржа Боннэ, — показательная иллюстрация американских связей всей этой клики!

Но это было лишь прелюдией. А главным козырем явилось «дело Франциска Борнэ».

Вечером 13 сентября 1946 года в помещение второго советника, в то время как Шарпантье ушел обедать в город, ворвался какой-то тип с бородкой, до такой степени походивший на лжесвидетеля, что казался театральным персонажем. Он назвал себя французским гражданином Франциском Борнэ, инженером, только что освобожден-

ным из лагеря заключенных близ Караганды, где он пребывал с начала гитлеровской агрессии против СССР. Но довольно приличная одежда и вообще внешний вид этого человека указывали на то, что ему вовсе нечего жаловаться на тюремный режим, в котором он провел пять лет. Я сказал ему об этом. Он мрачно посмотрел на меня...

Когда на другой день я пришел к себе на службу, то он уже виделся с Шарпантье, и свидетели уверяли меня, что встреча была довольно дружественной. Я не замедлил узнать причину. Борнэ не нашел нужным скрыть от меня, что знаком с поверенным в делах еще с 1935 года. И боясь, что я не пойму сущности их отношений, он поспешил добавить:

— Понимаете, ведь я был французом, очень хорошо знающим Донбасс...

Иначе говоря, он был старым агентом Шарпантье. А так как в 1935 году Шарпантье уже работал в пользу посольства Буллита, тесно связанного с посольством Гитлера, то без дальнейших объяснений становится ясным, почему во время второй мировой войны Борнэ был «спрятан в тени». Вероятно, этот субъект был скомпрометирован в антисоюзнической деятельности. Спустя некоторое время он и сам признался, что в Караганде он сидел в одной камере с гитлеровскими шпионами, захваченными в Иране.

Но французского поверенного в делах не остановили такие «неактуальные» факты. Он незамедлительно отправился в американское посольство, чтобы рассказать там об этом событии и, получив соответствующие инструкции, тотчас же принялся за работу. Борнэ поселился в квартире Шарпантье, вместе с ним завтракал, кроме того, ему отвели один из лучших кабинетов посольства. Он имел право пользоваться всеми секретными досье, которые ему нужны были для составления донесения о «произвольных арестах французских граждан». А Шарпантье начал бомбардировать Бидо телеграммами, требуя «энергичных действий» или, как он говорил своим приближенным, «громкого протеста русским».

Как и всякий раз, когда американские хозяева поручали ему «секретное задание», Шарпантье пребывал в состоянии лихорадочного возбуждения, и в это время он был способен неосторожно проболтаться. И на этот раз

по таким его фразам, как «я бы не удовлетворился извинением», «американцы сказали, что на моем месте они порвали бы отношения», которые он повторял каждому встречному в посольстве, можно было очень легко догадаться о плане маневра. Он заключался в том, чтобы вокруг этого «дела» спровоцировать дипломатический скандал.

Но, к несчастью для государственного департамента, в это время проходили выборы во Франции. Коммунистическая партия получила преобладающее большинство голосов. Момент оказался неподходящим для такой провокации, которую нельзя было скрыть от общественного мнения, как от него скрыли «дело о визах». Американское посольство сообщило Шарпантье, что он должен изменить курс и постараться как-нибудь иначе использовать Борнэ.

Лишенный своего прекрасного кабинета и вкусных завтраков у поверенного в делах, Борнэ был посажен на первый самолет и отправлен во Францию с запиской от Шарпантье: он просил Кэ д'Орсэ поручить Борнэ написать несколько антисоветских клеветнических измышлений для какой-нибудь своей ежедневной газеты. Следовательно, сразу же по приезде в Париж Борнэ направили в «Фигаро». В январе 1947 года после предварительной рекламы измышления Борнэ появились на страницах газеты Франсуа Мориака, а впоследствии были изданы отдельной брошюрой. Шарпантье сам проверял эти статьи и заставил уничтожить то место, где Борнэ описывал гостеприимство, оказанное ему поверенным в делах в Москве. Как Шарпантье мне сказал, он побоялся, что некоторым «щепетильным» коллегам может показаться злоупотреблением допуск к секретным архивам субъекта, которого союзная держава сочла необходимым «изъять из обращения» на время войны.

Видимо, американские интриганы и их слуги терпели нехватку в людях, если такую мелкую сошку, как Борнэ, использовали с таким упорством. Но несмотря на то, что его «произведение» в конце-концов потерпело крах, государственный департамент все же не упустил его из виду. В январе 1949 года он использовал его еще раз как «свидетеля» по делу предателя Кравченко во время процесса с «Леттр франсез». Это появление Борнэ рядом с Крав-

ченко, так же как и участие Шарпантье в «деле Борнэ» и то, что он подвизался на страницах «Фигаро», является поучительным фактом; лучше и нельзя было подчеркнуть, что весь этот сброд появился из шапки-невидимки американской разведки, которая не делала никакого различия между разными категориями своих лакеев.

В конце марта 1946 года в Москву вместо Гарримана прибыл новый посол США, генерал Беделл Смит. Он считался в Вашингтоне специалистом в области шпионажа. Он и начал свою «дипломатическую» деятельность с реорганизации этой наиболее знакомой ему области, которая, по его мнению, велась его подчиненными слишком по-дилетантски. Шарпантье также получил приказ улучшить свою работу. Есть предположение, что он даже получил хорошую головомойку за то, что небрежно относился к этому роду деятельности, так как он несколько раз повторял мне, что Беделл Смит не такой «друг», как его предшественник. И он принялся «улучшать работу».

Из среды служащих посольства он мог бы выбрать несколько подходящих, так как там были атташе, закончившие школу «восточных языков» — заведение, известное как поставщик агентов — специалистов «по русским вопросам». Но он выбрал только одного Ладре де ля Шарьер, которого ради повышения можно было заставить ходить на четвереньках.

Зато подобно большинству англо-саксонских дипломатов Шарпантье начал систематически заниматься «спортом на открытом воздухе». Зимой каждое воскресенье он ездил на лыжные прогулки, а в остальное время года — на охоту или рыбную ловлю, всегда как можно дальше от Москвы. Почти каждый раз благоприятный «случай» давал ему предлог провести ночь в доме какого-нибудь колхозника для того, чтобы записать ответы простых советских людей на его «коварные» вопросы. Он даже подвергал допросам мальчишек, так как «было очень интересно знать, что говорит молодежь».

Но с особым усердием Шарпантье занялся «людским материалом», поставляемым консульством.

Это, прежде всего, были «обломки». В течение 1945 года в СССР тем «ли иным обманным путем» проникло некоторое число авантюристов обоого пола: как жены или мужа репатриантов. Но убедившись, что в

социалистическом государстве нет возможностей для профессиональных сутенеров или проституток, они кончали тем, что осаждали консульство, требуя, чтобы их бесплатно отправили обратно во Францию. Вместо того чтобы поручить разбор этих дел консулу — для того он и существует — Шарпантье решил сам «заняться» этим. Он на длительное время заперся с ними в кабинете и подробно допрашивал обо всем, что они могли наблюдать на советских заводах, где они работали, — о снабжении продуктами, о ценах, о чем думает население. И если субъект представлял интерес, то Шарпантье без колебания приглашал его к себе для продолжения разговора, даже если это был какой-нибудь выходец из притона.

По тем же соображениям, Шарпантье вдруг воспылал страстью к постоянной французской колонии. Каждый раз, когда кто-нибудь из ее членов приходил в посольство для продления паспорта, и если он проживал в месте, представляющем интерес, его немедленно посылали к поверенному в делах, и там происходила та же комедия, что и с «обломками».

Лица, которые казались Шарпантье наиболее способными помогать в его шпионской службе, получали указания составлять «маленькие донесения», и за это им платили из средств, отпускаемых на «благотворительность» или из «политических фондов» посольства. Так была завербована «староста колонии в Ленинграде», некая Гортензия Бовар, которая до 1941 года была правой рукой секретного агента Ватикана — Флорана. Таким же путем Шарпантье привлек некую даму из Львова — Иду Вассо, о которой было известно, что она сотрудничала с немцами во время оккупации. И, наконец, некий Роберт Зоммер из Черновиц дополнил эту компанию. Этот Зоммер был настолько подозрительным типом, что одного взгляда на его внешность было достаточно, чтобы причислить к самому подлому человеческому сброду. Во время «странной войны» Зоммер состоял на службе «Второго бюро» на румыно-советской границе. Появившись в начале 1946 года в стенах посольства (он по ошибке заглянул в мой кабинет и тотчас же заявил с чудесным немецким акцентом, что он может мне рассказать «очень интересные вещи»), он стал вскоре другом Шарпантье, и

каждый раз, когда Зоммер приезжал в Москву, чтобы поговорить с ним, то они вместе обедали. Разъезжая по городу, Зоммер пользовался машиной Шарпантье. Карьера этой тройцы бесславно закончилась высылкой из СССР.

Подобрав себе таких людей, французский поверенный в делах мог выполнять требования своих хозяев. Все донесения Шарпантье были наполнены досужими антисоветскими вымыслами, нагромождением 'противоречивых цифровых данных о ценах и зарплате, доставляемых подлыми проходимцами, никогда и не бывавшими в тех местах, где они якобы записали свои наблюдения; лживыми измышлениями об «ужасах НКВД». Но мы знаем шпионский девиз Беделла Смита: «должны все собирать». И он, повидимому, был очень доволен «прогрессом» Шарпантье, так как вскоре отношения их стали сердечными. Впрочем, это были отношения, какие могут быть в капиталистической армии между дивизионным генералом и полотером его адъютанта.

С тех пор шпионская служба французского посольства стала лишь вспомогательной службой разведки посольства США. И в деле подготовки антисоветской агрессии французское посольство также стало играть роль сателлита.

Попутно заметим, что к этому времени и в военных разведывательных службах в Париже началась тайная подготовка заговора: военный атташе в Москве Гийом был заменен морским офицером 'капитаном I ранга Пельтье; было не совсем понятно, как он может быть использован в качестве представителя сухопутной армии в самой большой континентальной державе мира.

Было ли это одним из эпизодов тайного соперничества между «Вторым бюро» армии и флота? Если это было даже так, то все равно сам факт очень важен, так как «Второе бюро» морского флота всегда отличалось особенно яростным антисоветизмом, и Пельтье, который был главой «военно-морской миссии» в Финляндии во время «странной войны», пользовался настолько установившейся антисоветской репутацией, что даже Шарпантье был удивлен, когда Пельтье был назначен французским военным атташе в Москву.

Но мы должны задать себе и другой вопрос. Не было ли это другой, военной стороной перехода французского шпионажа в СССР на службу Вашингтона?

6. «Большой доклад»

Одновременно американская разведка поручила французскому поверенному в делах третью миссию — систематически вести на Кэ д'Орсэ кампанию по дезинформации на тему «Слабость СССР». Таким образом он должен был пополнить результаты, достигнутые его провокационными действиями. В то время как эти действия способствовали ухудшению франко-советских отношений, систематическая дезинформация позволяла оправдывать это ухудшение, доказывая, что бесполезно сохранять хорошие отношения с такой «пропащей» страной, как Россия.

Уже в феврале-марте 1946 года Шарпантье начал массированный обстрел парижского министерства иностранных дел. Посылая не реже одной телеграммы в неделю и донесения с каждым курьером, он бомбардировал Париж своими запутанными соображениями насчет «экономических затруднений СССР», воображаемыми проявлениями «недовольства со стороны населения», мифическими «чистками партии» и прочим вздором. Для того чтобы облегчить деятельность Шарпантье, американское посольство вручило ему сборник антисоветских басен Кравченко, тогда еще не известного во Франции, с указанием включить наиболее пикантные места в свои донесения. Время от времени Дюрброу или его помощник Рейнхардт добавляли ему несколько нелепостей от себя, которые он тут же передавал в Париж, как «исходящие от исключительно хорошо осведомленных дипломатов». Иногда даже путем невероятного напряжения своего тупого мозга Шарпантье удавалось прибавить кое-что и от себя.

То, что все это было непроходимой глупостью, не имело никакого значения. Не проявляя при этом ни малейшего самолюбия, Шарпантье сам признался в том, что крупнейшая депеша о «моральном кризисе СССР» была сфабрикована им в октябре 1946 года при помощи латинских цитат, взятых из словаря Лярусса для школьников. Господа из американской клики на Кэ д'Орсэ прекрасно знали, что все получаемое ими из Москвы было ложью. Но им необходимо было иметь достаточное количество бумаг на тему «Колосс на глиняных ногах», чтобы опу-

бликовать их в тот день, когда Франция будет со связанными руками и ногами выдана империализму янки. Точно так же в свое время Жорж Боннэ думал поддерживать свой «союз» с Гитлером.

Когда же приблизилось время, намеченное для дипломатического поворота, в начале декабря, государственный департамент США поручил Шарпантье составить «большой политический доклад» для Парижа. Тема доклада — «Непоправимая русская слабость». И в течение двух месяцев он занимался исключительно этим.

В отношении «источников информации» он мог лишь иметь затруднение в выборе. Шпионы из ЮНРРА сообщили ему «совершенно сенсационные сведения» о так называемом «провале плана восстановления опустошенных районов». Из басен, которые ему рассказывали по поводу репатриации, он мог извлечь объемистый «материал», исходящий от «очевидцев». Из донесений Зоммера о фашистских бандах, существовавших еще некоторое время после немецкого отступления, было очень легко сфабриковать «подпольное сопротивление по отношению к советской власти». И, наконец, наниматели Шарпантье великодушно снабжали его всем, что могло пополнить его «документацию». Корреспонденты американской прессы охотно передавали ему свои самые подлые выдумки. Дюрброу доходил даже до того, что подбирал для него «добровольных информаторов». Так, он прислал ему некоего авантюриста под вымышленным именем Бори, якобы французского гражданина, под предлогом необходимости «репатриировать» его во Францию.

Из всего этого материала вышел огромный доклад. Там говорилось о том, что понадобится «минимум семь лет» на исправление трамвайных линий в бывших оккупированных городах, о «русской пятой колонне», о «волне забастовок на Украине», о «голоде», о «России, которая всем обязана ЮНРРА», о «троцкистах, которые были правы, требуя чтобы СССР уступил иностранным требованиям», о «советском народе, восхищаемом капиталистическим миром» и пр. В сущности, это пахло настоящим Геббельсом, и намеченная цель была совершенно очевидной.

Примерно в то же время я послал в Париж достаточно обширный труд о кризисе американского капитализма с точки зрения советских экономистов и о мирной политике СССР. Поверенный в делах принял это за акт саботажа и стал упрекать меня в «распространении ложных идей». Забыв всякую осторожность, он начал говорить о своем знаменитом докладе, основной задачей которого было «доказать, что Советский Союз переживает кризис, от которого он никогда не оправится», в то время как Америка является «восходящей силой при полном процветании». И он добавил: «Неужели вы не понимаете, что мой доклад является большим политическим актом?»

«Большой доклад», порученный ему хозяевами, означал, что настало время решительных действий, чтобы изолировать нас от СССР и полностью наложить руки на мою родину.

7. Накануне Московской конференции

Министры иностранных дел должны были открыть свою ближайшую конференцию в Москве в начале 1947 года. Эта конференция должна была быть посвящена германской проблеме. Именно тогда, в связи с этой жизненной для Франции проблемой, и должен был совершиться столь тщательно подготавливаемый поворот.

В конце 1946 года хозяева послали Шарпантье в Париж. Официальной целью поездки было разрешить некоторые личные вопросы. Но Шарпантье вовсе не скрывал, что он хотел сам лично вручить свой знаменитый «доклад» господам на Кэ д'Орсэ, в частности Бидо. В последнюю минуту различным лакеям Америки, разбросанным по всему свету, в связи с их дипломатическими функциями необходимо было выяснить между собой некоторые детали.

Шарпантье вернулся в Москву в последних числах января 1947 года. В том состоянии экзальтации, в котором он находился в результате своей миссии, он мало-помалу изложил мне суть американского плана.

Его можно резюмировать следующим образом:

Первое. Сближение с Англией, начатое Блюмом и завершенное Бидо подписанием союзного договора с Бевином в Дюнкерке, было задумано отнюдь не в соответствии

с духом франко-советского пакта; напротив, оно должно было положить начало «подрыву союза». По этому поводу Шарпантье грубо сказал мне: «Отныне нам наплевать на русских!»

Второе. Это решение должно стать публичным достоянием на Московской конференции. Под предлогом, что «русских нет в Руре» и что, следовательно, «их поддержка для нас ничего не стоит», было решено «оставить» русских и блокироваться с английской и американской делегациями, говоря, что «основное для Франции — это иметь уголь».

Третье. Чтобы замаскировать «разрыв» до открытия конференции, французское правительство сделает вид, что оно «идет на сближение с востоком». С одной стороны, Кэ д'Орсэ опубликует меморандум по рурскому вопросу, более или менее близкий к советской точке зрения и, если понадобится, попросит даже СССР поддержать этот меморандум. С другой стороны, будут начаты переговоры относительно заключения союзных договоров с Польшей и Чехословакией. Таким образом, говорил Шарпантье, «мы сможем сказать, что делали авансы русским, на которые они не ответили, поэтому они не имеют права жаловаться, что их оставляют». По его словам, он сам порекомендовал этот маневр. Следовательно, дело шло об «идее» Беделла Смита.

Четвертое. Коммунисты должны будут согласиться на то, чтобы Франция попала в зависимость от запада, или же им придется отказаться от своих министерских портфелей. «Если они будут недовольны, им остается только уйти». Иначе говоря, поскольку нельзя было ожидать, что компартия согласится с политикой национального порабощения, будет выполнен американский план удаления министров-коммунистов из правительства.

Эти признания Шарпантье в феврале 1947 года представляют несомненный исторический интерес. Они подтверждают, что во время Московской конференции Бидо не «уступил» государственному департаменту, а точно исполнил заранее подготовленный план, который государственный департамент вручил Бидо.

Но американские постановщики жестоко ошиблись, вообразив, что им удастся сохранить втайне свой план вплоть до его выполнения, то есть после открытия сессии

Совета министров иностранных дел. Советская дипломатия уже не раз в истории доказывала, что ее руководители являются бесспорными знатоками и мастерами в искусстве анализа международного положения. Они еще раз подтвердили это теперь. 17 февраля Шарпантье плаксивым голосом рассказал мне путаную историю, из которой можно было понять, что его знаменитый «совет» создать видимость «сближения с СССР» потерпел полное фиаско, и с Кэ д'Орсэ его обвинили в этом.

— Русские, — сказал он, — поняли, что, ведя с ними переговоры, мы хотим создать дымовую завесу, чтобы в это время сговориться с Лондоном и Вашингтоном. Они думают, что это повторение переговоров 1939 года. В хо-рошенькое положение попал я лично!

Но это, к сожалению, не помешало недостойным правителям Франции отдать ее под иноземное иго.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

МОСКОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

1. Тщательно подобранная челядь

В воскресенье, 9 марта 1947 года, специальный поезд с французской делегацией высадил свое содержимое на платформу Белорусского вокзала в Москве. Сопровождаемый своей высокой женой, которая, казалось, вела его на веревочке, маленький Бидо с изысканностью ответил на теплое приветствие Вышинского. После двадцатиминутной шумной суматохи мощные автомобили «ЗИС-110» отвезли этих людей в отель «Москва», где их ожидали помещения, поразившие всех своим комфортом.

Уже не раз описывали смешной наряд этих господ и дам, собравшихся на Московскую конференцию, как в полярную экспедицию. Это было лишним доказательством испорченности вкуса в высших слоях парижского общества. Не следовало также удивляться тому, что среди дипломатов и экспертов было столько имен, связанных с «200 семейств», что их список напоминал выдержку из «Ежегодного справочника по торговле и промышленности». И в подобной среде вполне закономерным явлением было то, что явных вишистов было там столько, что нельзя было узнать, кому можно пожать руку без угрызений совести. Поскольку французская дипломатия стала тем, что нам известно, все остальное было лишь логическим следствием.

Прежде всего заслуживал внимания тот факт, что этот, на первый взгляд разношерстный ансамбль — из высших чиновников Кэ д'Орсэ, гражданских лиц и военных чинов нашей администрации в Германии, пресс-корреспондентов всех направлений и канцелярских служащих всех специ-

альностей — был подобран с большой заботой. Одна небольшая деталь является красноречивым свидетельством этого. Когда французский радиокomitee выделил в качестве своего корреспондента одного прогрессивного журналиста, Бидо вычеркнул его из списка отъезжающих и заменил молодым попугаем по имени Вилледье, неспособным сказать ни одной фразы, кроме тех, которым обучили его хозяева.

За исключением трех или четырех объективных людей, которых совершенно невозможно было отстранить, группа корреспондентов при делегации была сборищем самых продажных антисоветских лакеев: Доминика Оклер из «Фигаро», Женевьева Табуи из «Франс либр», Андре Пьер из «Монд», Орест Розенфельд из «Попюлэр», Доминик Падо из «Орор». Это свидетельствовало о подготовке покушения против франко-советского союза.

Характерно было также и то, что многие из приехавших людей занимались здесь деятельностью, даже не похожей на ту, которая была указана в их паспортах. «Личный секретарь» Бидо принадлежал к политической полиции. «Атташе» Эдмонд Шарль-Ру, дочь бывшего посла в Ватикане, была специальной корреспонденткой американского журнала «Вог». Молодые женщины, официально считавшиеся «машинистками», как только выпивали слишком много водки, признавались, что они работают во «Втором бюро». В списке корреспондентов Франс Пресс числилась некая Вивиана Лувел, которая не послала ни одной телеграммы, зато поддерживала наилучшие отношения с американским государственным секретарем. «Корреспондент» «Фран-тирер», молодой троцкист Шарль Ронсак, не успев приехать, установил контакт с Шарпантье и сотрудницей посольства Барбарэн, считавшейся в Кэ д'Орсэ агентом «Интеллидженс сервис». Наконец, «Монд» послала Андре Пьера, и я не мог не отметить, что в прошлом году министерство информации отказалось из боязни скомпрометировать себя послать его в Москву в качестве директора французского журнала, аналогичного «Британскому союзнику» *. Действитель-

* Это было только лишь одной из многочисленных попыток использовать службу информации в постыдных целях. В июле 1945 года, например, Сустель, бывший в то время министром информации,

но, этот тип был слишком хорошо известен благодаря своим прежним отношениям с рядом секретных служб. К тому же, через неделю после своего приезда он был задержан московской милицией, когда занимался деятельностью, ничего общего не имеющей с корреспондентскими делами. Во всяком случае, Пьеру пришлось давать объяснения в советских органах безопасности... Хотя использование французских делегаций, как прикрытие для постыдных целей, было обычным явлением, но на этот раз оно перешло всякие границы.

Наконец, нельзя было не отметить полного подчинения французской делегации английским и американским дипломатам.

В этом отношении можно было наблюдать интересные явления среди французских журналистов. Их взгляды и настроения настолько копировали «западную» прессу, что чтение переводов ежедневной советской прессы, которыми я их снабжал каждый вечер, совершенно озадачивало их. С большинством из них невозможно было говорить о французских интересах. Как можно было не оценить «твердость» какого-либо выступления Маршалла или Бевина, говорящего о явном желании восстановить агрессивную Германию? Как можно было набраться смелости

о связи которого с разведкой мы уже упоминали, попросил меня, в случае, если советское правительство уменьшит количество людей, едущих с миссией по репатриации, включить в число моих сотрудников некоего «капитана» Фабра, который был не более не менее как личным секретарем Даладье. В ноябре мне прислали любопытное трио сотрудников. Меня уверяли, что по чистой случайности один из них оказался блестящим учеником школы восточных языков, участвовавшим в сопротивлении в сети БСРА и вплоть до своего отъезда в Москву служившим в ДЖЕР. Но это не являлось случайностью, если сопровождавшая его «машинистка», никогда не умевшая пользоваться пишущей машинкой, некая Симона Мишенон, с момента приезда находилась в наилучших отношениях с рядом сверхсомнительных англо-саксонских дипломатов. То же самое можно сказать и о третьем члене группы — Клоде Альфандери, тесно связанном с лидерами правых социалистов, который однажды забыл в моем бюро странный отрывок из английского вопросника о средствах «контакта с советской действительностью», в частности по «вопросу реконверсии военной промышленности».

В конечном счете, эти попытки потерпели фиаско. Фабр никогда не был включен в число моих сотрудников. Мишенон сбежала, никого не предупредив. Альфандери последовал за ней через несколько недель.

считать «доктрину Трумэна» блефом, когда все англосаксонские коллеги уверяли, что это «бомба»? Как можно было «недооценивать американское превосходство» во всех областях? Даже у менее отравленных буржуазной прессой чувство национальной независимости было настолько подавлено, что они считали себя как бы втянутыми уже в «западный блок», где различие гражданства потеряло всякое значение.

Это в высшей степени тревожное состояние духа находит свое объяснение, если обратиться от журналистов к дипломатам. Конечно, у этих господ нельзя было наблюдать таких явно неосторожных поступков в разговоре или поведении. Но зато таим были факты, которые было невозможно скрыть. Эти факты были очень просты. Американский клан с Кэ д'Орсэ явился на Московскую конференцию почти в полном составе. Точнее, среди французской делегации можно было найти всех людей, которые когда-то помогали Мэрфи наложить руку на то, что еще оставалось Франции от ее независимости. Рядом с Сюзи Бидо находились: Шарпантье (назначенный из-за особого расположения к нему Бидо членом делегации), Кув де Мюр-виль, Эрве Альфан, Тарбэ де Сент-Ардуэн, Леруа-Больё, де Шарбоньер (специально вызванный из Копенгагена), Сейду, Рюэфф. Невозможно было объяснить такой состав простым совпадением. Американская делегация со своей стороны привезла с собой Мэрфи в качестве первого заместителя государственного секретаря Маршалла. Для нового этапа порабощения Франции позаботились привезти старых агентов вместе с их «боссом». Идеологическое подчинение было лишь отражением иерархического подчинения секретных агентов своим американским хозяевам.

Картина была ясна: собственно дипломатическая делегация, эксперты и журналисты составляли ударную группу, которая была подобрана с таким расчетом, чтобы возможно больше облегчить покушение на французскую независимость.

Затерявшись среди этой челяди, малютка Бидо был почти столь же незаметен, как и в декабре 1944 года среди свиты де Голля.

Только внешне он был более напомажен, более тщательно одет и казался еще более комичным, так как во-

ображал, что при помощи подобных претензий создаст определенный «дипломатический жанр». Но его бегающие глаза и постоянное напряжение, а в особенности неизменная привычка напиваться потихоньку, для храбрости, свидетельствовали о том, что он более чем когда-либо был паяцем, преждевременно потрепанным неосторожными манипуляциями, которые его заставляли делать его «боссы».

Только в одном он казался менее осторожным, чем во время своего первого пребывания. Он повсюду распространял резко антисоветские высказывания. Ему, очевидно, сказали, что прошло то время, когда надо было скрывать свои подлинные чувства. И так как у него не было чувства меры, бедняга пользовался этим разрешением без всякого соображения. Так, на одном приеме он счел нужным отвести в сторону моего помощника Жана Триумфа, специалиста по русскому языку, чтобы сообщить ему о том, что «Россия — это страна, не имеющая ни культуры, ни литературы, ни искусства»... Даже те из сотрудников посольства, которые были очень плохо настроены по отношению к СССР, говорили мне, что, по их мнению, «Бидо заходит очень далеко».

Это был автомат, по поводу которого можно было быть уверенным, что он воспроизведет все движения, которые заключены в его механизме, если только не будет технических повреждений. А это как раз случилось 25 марта 1947 года, когда слишком сильное опьянение не позволило ему присутствовать вместе с Маршаллом и Бевином на приеме, данном послом монархо-фашистских Афин в честь «доктрины Трумэна». Он получил за это суровый нагоняй, вынужден был для исправления своей ошибки устроить завтрак для вышеуказанного посла и больше не повторял свою ошибку.

2. Указания, полученные Бидо от Маршалла

Когда Бидо приехал в Москву, он знал только о том, что должен передать свою страну во власть американцев. Но ему ничего не было известно относительно характера и даты этой операции. Он знал об этом даже меньше, чем вся клика янки на Кэ д'Орсэ.

Маршалл сам взял на себя труд сообщить ему основные линии плана, когда Бидо нанес ему визит в день приезда Маршалла в Москву. Маленький французский министр послушно сидел в кресле, указанном ему этим верзилкой — генералом с мрачным лицом. С предельной сухостью — его слова звучали, как говорящие часы — Маршалл сказал Бидо примерно следующее:

— Франция нуждается в угле. Очень хорошо. Вы откажетесь от всякой формы контроля над Руром, в котором принимали бы участие русские. Я помогу вам получить компенсацию по саарскому вопросу, а позднее, возможно, и некоторое право на участие в нашей администрации Рура.

Следовательно, установленной точкой падения был рурский вопрос, а датой — момент, когда он будет обсуждаться четырьмя министрами.

Бидо знал, что, прежде чем передать ему эти распоряжения, Маршалл беседовал с Рамадье в Париже, когда пересекал Европу в своем специальном поезде. Поскольку Рамадье был уже в курсе дела, то ему не надо было ожидать его мнения. Бидо уверил Маршалла в своей полной преданности и вернулся к себе.

Одновременно Мэрфи начал обучать американскую клику Кэ д'Орсэ некоторым тактическим деталям операции.

Было решено, что французская делегация прежде всего потребует, чтобы Францию снабжали немецким углем, который необходим для осуществления «плана модернизации оборудования», выработанного в Париже под руководством Жана Моннэ. находка была удачной.

В самом деле, было совершенно очевидно, что восстановление французской промышленности срочно требует больших поставок горючего. Поэтому могло показаться, что Бидо защищает национальные интересы, стараясь любой ценой получить уголь, хотя в действительности этой ценой была независимость Франции. Кроме того, это служило демагогическим аргументом против демократических организаций, которые неоднократно заявляли о необходимости таких поставок и в принципе одобряли «план Моннэ». Если бы они стали протестовать против предательства, то их всегда можно было обвинить в том,

что они «противоречат сами себе», разумеется, «по приказу из Москвы»!

Удар был, собственно, подготовлен уже давно. В октябре прошлого года на одном приеме Беделл Смит очень тщательно расспрашивал меня об отношении французского рабочего класса к «плану Моннэ», подчеркивая «большое значение», придаваемое этому государственным департаментом США. Очевидно, этот разговор также входил в планы его хозяев. Шарпантье со своей стороны не раз намекал, что его хозяева замышляют какую-то интригу в этом направлении. Накануне конференции, например, когда прогрессивные журналисты заговорили с ним о важности рурской проблемы для французской экономики, он тут же сообщил об этом разговоре Бидо, причем в явно искаженной форме...

Но необходимо было создать еще другую дымовую завесу. Вплоть до того момента, когда он должен был получить приказ раскрыть свои карты, Бидо разрешалось не только произносить громкие фразы о безопасности, репарациях и международном контроле над Руром, но и открыто протестовать против некоторых предложений американской делегации...

Конечно, надо было отбросить всякую надежду на то, что эти дымовые завесы обманут советскую делегацию, но зато были употреблены все средства для того, чтобы ввести в заблуждение французское общественное мнение. И вся эта интрига была так усложнена, чтобы с первого взгляда нельзя было понять, что случилось, и чтобы Бидо мог заставить наивных людей поверить, что советское правительство якобы «покинуло» его в то время, как он сам якобы «поддерживал» СССР.

3. Как дрессировали министра иностранных дел Франции

Американская банда, окружавшая Бидо, уже достаточно долго находилась на службе американской дипломатии, чтобы государственный департамент имел основание доверять ей. Кроме того, эти лакеи настолько соревновались друг с другом, что стоило кому-либо почувствовать признаки измены у другого, как его выдавали десять раз прежде, чем он сам мог уяснить себе, что он делает.

Наконец, даже если бы какой-нибудь Сенг-Ардуэн и изменил, то это не могло бы помешать осуществлению плана.

Совсем другое дело было с Бидо. Теперь, когда подготовка к маневру была закончена, все держалось на нем. И несмотря на то, что он и раньше давал заверения в «верности», такую ответственную миссию ему доверили впервые. Поэтому, согласно самым священным законам гангстерства, это двойное обстоятельство требовало принятия особых мер предосторожности.

Прежде всего надо было изолировать его от внешнего мира. Самым лучшим, конечно, было бы запереть его в камере. Но этому препятствовало его служебное положение. Поэтому пришлось создать условия, которые больше всего соответствовали настоящему заключению. Его заточили под охраной жены в помещение из трех комнат, расположенное в глубине приемных залов французского посольства. Оттуда его выводили лишь в зал заседаний к англо-саксонским коллегам или же на приемы, разрешенные хозяевами. Я ни разу не видел его в саду, вход в который находился как раз перед моими окнами. И ни разу он не был в той части здания, где находятся служебные кабинеты. Зато Бидо никогда не оставался один. Кроме членов его кабинета — таинственного Фалэза * и Ля Турдю Пэна, рядом с ним всегда оказывался кто-нибудь из «главарей» американской клики: Альфан или Кувде Мюрвилль, еще чаще Шарпантье, которые всегда находили предлог, чтобы в любое время дня и ночи прийти к нему сообщить последние радиোগраммы, расшифрованные ими. Когда же возникало опасение, что бедняга может соскучиться, то всегда находился кто-нибудь, чтобы устроить для него «маленький вечер», где не скупилась на шампанское, если только на этот счет не было никаких особых указаний свыше. Растерявшись от множества разнообразных дел, возложенных на него, Шарпантье совершенно позабыл о том, что не следует во всеуслышание кричать, что его хозяева навязали ему роль телохранителя. И каждый раз, когда пытались отвлечь его от своих

* Этот человек, преследующий Бидо, как тень, является секретным агентом Ватикана и «специалистом по испанским делам».

обязанностей, он с важным видом заявлял: «Нет, я сожалею, но сейчас не время ссориться с Бидо!».

Такая система представляла тройное преимущество. Во-первых, она позволяла держать Бидо только в американской атмосфере, и он в течение дня проникался указаниями, которые ему передавал государственный департамент США через своих агентов. Во-вторых, это было лучшей гарантией предотвращения всякой возможности контакта с советской делегацией: он встречал Молотова только за столом конференции или во время чисто протокольных приемов. Наконец, в-третьих, Америка таким образом воздвигала настоящий «железный занавес» между министром иностранных дел Франции и французами, которые не были прямыми агентами Америки. Я делал ежедневный обзор советской прессы, но меня ни разу не вызвали к Бидо, так как Шарпантье снабжал его бюллетенями американского посольства. Даже наш посол фактически никогда не видел министра один на один, поскольку он не участвовал в комбинации.

Для того чтобы усилить действие этого интернирования, люди Вашингтона прибегали также к постоянному шантажу.

Сначала это был классический трюк с «болтливостью прессы». Они заставили своих журналистов распространить кое-какие секретные беседы с французской делегацией. Уже 10 марта вечером все американские и английские корреспонденты вдруг «чудесным образом» узнали о том, что Маршалл потребовал от Бидо «присоединиться к Бизонии». 12 марта 1947 года европейский директор херстовского агентства Кингсберри Смит протелеграфировал, что тот же Маршалл обещал Бидо «часть ресурсов, недостающих сейчас французскому правительству». Потом 30 марта вся англо-саксонская пресса уже писала о секретных переговорах по поводу «саарского угля» и о близком «отказе французской делегации от Рура». Словом, делалось все возможное для того, чтобы отрезать Бидо все пути к отступлению, даже если последние остатки национального чувства помешают ему беспрекословно выполнить полученные указания. Всего сказано не было, чтобы преждевременно не раскрывать карты. Но было достаточно сказано для того, чтобы скомпрометировать марионетку и помешать ей отступить.

Кроме того, следуя указаниям Вашингтона, «американская партия» в Париже с самого начала Московской конференции начала вызывать инциденты, связанные с внутренней политикой, чтобы создать у Бидо впечатление, что будущее его кабинета находится под угрозой. Надо было убедить Бидо в непрочности его положения во Франции, чтобы он уцепился за Маршалла, как утопающий за соломинку. И телохранители из его окружения, повторяя заученный урок, делали все, чтобы держать Бидо в постоянном страхе. Его жена Сюзи неустанно твердила ему, что в Париже может «образоваться социалистическое или голлистское правительство, если он не сумеет защитить себя»; или же, наоборот, она говорила ему, что «он может снова сделаться премьер-министром, если ему удастся одержать дипломатическую победу в Москве». Одновременно его друзья из МРП бомбардировали его телеграммами, рисуя положение в самых мрачных тонах... Ужас этого человека был ходячей басней для всего посольства. Но именно этого ужаса добивался государственный департамент США.

Можно сказать, что после Боннэ, даже после Лавалья, ни один французский министр иностранных дел не представлял такого смешного и такого гнусного зрелища.

4. Позиция СССР

Позиция СССР как в разрешении германской проблемы, так и по отношению к Франции оставалась строго принципиальной и определялась целой серией международных договоров, в числе которых фигурировал и франко-советский пакт. На заседаниях Совета министров иностранных дел советская делегация продолжала защищать интересы Франции в германской проблеме с такой же энергией, как если бы французское правительство оставалось верным союзу с СССР. Единственным отличием было то, что она еще более твердо, чем когда-либо, подчеркнула свою заинтересованность этими проблемами. И хотя Бидо еще и не разложил карты на столе, но уже всем бросалось в глаза, что его игру полностью раскрыли.

Американская делегация требовала от своих французских агентов, чтобы Бидо выдвинул на первое место

необходимость для Франции получить уголь, а под этим предложением он должен был отказаться от всяких требований установления контроля четырех держав над Руром и заключить с англо-американцами соглашение о Сааре.

Позиция, которую заняла советская делегация с самого начала совещания, заключалась прежде всего в признании справедливой просьбы об угле, сформулированной французской делегацией. В своем выступлении от 19 марта В. М. Молотов подчеркнул «законный характер» французских «интересов» в вопросе «установления определенных норм для поставок немецкого угля» для французской промышленности. Он выразил уверенность, что в этом вопросе Совет министров иностранных дел может дать удовлетворение Франции. 31 марта он еще раз вернулся к этому вопросу.

«Нам понятна, — заявил он, — точка зрения Франции, когда она ставит вопрос об угле. Это важнейший вопрос для экономического развития Франции, также пострадавшей от германской оккупации, продолжавшейся в течение пяти лет. Мы понимаем чувства французов, требующих возместить причиненный им германской оккупацией ущерб и настаивающих на том, чтобы германский уголь поставлялся Франции для восстановления ее экономики. Мы считаем законным это требование Франции...»

Но только Франция не должна была менять кукушку на ястреба, разъединяя вопросы об угле и о репарациях, которые она должна получить. Об этом очень ясно говорит приведенная нами выше выдержка, где одновременно говорится и о «настойчивости, с которой французы добиваются поставок германского угля Франции» и о «чувствах, которыми руководствуются французы, когда они требуют возмещения ущерба, причиненного оккупацией». И чтобы все знали об этом, глава советской делегации тут же добавил, что полагает, «что это (требование) можно осуществить в счет репараций».

Следовательно, советская делегация признала, что Саарский вопрос «заслуживает внимания» и что он будет разрешен в свое время, так как предложения г-на Бидо «требуют соответствующего изучения» (выступление 11 апреля). Но самой важной была проблема Рура, где наиболее совпадали интересы Франции и СССР.

«После экономического объединения британской и американской зон...—сказал Молотов, — создалось положение, при котором Рур попадает под контроль двух оккупирующих Германию держав — Великобритании и Соединенных Штатов, но попрежнему от контроля над Руrom отстранены Франция и Советский Союз... Надо стремиться не к тому, чтобы обеспечить господствующее положение той или иной великой державы в Рурской промышленной области, а к тому, чтобы наладить действительное международное сотрудничество, которое должно считаться с правами и интересами как больших, так и малых союзных государств, проявляя должное внимание к самому германскому народу и его неотложным нуждам».

И затем:

«Надо, чтобы это распределение ресурсов Рура производилось не только Великобританией и Соединенными Штатами, но Контрольным советом, где участвуют все четыре союзные державы». (Речь от 11 апреля.)

В этом выражалась сущность франко-советского пакта, и здесь лишь подтверждалась неизменность позиций советского правительства, как и на предыдущих международных совещаниях. Так, например, на Потсдамском совещании советское правительство предложило, чтобы Рурская промышленная область рассматривалась как часть Германии и чтобы над ней был установлен контроль четырех держав, для которого предлагается создать соответствующий Контрольный совет из представителей Великобритании, Франции, США и СССР.

Позиция советской делегации на московской сессии Совета министров иностранных дел еще раз в полном свете показала горестную картину, так часто встречающуюся на наших страницах: это было международное совещание, на котором только советский министр защищал интересы Франции, в то время как французский министр иностранных дел выступал против французских интересов. И если неопровержимые аргументы, приводимые советской делегацией, не пробудили у Бидо даже проблеска национального чувства, то весь мир, и в первую очередь французский народ, понял, что так называемый министр иностранных дел Франции вовсе не защищал интересов Франции.

8. Предательство Жоржа Бидо

Так и было...

Началось это 17 марта 1947 года, когда Бидо первым из трех «западных» министров был принят Сталиным. Некоторые члены французской делегации были очень довольны той честью, которая была оказана их шефу. Но сообщение об аудиенции погрузило Бидо в черную тоску. Когда его американские вдохновители посоветовали ему притвориться проводящим политику «сближения с Москвой», чтобы этим замаскировать подготовку предательства, то он заявил официально даже в нескольких газетах, что рассчитывает в германской проблеме согласовать свою позицию с позицией главы советского правительства. И вот теперь он должен предстать перед ним — без Маршалла, Мэрфи и даже Сюзи, которые могли бы подсказать ему, что отвечать! Свидетели французы, рассказавшие мне о встрече, а они не были новичками в области капиталистической дипломатии, признались мне, что им было стыдно, так как министр иностранных дел Франции в этот день был заметно пьян. И понятно, что он полностью разоблачил себя. От тех же свидетелей я узнал, что Сталин неоднократно начинал разговор о германских проблемах, в частности, о Руре, но Бидо уклонялся и с упрямством алкоголика продолжал твердить только о Сааре, показав таким образом, что за эту измену ему заплатили в Вашингтоне.

Согласно обычаю, этот разговор остался строго конфиденциальным. Но 4 апреля Бидо повторил это перед самой опасной публикой — перед журналистами. Во время пресс-конференции, созванной им в большом салоне посольства (заметим, что он впервые решил собрать французских корреспондентов, приехавших вместе с ним), под градом вопросов, сыпавшихся со всех сторон, он, несмотря на заботу его жены, которая настояла, чтобы присутствовать на этом испытании, растерялся. Перед нами стоял жалкий человек, бледный, с искаженным лицом, который механически выдавливал из себя какие-то слова, затем старался отступить от сказанного с помощью торжественных фраз, произнесенных профессорским тоном, но, атакованный с другого конца зала, снова разбалтывал свои секреты.

Он признался, что за кулисами совещания происходили секретные переговоры с Маршаллом и Бевином о проблеме угля. «Но, — добавил он сейчас же, — не пишите об этом, а то мне будет неудобно. Вы знаете, чем скорее все это кончится, тем лучше!»

Тогда прогрессивные журналисты открыли огонь, и мы последовательно узнали:

что операция должна закончиться созданием «Тризонии». «Но, — поспешил уточнить Бидо, — я предлагал совсем не это», как будто Маршалл разрешил бы ему предложить что-либо другое;

что он на пути к полному отказу от требования создать четырехсторонний контроль над Руром;

что в этой комбинации «Саар был обменной монетой».

Когда стало очевидным, что бедняга не сумеет стереть произведенного впечатления, Сюзи, которая наблюдала за катастрофой, скрывая свое отчаяние за чудесной подкупающей улыбкой, поспешила приказать подать освежающие напитки. «Безалкогольные, — уточнил Бидо, — потому что сегодня страстная пятница», и пресс-конференция на этом закончилась. Но те, кто не притворялся глухим, достаточно узнали.

Одним из таких был Пертинакс. Он без труда сумел из разных источников дополнить то, что сообщил Бидо. И члены французской делегации были поражены, когда радиустановка в гостинице «Москва», через которую мы ежедневно слушали сообщения парижской прессы, передала телеграмму, посланную накануне этим журналистом в «Франс суар». В ней сообщалось, что между тремя «западными» министрами заключено соглашение, по которому Франция отказывается от своих притязаний на участие в контроле над Руром, а за это она получит саарский уголь. Наиболее нервные стали обвинять Пертинакса в том, что он совершил «нечестный поступок», рискуя «подорвать соглашение». Посол уверил меня, что «телеграммы Бидо, посланные в Париж, говорят совсем о другом», чему я легко поверил, так как эти телеграммы предназначались для оглашения на совете министров, где еще были патриоты — коммунисты. Альфан в дипломатических выражениях признался: «С нас достаточно Саара. Русским не поможет, если мы будем настаивать на своих притязаниях относительно Рура».

Теперь поворот в политике не мог никого удивить. На совещании министров 10 апреля Бевин объявил, что он согласен с требованиями Бидо по вопросу Саара. Маленький человек расплылся в широкой улыбке, подобно лентяю, когда тот слышит звонок об окончании урока. И механизм заработал. Маршалл в своем выступлении подчеркнуто настаивал на невозможности отделить Саар от Эльзас-Лотарингии. А вечером на пресс-конференции французских корреспондентов Оффруа драматическим тоном заявил: «Теперь все зависит от русских».

Но Бидо жестоко ошибался, вообразив, что советская дипломатия попадет в грубые сети, о которых намекнул Оффруа.

11 апреля в своем выступлении глава советской делегации вновь подчеркнул, что вопрос о Сааре заслуживает рассмотрения и он будет рассмотрен. Но вопрос о Сааре не может заставить забыть вопрос о Руре, несравненно более важный. И он еще раз потребовал установить над этой областью четырехсторонний контроль.

Бидо поспешил сделать вид, что не заметил средства спасения. Но чтобы ввести всех в заблуждение, он пустился в рассуждение о том, что великие державы намеренно уделили «мало внимания» его притязаниям на Рур и стал упорно настаивать на своем желании получить Саар сейчас же, немедленно, как и обещали ему Бевин и Маршалл. В своем ослеплении он дошел до того, что потребовал немедленного создания специальной комиссии для обсуждения деталей этого вопроса.

Когда он кончил, глава советской делегации сказал: «Я констатирую, что г-н Бидо, в частности, не ответил на вопрос, касающийся позиции, занимаемой французской делегацией в вопросе о четырехстороннем контроле над Руром».

На последовавшей за этим заседанием пресс-конференции Оффруа, конечно, объяснил, что «русские нас оставили» и что «Молотов отказался от рассмотрения французского предложения о Сааре», — это были два лживых утверждения, и трудно сказать, которое было более бесстыдным. Но, конечно, ни одним намеком он не упомянул о той фразе, которой глава советской делегации ответил на дипломатический поворот Франции.

Оставалось только составить акт о продаже независимости Франции государственному департаменту США. 16 апреля Бидо был приглашен завтракать к Бевину, 20 апреля его вызвал Маршалл, и вечером втайне, как и подобает для таких постыдных вещей, было подписано знаменитое «соглашение об угле». Впоследствии оказалось, что умышленно запутанные условия этого соглашения не давали французской промышленности ни грамма угля, в котором она так нуждалась. Но оно было первым камнем в фундаменте нового «западного блока», а он, в свою очередь, послужил ключом для восстановления военного арсенала милитаристской Германии.

По маленькому, но зловеще символическому примеру можно судить о том положении сателлита, в которое попала Франция. Когда 21 апреля Альфан созвал пресс-конференцию французских корреспондентов по вопросу «соглашения», то в зале было полно американских журналистов, рассеявшихся на пианино, на столах, дымивших как паровозы и болтавших свойственными им утиными голосами. Усевшийся в первом ряду Сульцбергер из «Нью-Йорк таймс» любезно объяснял нескольким заискивавшим перед ним французским журналистам, что теперь судьба коммунистов «решена».

Бидо выполнил свою трудную изменническую миссию. И больше ни разу не выступал на заседаниях Совета министров вплоть до окончания совещания.

Но советская делегация все же не оставила французский народ, своего союзника. На пресс-конференции 12 апреля Вышинский заявил, что СССР продолжает считать необходимыми поставки немецкого угля во Францию. И когда 24 апреля Бидо явился с прощальным визитом к В. М. Молотову, советский министр напомнил ему, что интересы обеих стран общие. Хотя Бидо забыл всякий стыд, однако, и для него этот урок был жестоким. Он пробормотал какие-то протокольные фразы и вышел, опустив голову.

7. Последний позор

С момента исторического заседания 11 апреля Бидо явным образом перестал интересоваться работой Совета министров под тем предлогом, что «совещание было неудачей» и что «от него больше нечего ожидать».

Когда мне сообщили о новом душевном состоянии нищего паяца, я сначала подумал, что это — нервная реакция после проделанных им гимнастических упражнений, что утомленный усилиями, которые он приложил, чтобы совершить требуемое от него предательство, его организм нуждался в отдыхе. Но вскоре я получил доказательства совсем другого порядка. 14 апреля 1947 года Шарпантье сообщил мне тоном человека, которому известны серьезные государственные тайны, что «Бидо, возможно, вынужден будет срочно уехать по причинам, не касающимся совещания», и что Сюзи снова «очень озабочена политическим будущим своего мужа». Вывод был ясен: в Париже готовился новый правительственный кризис. Но на этот раз газеты не поднимали рекламного шума, и это не было шантажом. Повидимому, это было что-то серьезное.

25 апреля в шесть часов вечера мы посадили всех этих господ в специальный поезд. Он прибыл в Париж 30 апреля. А спустя пять дней — 4 мая — под каким-то выдуманном предлогом был издан декрет президента республики, явившийся настоящим нарушением конституции, согласно которому министры-коммунисты были удалены из правительства Франции.

Таким образом, вторая фаза американского маневра закончилась изменением курса внутренней политики, без которого дипломатический поворот был для Вашингтона лишь победой без завтрашнего дня. Быстрота, с которой произошло это изменение, в достаточной степени подчеркивает, что все это было организовано сверху и все той же рукой. То возбуждение, которое охватило Бидо в последние дни его пребывания в Москве, служит ценным подтверждением. Было ясно, что Бидо был информирован Маршаллом о дне осуществления маневра. И он умирал от беспокойства, что рискует быть в это время за четыре тысячи километров от Парижа. Ведь какой-нибудь конкурент может вырвать у него из-под носа дорогой министерский портфель, когда Рамадье будет снова формировать свой кабинет.

Таким образом, франко-советский пакт был похоронен, а министры-патриоты исключены из правительства; теперь Франция оставалась один на один с американским империализмом, решившим поработить ее. А у власти

стояла мощная «пятая колонна», способная облегчить задачу завоевателей. Даже те, кто знал обратную сторону медали, даже французские агенты Вашингтона, которые самым бесстыдным образом способствовали дипломатическому предательству, почувствовали, как у них сжалось сердце. Утром 5 мая, когда я зашел к Шарпантье, он, опустившись в кресло, с мрачным видом читал сообщение парижской прессы, перехваченное нашими радиооператорами. Не дожидаясь от меня вопросов, он начал оправдывать политику, проводимую Бидо. И когда он в третий или четвертый раз повторил мне, что «теперь у нас будет Саар», — я спросил его: «Ценой чего?» Он, опустив голову, оборвав свои словоизлияния и уронив на письменный стол телеграммы, которые держал в руке, ответил в изнеможении: «Ценой нашей независимости. Теперь на нас будут испытывать «доктрину Трумэна».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ЗА КУЛИСАМИ «ПЛАНА МАРШАЛЛА»

1. Мелкие мошенники и крупные воры

Подрывая союз с СССР, агенты США во Франции лишали ее всякой возможности иметь независимую внешнюю политику. И, сфабриковав антидемократический кабинет, они помогли подчинить внутреннюю политику Франции экспансионистским устремлениям Америки. В мирной обстановке они поставили Францию так же, как и Гитлер после 1940 года, в положение страны-сателлита, находящейся в руках финансовой коллаборационистской олигархии и управляющейся квислингами.

Для того чтобы привести «200 семейств» к подобной капитуляции, американский империализм, конечно, сделал вид, что он берет на себя заботу о них. Но в Вашингтоне знали, что на земле существует способ «помощи» такой же старый, как само мошенничество, который по-французски называется «уплатить обезьяньей монетой»*, по причине особой одаренности этого животного в искусстве делать гримасы. Вот почему 5 июня 1947 года Маршалл произнес в Гарвардском университете свою речь, в которой он изложил свой пресловутый «план помощи Европе».

Американские агенты во Франции не питали никаких иллюзий и хорошо знали подлинный характер этой «помощи». Они отлично понимали, что это было средством, позволяющим монополиям Соединенных Штатов Америки проводить безудержную экспансионистскую политику и подготовку к третьей мировой войне. Они также не могли не знать (для этого достаточно лишь посмотреть на карту), что Франция станет первой жертвой этой агрессии. Им было известно, каким ужасным маразмом эта

* Соответствует русскому — не уплатить вовсе. (Прим. перев.)

«помощь» грозит французской национальной экономике. Но государственный департамент убедил их, что они смогут извлекать из «плана Маршалла» чудесные выгоды для своих кошельков.

Им напомнили прежде всего, что «американская помощь» неразрывно связана с созданием «экономического блока» с включением в него Рурского бассейна. Это означало, что с благословения Вашингтона господа Шнейдер и де Вандель могли бы возобновить свою традиционную торговлю с Круппом, Динкельбахом и Тиссеном или же с их американскими наследниками.

Им не преминули показать также и другую приманку. Как известно, создание народных демократических республик в Центральной и Восточной Европе лишило «200 семейств» Франции одного из самых важных источников дохода. Заводы Шкода в Чехословакии, румынская нефть, болгарский табак, польский уголь, дунайская навигация и целый ряд банков в Праге, Бухаресте, Софии или в Варшаве находились теперь в руках народов, решивших не отдавать их больше на ограбление международному капитализму. Но прежние «владельцы», разумеется, не хотели примириться с этим, и им объяснили, что при помощи «плана Маршалла» все это может быть отвоевано обратно. Таким образом, «200 семейств» могли бы вернуть себе возможность эксплуатировать народы Центральной и Восточной Европы. Они уже мечтали об удалении мешающих им министров-демократов в Болгарии и Румынии, Польше и Чехословакии и о замене их такими людьми, которые были бы для Рамадье и Бидо тем же, чем сами Рамадье и Бидо были для Трумэна и Маршалла. Тогда бы снова настало «доброе старое время»...

Само собой разумеется, что эти тайные надежды не были открыты французскому народу. Вся правительственная пресса приветствовала «план Маршалла», пресмыкаясь перед «американским великодушием». Верный своему традиционному призванию лягавой собаки капитализма и своим функциям наемного агента американских банков, Леон Блюм побил рекорд по сравнению со всеми своими конкурентами, соревнующимися в лакействе. Он посвятил серию статей в «Попюлэр» воспеванию «филантропии» бизнесменов.

2. Советский Союз разоблачает фарс парижской конференции

Я находился в Париже на совещании атташе информации, когда была получена весть о речи Маршалла в Гарварде. В течение нескольких часов температура у господ с Кэ д'Орсэ поднялась до такого уровня, какого не могла вызвать даже самая сенсационная дипломатическая победа. Знакомые, встречавшиеся в коридорах, обращались с вопросом: «Вы читали? Это необычайно!» В кабинете Бидо все были в невменяемом состоянии. Казалось, что министр еле сидит на месте, хотя на этот раз он ничего не выпил. Несчастные шифровальщики походили на покойников: телеграф беспрерывно работал между Лондоном и Вашингтоном.

Но вся эта лихорадка была лишь результатом постановки, во время которой актеры увлекались своей собственной игрой. Ведь все было решено раньше, чем Маршалл произнес свою речь. Еще 30 мая 1947 года на совещании атташе информации нас предупредили из министерства экономики, чтобы мы больше не говорили за границей о плане Моннэ, так как «от него отказались ради другого плана». Это значит, что новость об «американской помощи» была уже известна за неделю до речи Маршалла. Небезинтересно напомнить, что министром экономики в то время был «социалист» Андре Филип, в прошлом сторонник уступок Гитлеру.

После речи Маршалла в Гарварде Бидо и Бевин вынуждены были встретиться на «конференции» 17 и 18 июня. Официально вопрос шел о том, чтобы эти господа «определили свою позицию» по отношению к американскому предложению о «помощи». Как будто бы это было для них неожиданностью.

Это было действительно любопытной встречей. Эти два лакея одного и того же хозяина, которых положение заставляло тесным образом сотрудничать, питали непреодолимую личную ненависть друг к другу. Хотя оба были одинаковыми пьяницами, один из них старался быть нарочито грубым, чтобы казаться «выходцем из народа», другой же, наоборот, употреблял все усилия, чтобы казаться дэнди и выглядеть «дипломатом». Находясь за

одним столом, они не могли удержаться от обмена самыми злыми колкостями, которые еще больше возбуждали их.

Но «дипломатический», если так можно выразиться, интерес брал верх над всеми прочими соображениями. Оба министра иностранных дел имели целый штаб экспертов, оставшихся совершенно без дела. Переговоры министров заключали в себе столь секретную часть, что они категорически отказывались сообщать об этом, когда в их парламентах требовали объяснений. Однако последующие события позволяют почти с точностью определить, что там в действительности происходило. Бидо и Бевин были только клерками, которых государственный департамент уполномочил переписать план практических действий. Основными линиями этого плана являлись следующие: прежде всего принять все необходимые меры для обеспечения американского превосходства во всей европейской экономике; затем найти практическую формулировку, позволяющую лондонскому и парижскому правительствам играть роль кассиров при распределении и использовании американских долларов; наконец, выдумать какую-нибудь дипломатическую комбинацию, чтобы поставить СССР перед совершившимся фактом.

Эти указания имели характер приказа, и они были выполнены со всей точностью. Вашингтон одобрил представленные ему проекты, и маневр по отношению к СССР начался. В самую последнюю минуту советское правительство было приглашено французским и британским правительствами принять участие в конференции, которая должна была состояться в Париже 27 июня якобы для «согласования общего поведения по отношению к плану Маршалла». При этом, разумеется, не было сказано ни слова о том, что уже было решено двумя министрами 17 и 18 июня.

Но советскую дипломатию не так легко запутать подобными глупыми трюками. 22 июня МИД СССР ответило, что: «Хотя советское правительство и не располагает в настоящее время данными относительно характера и условий возможной экономической помощи европейским странам со стороны США, а также относительно тех мероприятий, которые были предметом обсуждения между французским и британским правительствами во время недавних переговоров в Париже, тем не менее советское

правительство принимает предложение французского и британского правительств принять участие в совещании трех министров иностранных дел».

Если выразить это в менее дипломатической форме, то ответ означал, что советское правительство увидело западню, но нисколько не смущено этим...

Смущен был Вашингтон. Учитывая, что конференция рисковала разоблачить его англо-французских сообщников, государственный департамент решил, что предложения на конференции должен выдвинуть Бидо. Таким образом, удары обрушатся на наиболее незначительного из двух сателлитов. К тому же это заставит Бидо еще больше расширить пропасть, которую еще во время Московской конференции он начал рыть между Францией и СССР. Конечно, Бидо был очень горд тем, что ему придется играть роль циркового клоуна, получающего пощечины. Он заставлял преданных ему журналистов распространять слухи о том, что Парижская конференция была доказательством «возросшего дипломатического авторитета Франции».

Конференция открылась, как было предусмотрено, 27 июня в присутствии Молотова, Бевина и Бидо. Государственный департамент дал указание: ни в чем не уступать СССР. Это то, что в Америке Трумэна называется «дипломатией», хотя уже и у самых отсталых и диких племен имеются о ней несравненно более развитые понятия.

Согласно полученным приказаниям из Вашингтона, в первый же день конференции Бидо выдвинул свои предложения с тем исключительно важным видом, который ему свойственен. Они сводились к тому, чтобы три министра выступили в качестве европейской директории, которая определит по своему усмотрению нуждаемость всех стран континента в долларах и товарах. Бевин, конечно, согласился, как и было предусмотрено по сценарию. И не без опасения, которое им не удалось скрыть, два партнера ожидали ответа советского министра.

Советский министр иностранных дел выступил 28 июня. Он указал, что американская «помощь» должна руководствоваться принципами справедливости и что «в первую очередь должны быть учтены нужды тех европейских стран, которые подверглись германской оккупации и ока-

зали помощь общему делу союзников...» Это опрокидывало американский план восстановления германского военного арсенала. По поводу попыток превратить конференцию в диктаторский орган советский министр напомнил, что это — покушение на суверенитет европейских держав.

«До сих пор, — сказал он, — считалось установленным, что каждый народ сам решает вопрос о том, как лучше обеспечить восстановление и подъем своего хозяйства... Считалось совершенно очевидным, что внутренние экономические дела являются суверенным делом самих народов, и другие страны не должны вмешиваться в эти внутренние дела».

Если бы конференция закрылась после этого выступления, в котором советский министр так категорически защищал интересы всех народов, то никак не удалось бы выполнить приказ Вашингтона и свалить всю ответственность за провал на СССР. Но у капиталистической дипломатии никогда не иссякает запас мошенничества. Конференция была секретной. Советская пресса строго соблюдала этот секрет. Поэтому можно было спокойно лгать. Английское официальное агентство «Рейтер», газета партии Бидо—«Л'Об» и орган его министерства — «Монд» одновременно опубликовали «отчет» о ходе дебатов, в котором советская точка зрения была грубо извращена и СССР обвинялся в систематической оппозиции «доброжелательству» Бевина и Бидо.

К несчастью для этих людей, в Советском Союзе тоже есть газеты и с несравненно большим тиражом, чем тиражи жалкой «Л'Об» или «Монд». Кроме того, советская пресса имеет привычку говорить всегда одну только правду и при случае ставить точки над «и». (Если мое суждение может иметь некоторый вес, то я скажу от себя, что я достаточно анализировал эту прессу в течение пяти с половиной лет и имел возможность убеждаться в этом ежедневно!) 29 июня утром агентство ТАСС ответило на вранье парижских и лондонских газетных писак подробным изложением выступлений Молотова. Таким образом, затея еще раз потерпела неудачу.

Уязвленный, но послушный Бидо 1 июля вновь выступил с речью, которая не принесла ничего нового по сравнению с предыдущей, если не считать, что он очень

неуклюже настаивал на том, чтобы США играли первенствующую роль в «возрождении» европейской экономики.

На следующий день глава советской делегации, касаясь секретных планов помощи агрессивной Германии, заявил:

«Предлагается, чтобы указанная выше организация... занялась также использованием германских ресурсов, хотя всем известно, что справедливые репарационные требования союзных стран, пострадавших от германской агрессии, так и остаются неудовлетворенными. Следовательно, в отношении стран, принесших наибольшие жертвы во время войны и внесших свой важный вклад в дело победы союзников, не только не проявляется особой заботы, но именно за их счет ресурсы Германии предлагается направить на другие цели...»

Он сказал также:

«Сегодня могут нажать на Польшу — производи больше угля, хотя бы и за счет ограничения других отраслей польской промышленности, так как в этом заинтересованы такие-то европейские страны. Завтра скажут, что надо потребовать, чтобы Чехословакия увеличила производство сельскохозяйственных продуктов и сократила свое машиностроение, и предложат, чтобы Чехословакия получала машины от других европейских стран, желающих подороже сбыть свой товар; или, как об этом недавно писали газеты, будут заставлять Норвегию отказаться от развития своей стальной промышленности, так как это лучше устраивает некоторые иностранные стальные корпорации, и т. д. Что же тогда останется от экономической самостоятельности и суверенитета таких европейских стран?»

И касаясь самой сущности «американской помощи», советская делегация дала ей определение, в правильности которого Франция убеждается теперь:

«Когда стремятся к тому, чтобы Европа прежде всего сама помогала себе и развивала свои экономические возможности, а также к обмену между странами, — это соответствует интересам европейских стран. Но когда заявляют, как это сделано во французском предложении, что в деле восстановления экономической жизни стран Европы решающее место должно принадлежать США, а не самим европейским странам, то такая установка про-

творечит интересам европейских стран, так как это может повести к отказу от экономической самостоятельности, что несовместимо с сохранением национального суверенитета».

На этом конференция закончилась, причем указание о том, чтобы взвалить ответственность на СССР, не могло быть выполнено. Для «бедного народа» вашингтонские писаки могли выдумывать всякую ложь. Но для государственных деятелей Европы отныне положение было ясным. Или они должны были сказать «нет» Маршаллу, если они поняли, или же должны были притвориться, что не поняли, и стать квислингами, имя которых с презрением будет произноситься народами.

3. Отпор «плану Маршалла» в Чехословакии

У колонизаторов-янки оставалась еще одна надежда: может быть, одна из стран Восточной или Центральной Европы согласится пойти на удочку «американской помощи», а затем потянет за собой и другие страны...

Очевидно, для такой роли вполне подошел бы Тито, который уже давно был тайными нитями связан с американским империализмом. Но тогда не могло быть и речи о том, чтобы уже разоблачить одну «пятую колонну», которую еще можно было использовать для шпионской службы. Тогда выбор пал на Чехословакию, где с помощью своих агентов государственный департамент рассчитывал произвести дипломатический, а может быть, и политический поворот, аналогичный тому, который произошел во Франции. И так как надежда взять под свой контроль чехословацкую металлургию была одной из причин присоединения французской финансовой олигархии к «плану Маршалла», то Вашингтон поручил своим парижским агентам «нажать» на Прагу.

Привлеченные возможностью заработать, эти господа с лихорадочным усердием принялись за дело.

Можно себе представить, какие каналы использовало французское посольство в столице Чехословакии, если вспомнить, что в феврале 1948 года оно явилось организатором неудавшейся попытки к бегству министров-епископов Шрамека и Галы; последний был личным другом Бидо, как видно из телеграммы с громкими поздравле-

ниями, которую Гала послал ему накануне вступления Бидо на пост министра иностранных дел 14 сентября 1944 года * через наше представительство в СССР. Это были каналы, объединяющие пражских и парижских агентов Ватикана.

Второй канал начинался прямо от «Комите де форж». По просьбе де Голля посол Катру развил активную деятельность, чтобы связаться с Яном Масариком, когда тот приехал в Москву вместе с чехословацкой правительственной делегацией. Позже, когда Катру должен был поехать в Прагу, ему было поручено «переговорить со своим другом, президентом Бенешем». У Катру с Бенешем были чудесные отношения. И если верить некоторым особо секретным телеграммам французского посла в СССР, президент Чехословацкой республики высказывал ему по поводу внутренней и внешней политики совсем другое мнение, чем то, что он утверждал в своих публичных выступлениях. Но поездка Катру не состоялась.

И, наконец, третьим каналом были секретные агенты Америки. Так, вернувшись в конце июня из Парижа, я заметил, что Шарпантье вдруг воспылал дружбой к своему чехословацкому коллеге Кашпареку, которого он почти каждое утро принимал у себя в кабинете и часто приглашал завтракать один на один. Мы уточнили, что эта дружба началась с момента появления «плана Маршалла». А однажды, когда я вошел в кабинет нашего министра-советника, я заметил, что он только что читал своему гостю Кашпареку зашифрованные телеграммы, которые легко узнать по цвету бумаги. Было очевидно, что государственный департамент использует Шарпантье для осуществления связи с американскими агентами из чехословацкого посольства в Москве. В подтверждение этого факта Кашпарек в 1949 году сбежал из Чехословакии к своим хозяевам в Америку.

На Кэ д'Орсэ привыкли рассматривать дипломатию

* Вот перевод английского текста, который был послан по назначению за №171: «Дорогой друг, примите мои наилучшие поздравления по случаю назначения на важный политический пост министра иностранных дел в новом французском правительстве. Бог да благословит вашу работу на благо вашей дорогой страны! Шлю вам мои лучшие пожелания из Москвы по пути в Чехословакию.

Ваш Гала. Гостиница «Националы».

только под углом зрения антинародного заговора, и поэтому там были абсолютно уверены в успехе своего дела. Впоследствии лакеи пера, состоящие на службе у государственного департамента, утверждали, что Чехословакия будто бы «примкнула к плану Маршалла», а потом под каким-то «нажимом Москвы» отказалась. Это было чудовищной ложью, которую Ян Масарик самым категорическим образом опровергнул. Но можно с уверенностью сказать, что если чехословацкое правительство никогда не соглашалось принять американскую «помощь», то некоторые члены этого правительства — те, которые стояли во главе февральского антидемократического заговора, — главари пражской реакции, формально заверили своих парижских друзей, что они «заставят» Чехословакию принять эту «помощь». Об этом же сообщил мне Шарпантье. Уже 23 июня он сказал, что имеет «совершенно секретные сведения», доказывающие со всей очевидностью, что Чехословакия примкнет к «плану Маршалла».

Эти господа забыли, что, несмотря на все ухищрения изменников, народ Чехословакии с величайшей бдительностью контролировал всю государственную жизнь. Ян Масарик вместе с министрами иностранных дел всех славянских стран, а также Румынии, Венгрии, Албании и Финляндии отказался от американской «помощи».

Во французской правительственной прессе этот отказ вызвал взрыв бессильной ярости, который лишь подчеркивал всю глубину провала. Но это было совершившимся фактом. Для монополий янки отказ Центральной и Восточной Европы явился настоящим ударом, который отбил покушения на национальный суверенитет и грабеж стран народной демократии. А для французских «200 семейств» это было крушением всех несбыточных надежд, обещанных американскими банками.

Теперь от всех выгод, которыми поманили финансовую олигархию Франции, оставался лишь бледный отблеск: несостоятельное обещание бросить ей несколько обглоданных костей в административном совете Рурской области.

Но нужно отдать должное государственному департаменту США: он не применил своего обычного садизма и не стал долгое время вертеть обглоданной костью перед носом своих жертв. Двенадцатого августа 1947 года

в Вашингтоне начались англо-американские переговоры о Руре, но от участия в них была категорически отстранена французская делегация. А на «трехсторонних» переговорах 27 августа в Лондоне по поводу восстановления промышленного потенциала Бизонии Францию предупредили, что она ничего не получит.

Таким образом, парижская финансовая клика ни за грош бросила французскую экономику к ногам американских монополий. Для французского народа это означает прекращение широкой восстановительной деятельности, начатой министрами-коммунистами; крах самых развитых отраслей промышленности: автомобильной, авиационной, электрической, кинематографической; страшную безработицу и все возрастающую нищету как для рабочих, так и для крестьян.

В то же время американские лакеи согласились на возрождение военного потенциала Западной Германии, то есть на создание у самых ворот Франции новой угрозы вторжения, которое за семьдесят лет уже трижды превращало французскую землю в кровавое поле битвы. Франция становилась американским плацдармом для агрессивной войны против СССР, а французам отводилась роль пушечного мяса для вашингтонских торговцев смертью.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПОДЖИГАТЕЛИ ВОЙНЫ ДЕЙСТВУЮТ

1. Первые признаки

«План Маршалла» означал серьезный шаг в подготовке третьей мировой войны. Поджигатели войны начали действовать с лихорадочной поспешностью, свойственной авантюристам.

Для того чтобы легче было готовить третью мировую войну, в Вашингтоне был подготовлен маневр, который раскрывался по мере развертывания событий. Этот маневр состоял в том, чтобы создать атмосферу международной изоляции СССР. С этой целью должны были быть использованы одновременно две возможности: во-первых, на предстоящей сессии Совета министров иностранных дел в Лондоне надо было привести к полной ликвидации этого международного органа и к отказу от совместного контроля над Германией; и, во-вторых, в это же время государственный департамент США должен был заставить ряд находящихся под его контролем стран-сателлитов порвать дипломатические отношения с СССР. Во второй операции главную роль поручили французским правящим кругам.

Угрожающие признаки, собранные мною во время летней поездки во Францию, доказывали, что здесь дело было не в импровизированной операции. Так, например, в Париже я узнал, что наши разведывательные службы имели точную информацию о подготовке в штабах Вашингтона высадки войск в Северной Африке на тот случай, если Франция заупрямится. И несмотря на настоятельные требования офицеров-патриотов — разрешить им расследовать и предупредить эту угрозу, — им было отказано в необходимых кредитах, потому что все погло-

шалось иной «деятельностью» — в СССР и демократических странах Центральной и Восточной Европы. В экспрессе Париж — Варшава я познакомился со священником — американским шпионом, который, принимая меня за классического антисоветского дипломата, вполне серьезно спросил меня, не думаю ли я, что «русский народ восстанет против большевиков, когда наши войска захватят их территорию». В Варшаве у меня был довольно странный разговор с нашим военным атташе генералом Тиссье, во время которого он сказал мне, что «проблема» более всего интересующая его в настоящее время, это... Албания. Он уверял меня, что «оттуда начнется будущая война», так как это «Данцигский коридор» третьей мировой войны. «Ведь на нее имеет виды Тито», — объяснил мне генерал Тиссье. Это было новым подтверждением того, какую роль играл фашист Тито в планах Америки, и новое доказательство активного участия титовской клики в готовящемся наступлении против мира... Все это было достаточно ясно.

Вскоре после моего возвращения в Москву произошел довольно поучительный инцидент.

С декабря 1945 года при нашем посольстве существовал пост коммерческого советника. Этот пост занимал некий барон Пиното, глупость, лень и тщеславие которого стали притчей во языцех всего дипломатического корпуса. Я думал, что это «элегантный» способ саботировать торговые отношения между Францией и СССР, которые представляли жизненную необходимость для нас. Но я должен был изменить свое мнение, когда узнал, что этот барон располагает специальными шпионскими фондами и что ему в помощники, в должности «атташе», дали считающегося демобилизованным капитана Лелу, потомственного специалиста по антисоветской деятельности. Его отец еще в период между двумя войнами действовал в Риге как агент нашего военного атташе. Мы знали, что капитан Лелу был агентом СДЕСЕ*.

И вдруг в августе 1947 года Лелу внезапно объявил о своем немедленном отъезде и в течение сорока восьми часов с необычайной поспешностью покинул СССР.

* «Служба внешней документации и контрразведки», отдел разведки, который находился в руках правых социалистов.

Барон Пиното с трогательной любезностью пытался распространить версию о том, что это бегство было связано с «грязной историей с женщиной». Но немного спустя Шарпантье, решив, что более не к чему скрывать, поведал мне, что Лелу был выдворен советскими властями, как шпион.

Из этого можно было заключить, что «деятельность» американских агентов с французскими дипломатическими паспортами уже принимает слишком скандальный характер...

Но все признаки предстоящей дипломатической авантюры раскрылись, когда Шарпантье после короткого отпуска вернулся в конце августа 1947 года из Парижа в Москву. Веселый конспиратор, которого я знал до сих пор, превратился в человека, угнетенного мыслью о том, что его «боссы» возложили на его плечи слишком тяжелую задачу, от которой он с лихорадочной быстротой спешил отделаться. Он беспрестанно повторял, что положение гораздо «серьезнее», чем он думал, что «война вероятна» и, в особенности, что скоро он, Шарпантье, «покинет этот пост». И в самом деле, у него в кармане уже было новое назначение на пост посла в Бухарест, заранее выданное ему на Кэ д'Орсэ. Таким образом, у него был открытый выход, если новая авантюра, порученная ему государственным департаментом США, провалится.

В это же время миссия по репатриации во главе с подполковником Маркье получила «подкрепление». По правде говоря, в этом не было никакой нужды теперь, когда все дело заключалось в том, чтобы обеспечить проезд во Францию отдельным эльзас-лотарингцам, которых находили советские власти. Но в Вашингтоне Маркье значился «опасным человеком», как впоследствии проговорился американский военный атташе Крокет. И поэтому, в целях предосторожности, для него надо было создать соответствующее «обрамление». Как и следовало ожидать, некоторых его новых коллег еще издали можно было определить как разведчиков: среди них был даже один личный друг Бидо. Это доказывало, что государственному департаменту для осуществления новой операции нужна была французская миссия по репатриации, а для этого требовалось, чтобы там были надежные люди.

2. Провокационные переговоры о хлебе

Тем временем американские агенты занялись вспомогательной провокацией.

В начале июня 1948 года французское посольство в Москве получило указание от Кэ д'Орсэ ходатайствовать перед советским правительством о помощи зерном. Такая просьба уже однажды была удовлетворена советским правительством. Тогда, в 1946 году, французский народ получил хлеб, несмотря на гнусную клеветническую кампанию, которой встретила этот благородный жест большая часть — девять десятых — реакционной парижской печати. Но на этот раз Бидо действовал по приказу своих хозяев из Вашингтона, и он должен был добиться, чтобы французский народ не получил хлеба. И в Вашингтоне, и в Париже надеялись, что советское правительство, учитывая антисоветский курс французских правителей, отклонит эту просьбу, и тогда можно будет распространить в газетах версию, что «Москва отказывает Франции» в хлебе. Эти господа так плохо скрывали свои намерения, что в инструкциях, присланных в посольство в Москву, забыли уточнить два очень важных момента: количество хлеба, которое они желали бы получить, и какой способ оплаты они предлагают!

Это подлое мошенничество, которое в глазах его изобретателей должно было выходить за рамки обычной провокации, внезапно усложнилось интригами тех лиц, которым было поручено выполнить это. Деголлевец Катру, воспользовавшись возможностью поставить в неприятное положение Бидо, категорически отказался ходатайствовать перед правительством СССР, объяснив это тем, что в настоящее время такая просьба неуместна. Но как только Катру отправился в одну из бесконечных поездок, Шарпантье, исполнявший его обязанности, наоборот, поспешил с этой просьбой.

Ответ советского правительства разрушил все интриги. А. И. Микоян сообщил Шарпантье, что советское правительство согласно продать Франции 1 500 000 центнеров зерна, и предложил, чтобы оплата производилась французскими товарами, которые будут поставлены в СССР; этим, с одной стороны, будут удовлетворены заказы французской промышленности, а с другой — парижскому

правительству не нужно будет расходовать свои долларовые запасы. Таким образом, СССР еще раз удовлетворил просьбу, как будто бы союзник вовсе не предал его. И в этом случае условия платежа основывались на интересах французского народа. (Но эти интересы расходились с целями парижской правящей клики: 20 октября Рамадье прислал телеграмму, в которой настаивал на платежах в долларах!). Советское правительство показало, что оно не поддается на провокацию, что оно по-прежнему, несмотря ни на что, остается верным французскому народу.

Надо было по возможности стереть впечатление, которое произведет ответ советского правительства на общественное мнение Франции, и затянуть как можно дольше переговоры. Имея на одном конце цепи Кэ д'Орсэ, а на другом — глупого барона Пиното, американским провокаторам это нетрудно было сделать. Начались бесконечные словопрения по поводу стоимости хлеба на международном рынке и о перевозочных тарифах. Эксперты министерств иностранных дел и национальной экономики Франции приводили аргументы о неспособности французской промышленности поставить требуемые советским правительством электромоторы. И все это сопровождалось массой фальшивок, которые, будучи разоблачены, немедленно заменялись другими. Сам Шарпантье был поглощен подготовкой «главной операции» и не занимался такими пустяками, как хлеб для французского народа. Однажды он даже охарактеризовал поведение своих парижских коллег такими словами, которые в устах этого профессионала-провокаatora приняли оттенок, достойный Мольера. Показывая телеграмму, особенно запутанную, с какими-то фантастическими цифрами о ценах на хлеб по расчетам какой-то американской биржи, он сказал мне убедительным тоном: «В конце концов я поверю, что на Кэ д'Орсэ саботируют!»

3. Как подготовлялись провокации Жюля Мока

«Главная операция», которой был занят Шарпантье, касалась советской миссии по репатриации в Париже. (Вот зачем американским агентам нужно было «обезвредить» подполковника Маркье!)

Эта миссия уже давно привлекала подозрительный интерес авторов темных дел на Кэ д'Орсэ. Начиная с 1942 года за каждым шагом советских офицеров следили с такой наглостью, которая буквально превышала всякую меру! Мы даже получали подробные описания их форменной одежды, доказывавшие, что их шкафы подвергались тщательной проверке. Мне вспоминается между прочими шедеврами подробный анализ их орденских ленточек; какой-то шпик, который никогда не нюхал пороха, писал, что там были «только юбилейные медали, вроде Севастопольской или Сталинградской».

Этот «интерес» подтвердился, когда Шарпантье приехал в Москву в 1945 году. Он распространял лицемерные жалобы о том, что миссии генерала Драгуна во Франции предоставлено «слишком много свободы» (очевидно, по мнению Шарпантье, членов миссии следовало бы посадить в клетку). Он изрекал фразы, от которых тут же отказывался, если требовали уточнения — о якобы имеющихся «беспорядках» в сборных лагерях, которые находились в ведении этой миссии. Очевидно, его воспитатели из американской разведки посоветовали ему думать над этим сюжетом. Подобно тем бездарным композиторам, которые стучат как попало по клавишам рояля в надежде, что вдруг появится какая-нибудь мелодия, Шарпантье направо и налево сыпал вымыслы, надеясь, что таким путем найдет нужную тему.

И когда его американские «боссы» поручили ему в начале сентября 1947 года явиться в министерство иностранных дел СССР с рядом предложений-ловушек о миссии по репатриации, Шарпантье уже успел «набить себе руку».

Если отбросить все дополнительные осложнения, которыми были переполнены эти предложения, то в основном они сводились к следующему: советское правительство в обмен на соответствующую меру со стороны Франции до 31 декабря должно окончательно ликвидировать единственный сборный лагерь во Франции, в Боре-гаре, и отозвать свою миссию по репатриации; эта миссия должна быть заменена в тот же день группой служащих-дипломатов, число которых не должно превышать количества служащих французского посольства в Москве, занимающихся подобной же деятельностью.

За этим лакированным с юридической точки зрения фасадом скрывалась грубая провокация. Мы знали, что в СССР уже давно почти не оставалось ни одного военнопленного француза, и, следовательно, сборный пункт в Одессе перестал существовать, а миссия Маркье вполне справлялась с задачей, даже без присланного ей последнего «подкрепления». Но во Франции, наоборот, еще оставались целые группы советских граждан, в частности армяне, которых надо было репатриировать в СССР, и поэтому на какой-то период еще нужно было сохранить лагерь в Борегаре и миссию во Франции. Таким образом, имелись все основания думать, что советское правительство отклонит «предложение» Шарпантье. А если французское правительство будет настаивать на своей точке зрения, то можно рассчитывать на серьезное ухудшение отношений, которое с помощью какой-нибудь новой провокации можно привести к разрыву дипломатических отношений.

Одновременно государственный департамент США поручил Шарпантье подготовить эту дополнительную провокацию.

24 сентября 1947 года я зашел в кабинет Шарпантье, чтобы сообщить содержание моих телеграмм для прессы, и застал его погруженным в чтение какого-то журнала в зеленой обложке. Он начал объяснять, что это очень интересный журнал, который был ему якобы прислан друзьями из Америки, и что, пожалуй, он может мне его дать посмотреть, если я никому не покажу...

Я взял журнал для просмотра домой. Он оказался, действительно, «очень интересным». Это был номер «Социалистического вестника», издаваемого в Нью-Йорке на русском языке группой белогвардейцев-фашистов, так называемых «социалистов», которые состояли на службе американской разведки. В этом журнале была напечатана статья, озаглавленная «Сеть НКВД во Франции» и написанная в стиле полицейского романа времен «рижских уток». По обычаю, там не приводилось ни одного факта и ни одной выдержки, которые могли бы придать этим бредням хоть тень правды. Это была антисоветская фальшивка, наспех сфабрикованная американской разведкой.

Но государственный департамент США, посылая эту фальшивку, вероятно, сообщил Шарпантье, как надо действовать. И это явилось отправным пунктом для его лихорадочной деятельности. Французский поверенный в делах в Москве начал бомбить Кэ д'Орсэ телеграммами, донесениями и письмами частного характера, которые в сущности были лишь выдержками из бредовых измышлений «Социалистического вестника». Очевидно, этот бред был также передан редакциям реакционных парижских газет, так как газета «Комба» открыла явно инспирированную кампанию, основанную на клеветнических измышлениях Шарпантье.

Теперь уже были видны основные линии маневра. Когда в результате «переговоров» с министерством иностранных дел СССР отношения станут достаточно натянутыми, эти клеветнические донесения будут таким провокационным поводом, который может привести к разрыву. А тот сложный и запутанный путь, по которому этот поток нечистот попал из американской разведки в парижскую печать — через белогвардейских фашистов в США, государственный департамент США, его агента в Москве Шарпантье, Кэ д'Орсэ и газету «Комба», — поможет замести следы. А если какой-нибудь любопытный когда-либо и обнаружит журнал с зеленой обложкой, то он, может быть, удовлетворится тем, что редакторы этого журнала — «социалисты», а министр внутренних дел Франции — тоже «социалист».

В мусорных ящиках истории дипломатии эти события уже названы «провокациями Жюля Мока». Но, как видите, правда требует, чтобы к этому имени было приписано хотя бы имя начальника американской разведки.

4. Последние приготовления

Но всей этой технической подготовки, как бы коварно она ни проводилась, все же было недостаточно для того, чтобы как-то повлиять на французский народ. Особенно в такой момент, когда удары нищеты, явившейся результатом «американизации» Франции, вызвали в рабочем классе движение протеста, которое уже превращалось в невиданную волну забастовок. Это вовсе не входило

в расчеты государственного департамента США. Правда, его «эксперты» и агенты считают, что забастовочное движение всегда может быть парализовано с помощью слезоточивых газов, полицейских дубинок и, в крайнем случае, танков. Но в такой «беспокойной» стране, как Франция, могут быть всякие неожиданности, поэтому решили принять предупредительные меры.

Прежде всего должен был быть создан «блок реакции». Нужно было сделать так, чтобы не осталось и следа от внутренних расхождений, которые существовали с момента разрыва де Голля с МРП, то есть между сторонниками генерала-авантюриста и «третьей силой», католиками и социалистами. В интересах операции было решено прекратить ссору между агентами американских банков.

25 октября Шарпантье сообщил мне, что американское посольство поручило ему предупредить Катру, что отныне государственный департамент «ничего не имеет против де Голля». Если после этого между де Голлем и «третьей силой» все еще сохранилась ревность лакеев, то лидеры партий католиков и социалистов из боязни, что их американские «боссы» предпочтут им генерала-авантюриста, с двойным усердием выполняли их приказания.

В то же время надо было внести раскол в рабочем классе для того, чтобы ведущая сила французского народа, которая боролась за национальную независимость, оказалась парализованной.

Это была главная цель раскола ВКТ (Всеобщая конфедерация труда), которую американские правящие круги поручили лидеру Американской федерации труда Грину, специально прибывшему в Париж. Раскол официально произошел только 19 декабря 1947 года, когда группа «Форс увриер» вместе с предателем Жуо вышла из ВКТ. Но уже в начале ноября это дело было решено.

7 ноября, прибыв в Москву на совещание франко-советских профсоюзов, Жуо сообщил Шарпантье, что им необходимо встретиться*; и с 7 по 10 ноября у них было

* Эта встреча была подготовлена задолго. По указанию своих американских хозяев Шарпантье всегда заискивающе относился к

несколько тайных совещаний. Несмотря на все меры конспирации, мы знали, что Жуо осведомил Шарпантье о переговорах французской и советской профсоюзных делегаций. В частности, он сообщил ему, еще до опубликования в прессе, текст соглашения, заключенного между профсоюзами Франции и СССР. Имеются все основания полагать, что посольство Соединенных Штатов поручило Шарпантье передать Жуо некоторые указания. Таким образом, за полтора месяца до раскола лидер «Форс увриер» уже действовал, следовательно, как простой американский агент, такой же, как и Шарпантье.

Но это еще не все. Государственный департамент решил еще предпринять гнусную операцию по дискредитации коммунистической партии, поручив это фашисту Тито. Он начал это своим выступлением на съезде Народного фронта в Белграде 29 сентября 1947 года.

Придя утром 30 сентября на работу, я был удивлен, застав Шарпантье в полном ажиотаже. Будучи в чрезвычайно возбужденном состоянии, он составлял обширную телеграмму. Он напоминал Кэ д'Орсэ, что упомянутое выступление Тито давало «решающие аргументы» тем, кто уверял, что французская компартия не играла никакой значительной роли в движении сопротивления, а дожидалась лишь гитлеровской агрессии против СССР, чтобы «стать в ряды патриотов».

В последующие дни это «открытие» служило темой для многочисленных сообщений в Париж. Но в этой первой телеграмме содержалась одна особенность, которая

прогрессивным французским делегациям, которые приезжали в столицу СССР. Ему было поручено «прощупывать» тех, кого государственный департамент считал «слабыми звеньями цепи», составлять на них полицейские донесения, а в случае необходимости проводить вербовки. С этой целью он устраивал приемы для различных профсоюзных, женских, молодежных делегаций, представителей медицины, науки, которые приезжали в СССР. «Заботы», которыми Шарпантье окружал прогрессивных французов, прибывших в СССР, имели также и другую цель. Поверенный в делах рассчитывал на устраиваемых в их честь приемах войти в контакт с той советской средой, которая их приглашала, но, конечно, не с тем, чтобы еще теснее завязать узы дружбы между двумя народами, а по примеру своих англо-саксонских коллег он надеялся, что ему удастся получить шпионские сведения и обнаружить «симпатизирующих».

мне бросилась в глаза. В тот момент, когда Шарпантье составлял эту телеграмму, газеты в посольство еще не были доставлены. Следовательно, он получил каким-то другим путем подробности речи Тито, произнесенной накануне в Белграде.

Оказывается, рано утром Шарпантье позвонили из американского посольства и сказали, что нужно сделать. Поскольку Дюрброу никогда не давал Шарпантье никаких указаний без Вашингтона, дело было ясным; государственный департамент США и Тито действовали вместе. Учитывая небольшой промежуток времени, истекший после заседания съезда Народного фронта, можно предположить, что Тито сообщил текст своей речи американскому правительству еще до своего выступления в Белграде.

Белградский предатель и фашист рисковал, конечно, разоблачить себя этой операцией. Но государственный департамент считал, что следовало рискнуть. Французская компартия была единственной политической силой, способной защищать свободу и независимость французского народа. Надо было во что бы то ни стало подорвать ее авторитет перед массами.

Осталось лишь провести последние приготовления для наступления.

По приказу из Вашингтона под каким-то диким предлогом Бразилия и Чили порвали дипломатические отношения с СССР. Операция сопровождалась яростным воем наемной прессы. Таким образом, не парижскому правительству предстояло сделать первый шаг. Господа из Вашингтона подыскали ему самый подходящий эскорт!

Спустя две недели, 14 ноября, министр внутренних дел «социалист» Депре под предлогом «розыска женщины, которая там не должна была быть», при помощи нескольких рот подвижной жандармерии, поддержанных танками, произвел налет на лагерь советских репатриантов в Боре-гаре. Это была не только отвратительная, но и смешная провокация. Шарпантье позвонил мне утром и испуганным голосом спросил, не упоминается ли его имя в газетах. Он всегда предпочитал работать в тени. И когда результаты его махинаций выплывали наружу, у него выступал холодный пот.

Этот приступ страха, очевидно, охватил и других агентов государственного департамента во Франции. Возможно также, что государственный департамент нашел, что в налете на Борегар имелись серьезные пробелы. Во всяком случае, получилось так, что наподобие прежних ямщиков, всегда меняющих упряжь перед тем, как перейти брод, американское посольство в Париже решило подарить Франции новый правительственный кабинет. Через шесть дней после налета на Борегар Рамадье подал в отставку без всякого повода к этому со стороны парламента, а 2 ноября «свеженький» кабинет взял в свои руки бразды правления Франции.

В том, что это был «ударный» кабинет, никто не сомневался. Достаточно было отметить, что министерство финансов, объединенное с министерством экономики, было поручено американскому агенту Рене Мейеру, ибо назначение ротшильдовского деятеля было настоящим вызовом трудящимся Франции. Но особенно поразительным было распределение портфельей с учетом подготовленного антисоветского заговора.

Прежде всего министром иностранных дел был оставлен Бидо. Стало быть, сценарист из Вашингтона не мог допустить никаких изменений, несмотря на всю неспособность этого актера.

Депре, которого нашли слишком бестолковым, был снят с должности министра внутренних дел, так как это была не менее решающая роль. Его место занял человек из «Стандарт ойл», «социалист» Жюль Мок, профессиональный тайный агент, специализировавшийся на антисоветских операциях. Возможно, что вашингтонские заправилы спекулировали также и на характере этого шпиона. Обладая большим самолюбием, будучи лгуном с замашками истерика, преследуемый болезненными предрассудками, заставлявшими его советоваться с астрологами и различными «провидцами», Жюль Мок был одним из тех неуравновешенных людей, которые способны пойти на любую авантюру.

Можно было быть уверенным, что патриотическая совесть не мучила больше того, кто должен понести высшую ответственность за преступление, — нового премьер-министра Робера Шумана из МРП. Этот старый лысый холо-

стяк с унылым видом, злой и лицемерный, считающийся лотарингцем, хотя и родился в Люксембурге, очень плохо говорящий по-французски, еще с 1919 года был, как и Бидо, давнишним агентом секретной дипломатии Ватикана, но, по всей вероятности, по иезуитской ветви. До конца первой мировой войны он работал за кулисами «Центрума», немецкой католической партии, как известно, тесно связанной с крупной металлургией Рура. Став французом после версальского соглашения, он вполне естественно продолжал свою карьеру в качестве депутата Мозеля под эгидой франко-немецкого магната «Комите де форж» — де Ванделя. Вполне естественно также, что в 1940 году Шуман вошел в первый кабинет Петэна в качестве «государственного секретаря по делам беженцев».

Последние годы гитлеровской оккупации он провел в монастырях, где его готовили для дальнейшего использования. После освобождения Франции, когда тайная папская дипломатия перешла в подчинение государственного департамента, а де Вандель — под контроль банка Моргана, Шуман оказался одним из главарей МРП. Это был столь старый лакей, переживший в течение своей бродячей жизни столько ливрей, включая и ливрею офицера кайзера Вильгельма в 1914 году, что он не может представить себе другого состояния.

Теперь, когда американский посол Джефферсон Кэффери поместил вишистского изменника Робера Шумана на пост премьер-министра Франции, не было никаких сомнений в том, что все было готово для большого наступления.

5. Вашингтон спускает собак

Двадцать пятого ноября 1947 года в Лондоне открылась сессия Совета министров иностранных дел, которая по замыслу американских поджигателей войны должна была быть последней.

В тот же день Жюль Мок отдал приказ об аресте деятелей «Союза советских патриотов» под ошеломляющим предлогом: они обвинялись в том, что «вмешивались во внутренние дела Франции». Дубина нового министра полиции обрушилась на одну из тех групп советских граж-

дан, проживающих во Франции, о которой журнал американской разведки, переданный Шарпантье, писал всякие клеветнические небывлицы.

На следующий день, когда весть об этом была получена во французском посольстве в Москве, Шарпантье немедленно телеграфировал на Кэ д'Орсэ, чтобы там не забыли вторую выдумку из «Социалистического вестника» — то есть еще более возмутительную клевету о советской миссии по репатриации. 28 ноября временно исполняющий обязанности министра иностранных дел Андре Мари — субъект, который вскоре вынужден был уйти с политической арены, так как был уличен во взяточничестве, — потребовал от советского посольства в Париже отъезда миссии по репатриации в течение семидесяти двух часов, «основываясь» на «переговорах» Шарпантье в Москве.

Эта «мотивировка», однако, совсем не устраивала государственственный департамент США, который хотел, чтобы потребовали отъезда советской миссии по репатриации самым провокационным образом, то есть на «основе» лживых статей из «Социалистического вестника». И по приказу своих американских хозяев Шарпантье настойчиво напоминал об этом в своих телеграммах в Париж.

Но на Кэ д'Орсэ, очевидно, не хотели окончательно опозорить себя, пуская в ход свержглупое обвинение. Следовательно, в течение недели, с 30 ноября по 5 декабря 1947 года, между французским посольством в Москве и министерством иностранных дел в Париже происходил лихорадочный обмен телеграммами. Шарпантье изо всех сил старался убедить Кэ д'Орсэ, пытаясь вызвать провокацию. А с Кэ д'Орсэ отвечали, что это придется сделать ему самому, поскольку он, Шарпантье, является крестным отцом этой клеветы.

Но американские режиссеры положили конец этой комедии. 6 декабря Шарпантье получил от Андре Мари приказ — немедленно отправить заместителю министра иностранных дел СССР Ф. Т. Гусеву угрожающее письмо, в котором обвинить в «подрывных происках» офицеров миссии по репатриации, фамилии которых нашли в журнале с зеленой обложкой, то есть в «Социалистическом вестнике». В своеобразной игре между трусишками, которые

передавали друг другу бомбу государственного департамента, она осталась, в конце концов, в руках Шарпантье.

Я зашел к нему после расшифровки этой телеграммы. Его гладкий череп был синим, и только багровые уши казались живыми на его физиономии трупа. Он посвятил всю свою карьеру ухудшению франко-советских отношений в надежде, что он сумеет сбежать до крушения. Теперь, когда хозяева заставили его разоблачить самого себя, он умирал от страха... Щелкая зубами, он сочинил свое письмо Гусеву.

Так, с помощью кнута, государственному департаменту удалось добиться от своих собак на Кэ д'Орсэ того, что он хотел: провокации, которая по замыслу американских дипломатов должна была вызвать разрыв дипломатических отношений между Францией и СССР.

Одновременно на другом фланге, в Лондоне, операции развивались параллельно.

Но там в день открытия сессии Совета министров иностранных дел Советский Союз отнял у «западных» заговорщиков всякую возможность маскировать их подрывные маневры. В частности, министр иностранных дел СССР отметил, что во время войны все великие державы вели борьбу сообща, но после победы положение совершенно изменилось.

«...Одни страны стремятся к установлению *демократического мира* — мира, основанного на равноправии народов и на признании суверенитета больших и малых государств ... Другие страны стремятся к установлению не демократического, а *империалистического мира*, установление которого означает господство некоторых сильных держав над другими, большими и малыми народами, не считаясь с их правами и национальным суверенитетом».

Отсюда те расхождения, которые возникли по вопросу мирного договора с Германией. «Для СССР, — сказал советский министр, — осуществляющего ленинско-сталинскую политику мира, ответ на этот вопрос ясен, и этот ответ может быть только таким: мирный договор с Германией должен быть основан на принципах демократического мира...» Но, очевидно, существуют другие планы — планы держав использовать Германию, «как базу для развития, прежде всего, военной промышленности, а

реакционные силы Германии, как опору в такой политике, которая преследует цели господства над демократическими странами Европы».

Однако имеется база для ликвидации этих расхождений. И этой базой является уважение принятых международных обязательств. Это — соблюдение решений, принятых в Потсдаме.

Этот луч прожектора сделал бесполезной тактику махинаций Маршалла. Тогда государственный секретарь США отдал приказ Бевину и Бидо открыть огонь, уже больше не скрываясь. С помощью лондонского виски маленький Бидо бросился очертя голову. На каждом совещании он автоматически присоединялся к каждому американскому предложению, лишь бы оно противоречило мнению, высказываемому советской делегацией. Его несколько не смущало, что он в течение одного и того же дня противоречил самому себе.

Глава же советской делегации во время своих выступлений 27 ноября и 5 декабря разоблачал каждый маневр саботажа своих так называемых партнеров, особенно Бидо. В результате, после «военного совета» у Маршалла, эти господа 6 декабря решили попытаться прервать конференцию на процедурном вопросе, достаточно сложном, чтобы широкое общественное мнение не могло разобраться в нем.

И в тот же день, 6 декабря, Шарпантье получил приказ направить свое письмо Гусеву. Операции в Лондоне и Париже были синхронизированы с военной точностью.

6. Спокойствие сильных

На поток провокаций, направленных против миссии по репатриации советских граждан, проживающих во Франции, советское правительство ответило почти полным молчанием. Насколько мне известно, была получена лишь нота протеста против арестов, произведенных по приказу Жюля Мока. В Москве прекрасно понимали, чего добиваются поджигатели войны, и, не реагируя на их действия, вынуждали их тем самым полностью раскрывать свои карты. Это, например, заставило Шарпантье послать свое письмо в министерство иностранных дел СССР о миссии по репатриации, но ответ был ошеломляющим.

В ночь с 8 на 9 декабря 1947 года заместитель министра иностранных дел Гусев вызвал к себе французского поверенного в делах и дал ему прочесть письмо, согласно которому советское правительство, констатируя одностороннее нарушение французским правительством соглашения о репатриации, считало:

1) что обвинения, выдвинутые против советской миссии, являются «гнусной клеветой, лишенной всякого основания»;

2) что эта клевета является маневром, предназначенным для того, чтобы оправдать совершенные провокации и одновременно «ввести французское общественное мнение в заблуждение относительно действительного положения во Франции в настоящий момент»;

3) что весь маневр в целом представляет собой «враждебный акт со стороны французского правительства, противоречащий духу франко-советского договора о дружбе и взаимопомощи», ответственность за который несет указанное правительство;

4) советское правительство сообщало, что «оно дало указание всем членам советской миссии по репатриации покинуть Францию и требует, чтобы все члены французской миссии по репатриации немедленно оставили советскую территорию»;

5) оно доводило до сведения, что «в силу враждебной позиции, занятой французским правительством по отношению к Советскому Союзу», оно «решило прервать торговые переговоры с Францией» относительно хлебных поставок.

На следующий день Шарпантье уверял меня, что разговор был «очень любезным», чему я охотно верю, так как советские дипломаты не имеют привычки добивать умирающих. Не понимая суровости урока, он заметил, что последними словами Гусева при прощании были: «Теперь слово за французским правительством».

После такого решительного отпора любое независимое правительство поняло бы, что разрыва не будет — надо отступать и придумывать что-нибудь другое. Но клика Шумана не была независимым правительством. Узнав об ответе Гусева, американские поджигатели войны решили заставить своих парижских сателлитов прибегнуть к последней провокации. 10 декабря они приказали Шар-

пантье вернуть советскому правительству его ноту как «неприемлемую». Указание было, разумеется, передано совершенно секретной телеграммой, зашифрованной при помощи самого последнего и самого сложного кода. Но связи с лагерями янки настолько перепутались, что прежде, чем шифровальщики французского посольства принялись за расшифровку телеграммы, позвонили из американского посольства и сообщили Шарпантье почти все ее содержание. Уже дошли до такой степени унижения, что Дюрброу был в курсе директив Кэ д'Орсэ раньше, чем его французский коллега!

Министерство иностранных дел СССР даже не ответило на этот последний визг вашингтонских лакеев. Адская машина с ее бомбой была затоплена и не взорвалась.

В то же время Маршалл должен был убедиться, что ликвидировать Совет министров иностранных дел, придравшись к процедурному вопросу, ему не удастся: Советский Союз разоблачал его перед всем миром с неумолимой последовательностью. Тогда Маршалл изменил свою тактику и дал своим двум подчиненным — Бевину и Бидо — новый приказ: прервать конференцию, воспользовавшись разногласиями по «основному вопросу». Таким вопросом были репарации.

В сущности государственный секретарь потребовал от Бидо, чтобы он открыто изменил своей родине, отказавшись от самого существенного из всех своих требований во имя интересов американского империализма, требовавших немедленной ликвидации Совета министров иностранных дел.

Но Советский Союз продолжал защищать права государств — жертв гитлеризма, в том числе и Францию, которую предал Бидо как по вопросу о мирном договоре, так и по вопросу контроля над Руром и репарациям.

Советская делегация настаивала на безотлагательном решении вопроса о репарациях, в соответствии с Ялтинским и Потсдамским соглашениями.

Этого Маршалл больше всего боялся. 15 декабря 1947 года он поспешил предложить даже без всякого повода закрыть лондонскую сессию, взяв на себя всю ответственность за это. Так он стал жертвой своих же сетей. Заговор не удался. Занавес был опущен...

Итак, самым очевидным итогом этих дней было то, что все провокации американских поджигателей войны провалились. Гигантский маневр изоляции, затеянный против СССР, потерпел фиаско. Совет министров иностранных дел не распался, и франко-советские отношения не были порваны. Это было огромной победой в интересах дела мира.

То, что франко-советские отношения не были порваны, являлось неоспоримым преимуществом для французских интересов, для Франции и ее народа. Но мы не должны забывать о двух вещах. Во-первых, то, что мы избежали позора нового разрыва только благодаря хладнокровию и мудрой выдержке лидеров СССР. Во-вторых, то, что мы были в опасной близости с этим разрывом и подобное положение может повториться, если мы будем сохранять в Париже лакеев американских монополий.

Поэтому конечный итог был трагическим для Франции.

После предательской деятельности Бидо в Лондоне мы лишились возможности предъявить наши требования при урегулировании германской проблемы. Отныне был открыт путь для реакционной реваншистской и вооруженной Германии, возрождения которой требовал государственный департамент во имя подготовки антисоветской войны. Отныне над французской безопасностью нависла страшная угроза, как будто бы Гитлер и не был побежден.

Кроме того, согласившись играть роль гончей собаки в провокационных маневрах американских поджигателей войны, так называемое «французское» правительство совершило окончательный переход в лагерь врагов мира. Франция была только предмостным укреплением и полем битвы, созданными по «плану Маршалла». Теперь она стала сателлитом и в военном смысле.

А последствия шли очень далеко. Угрожая миру атомной бомбой, хоть и потеряв монополию на нее, штабы поджигателей третьей мировой войны прекрасно знали: без сухопутной армии сражаться нельзя, американские матери никогда не согласятся отдать своих детей для этой армии. Следовательно, пока в Вашингтоне и Нью-Йорке еще не были уверены, что их парижские лакеи смогут отдать им Францию в качестве «пушечного мяса», война

казалась отдаленным призраком. Но теперь, когда Шуман, Бидо и Мок показали, что они были готовы на все, они поставили перед лицом катастрофы не только Францию, но и мир во всем мире, а угроза войны стала реальностью. Они взяли на себя такую же страшную ответственность, как Даладье и Чемберлен, без помощи которых Гитлер никогда бы не начал кошмар второй мировой войны.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

АМЕРИКАНСКИЕ ЛАКЕИ В ТУПИКЕ

1. Пресс-конференция подполковника Маркье

Для тех, кто не забывает о своем долге перед Францией и перед миром, вывод был ясен: французский народ должен быть предупрежден о грозящей ему опасности.

В Москве некоторые из нас поставили и разрешили для себя эту проблему, не сообщая об этом друг другу. Обстоятельства были слишком серьезными, чтобы можно было позволить себе малейшую неосторожность. Тем не менее, каждый исходил из точного анализа положения и поступал так, как подсказывало ему сердце патриота.

Первым выступил подполковник Маркье. Утром 10 декабря он попросил меня помочь ему созвать пресс-конференцию в его квартире в отеле «Метрополь». Я поспешно вернулся домой (я жил тогда в том же отеле), и мы дружно принялись за дело. В то время как я с помощью жены приглашал по телефону всех советских и иностранных корреспондентов, в соседней комнате Маркье сел писать свое заявление. Его рукописные листы тут же печатала на машинке Генриета Дюма — единственный надежный офицер его миссии по репатриации. В другом конце коридора мой помощник Жан Триумф переводил текст на русский язык. Я нарочно напоминаю эти детали, так как прогнившая буржуазная пресса уверяла меня, что Маркье якобы «прочел заявление, врученное ему русскими в совершенно готовом виде», что нас всех весьма позабавило.

Пресс-конференция была назначена на пять часов вечера. Когда собралось примерно пятьдесят журналистов, начальник миссии по репатриации занял место за своим столом и очень спокойно прочел свое известное заявление, разоблачающее всю провокационную деятельность поджигателей войны.

«Прежде чем покинуть территорию СССР, — сказал

он в заключение, — я хочу еще раз выразить свою глубокую признательность советскому правительству и органам советской власти. Я уверен, что мое чувство благодарности разделяет весь французский народ. Впрочем, надо считать, что инициативу последних событий, которые наносят такой ущерб национальным интересам Франции, следует искать не во Франции. Они представляют собой часть генерального антисоветского плана, в котором Франция является одной из первых жертв. К сожалению, нет возможности опровергнуть это мнение».

Слова Маркье, сопровождаемые кратким заявлением лейтенанта Дюма, полностью солидаризировавшейся с позицией своего начальника, были встречены внушительным молчанием. С замечательной выдержкой, всегда поражавшей меня в каждом советском человеке, находящемся среди иностранцев, корреспонденты московских газет воздержались от всякой реакции. Только один из них, в офицерской форме, не смог до конца сдержать своих чувств: он обеими руками пожал руку своего французского коллеги, который защитил честь своего знамени. Англо-американские журналисты начали было задавать провокационные вопросы, обычные в этом полуполицейском кругу. Но при виде этого тридцатилетнего подполковника, жертвующего своим положением и, несомненно, своей свободой во имя долга, невольное уважение заставило и их замолчать.

Последствия известны. На следующий день во всех газетах мира крупными буквами было напечатано о «бунте» начальника французской миссии по репатриации в Москве. Во всей буржуазной французской прессе приводились злобные комментарии. Но на запросы в Национальной ассамблее Шуман не смог дать никакого разъяснения, несмотря на помощь всех фракций «американской партии» — от социалистов до деголлевцев. По приезде в Париж Маркье был заключен в крепость.

Не меньшее значение имело то, что произошло за кулисами. Оглушенный бунтом Маркье, Шарпантье тут же понял всю опасность этой неожиданной контратаки: развиваясь дальше, она грозила разоблачить весь американский маневр и, в первую очередь, действия, в которых он лично был повинен. Вечером Шарпантье связался со своими нанимателями из американского посольства.

А на следующее утро он телеграфировал в Париж, что нужно уменьшить значение поступка Маркье, отнеся его за счет «коммунистических убеждений» последнего. Это вызвало там новый ряд волнений и тайных совещаний с агентами связи из государственного департамента США. В конечном счете пришли к выводу об отступлении. В телеграмме Кэ д'Орсэ от 24 декабря поверенному в делах давались указания постараться уладить дело Маркье и, в частности, уверить советское правительство в том, что французское правительство твердо решило продолжать репатриацию, разрешив выделить для этого в советском посольстве специальных людей — военных или штатских.

Маркье не только показал подлинное лицо Франции в момент, когда Шуман и К⁰ своими подлыми поступками старались исказить его в глазах советского народа. Строго придерживаясь в своем заявлении профессиональной области и самым убедительным образом разоблачая лживые выдумки Жюля Мока, он доказал, что честный человек, действуя в решительный момент так, как подсказывает ему совесть, может расстроить комбинацию целой банды политических жуликов и тем самым способствовать ее провалу.

2. Письмо Жана Шампенуа

Во время пресс-конференции Маркье корреспондент агентства Франс Пресс Жан Шампенуа, сидя на подоконнике, молча покурил свою трубку. Все также молча он вернулся к себе домой. А на следующий день начальник французской миссии по репатриации получил от него письмо следующего содержания:

«Мой дорогой Маркье! Пока еще каждый француз имеет право выражать свои суждения по поводу событий, происходящих в его стране, мне не хотелось бы, чтобы вы уехали из Москвы, где вы, как мне известно, выполнили очень хорошую работу, без того, чтобы не поздравить вас со смелым патриотическим и полезным заявлением, сделанным вами.

Вы не только эффективно помогали возвращению многих французов на родину, но также помогли возврату во Францию нескольких здоровых идей, главная из которых — это идея, что мы не имеем права

позволить — независимо от предлога и в целях какого-либо маневра — работу, направленную на разрушение франко-советской дружбы, на разрыв или превращение во что-то отжившее франко-советского договора, который, как сказал мне Эррио, «начертан на карте мира и в наших сердцах» и который является основой безопасности и независимости нашей страны.

Жан Шампенуа,
корреспондент агентства Франс Пресс».

Маркье позвонил ему, чтобы поблагодарить его. Путно он спросил, может ли он при случае огласить этот текст. Шампенуа ответил: «Это письмо является вашей собственностью, а собственность означает право пользоваться предметом, которым владеют, так, как находят это наиболее полезным». Письмо Шампенуа было опубликовано в «Юманите» 14 декабря.

Реакция агентства Франс Пресс была чрезвычайно глупой. Шифрованной телеграммой с Кэ д'Орсэ директор агентства Брет сообщил о немедленном отзыве Шампенуа в Париж, доказывая этим, что его агентство было лишь обыкновенным филиалом «американской партии». Брет сам себя высек. Шампенуа просто ответил на это, что он отказывается «подчиниться приказу о вызове, отданному без оснований».

Вскоре произошла и третья демонстрация. Возмущенные тем, что этот акт произвола над Шампенуа задевал их профессиональную честь, иностранные корреспонденты, аккредитованные в Москве, решили подать жалобу в Международную ассоциацию журналистов. Однако англо-американские журналисты, за исключением корреспондента «Дейли уоркер» и бывшего корреспондента «Таймс» Ральфа Паркера, отказались подписать жалобу. И Шарпантье сказал мне об этом раньше, чем текст был передан этим господам. Тем самым было доказано, что приказ исходил от американского посольства, а все эти люди находились у него в непосредственном подчинении.

Я считаю необходимым упомянуть их имена, так как некоторые из них продолжают выдавать себя за «демократов» и «независимых». Это были: корреспондент аме-

риканского агентства Юнайтед Пресс Кронкайт, корреспондент агентства Рейтер Джон Даллес, корреспондент Ассошиэйтед Пресс Эдди Гильмор и его помощник Томас Уитней, корреспондент «Иксченж телеграф» Магидов и его помощник Штейгер, корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн» Ньюман, корреспондент «Крисчен сайенс монитор» Эдмунд Стивенс и корреспондент «Манчестер гардиан» и «Фран-тирер» Александр Верт.

3. Новогодний подарок Шарпантье

После письма Шампенуа не последовало никакого нового удара, и Шарпантье постепенно начал освобождаться от того состояния страха, которое овладело им со дня пресс-конференции Маркье. В течение последних дней декабря он фактически пришел в свое нормальное состояние. Его американские хозяева смогли даже использовать его для обострения интриг, возникших в дипломатическом корпусе в связи с денежной реформой.

И в этот момент его постигла кара. 31 декабря 1947 года, перед самым новым годом, в телеграмме Кэ д'Орсэ сообщалось, что в Париж прибыли шпионы Шарпантье, действовавшие в СССР, — Бовард, Вассо и Зоммер. Они были арестованы, допрошены и высланы органами советской безопасности, а Шарпантье — их шеф — даже об этом не знал. Хороший новогодний подарок подготовили ему! Дело в том, что во время допроса в СССР Бовард, Вассо и Зоммер рассказали советским властям о своей шпионской деятельности в пользу французского поверенного в делах Шарпантье. В письме Зоммера, полученном с дипломатической почтой, последний сообщал, что он «очень сожалеет, что не смог ничего скрыть, так как допрашивающие слишком много знали».

Было не трудно анализировать факты. Поскольку ни советские власти, ни советская пресса ничего даже не упомянули о произведенных арестах, было ясно, что с советской стороны хотели действовать с максимальной осторожностью, чтобы не ухудшать отношений. Но советское правительство, таким образом, ответило на лживые обвинения Жюля Мока, показав, что ему прекрасно известна вся подрывная деятельность французского посольства в Москве. Одновременно разоблачив Шарпантье, совет-

ские органы лишали возможности действовать одного из главных сообщников в провокации Жюля Мока.

Это было последним ударом.

Реакция кабинета Шумана превзошла по своей низости все предыдущее. В зашифрованной радиограмме от 31 декабря Бидо сообщил Шарпантье о своем намерении потребовать извинений за то, что поверенный в делах оказался «замешанным в деле» во время допроса трех шпионов. Это было самым верным средством разоблачить Шарпантье публично, в процессе обмена нотами, который произошел бы между Парижем и Москвой. Короче говоря, на Кэ д'Орсэ его хотели поскорее «прикончить», чтобы скрыть следы преступлений...

Я пришел к Шарпантье по его настойчивой просьбе, когда он заканчивал в одиночестве свои размышления по поводу катастрофы. С побагровевшим лицом он измерял большими шагами кабинет посла, где он находился. Изложив наспех факты, он пустился в истерический разговор с самим собой, где признание следовало за признанием.

— Эти люди в Париже, — кричал он, — хотят погубить меня теперь, когда они взяли от меня все, что можно было взять... Им недостаточно того, что эти каналы рассказали все в НКВД... Они хотят, чтобы благодаря этой истории с протестом Бидо все узнали бы об этом... Однако я ничего особенно плохого не сделал. Я просил только этого негодяя Зоммера повторить мне то, что говорят вокруг него люди... Правда, два или три раза он посылал мне стратегические сведения... Но я их не просил... Нет никаких доказательств... Ведь не будут же из-за таких пустяков создавать новый франко-советский инцидент.

Я очень тихо спросил Шарпантье, думает ли он, что его роль поверенного в делах состоит в том, чтобы собирать сведения подобного рода. Его ответ был настолько великолепным, что я советую подумать над ним тем многочисленным наивным людям, которые еще воображают, что цели буржуазной дипломатии состоят в том, чтобы следить за хорошими отношениями между государствами и одеваться к обеду несколько вечеров в неделю.

— Вот именно! — сказал Шарпантье. — Я только выполнял свой дипломатический долг, предписывающий мне разузнавать обо всем любыми средствами и любой ценой.

И без всякого видимого перехода он бросил последнее признание, свидетельствующее о том, какая страшная ассоциация мыслей пришла ему внезапно в голову.

— В конце концов мне все равно... Все равно! Даже если русские скажут, что я собирал эти сведения для моих друзей из американского посольства!

Итак, французский поверенный в делах в Москве сам признал, что он работает на американскую разведку.

В последующие дни в телеграммах и в частных письмах он умолял своих «друзей» на Кэ д'Орсэ, чтобы они удержали Вида от его намерений. В своем безумии он даже осмелился потребовать от французских властей немедленного ареста Зоммера, «чтобы он не говорил глупостей». И Бидо согласился пощадить Шарпантье. Повидимому, государственный департамент США решил, что не следует бросать на свалку даже таких «мертвецов». Разве известный девиз иезуитов — «ты будешь послушен, как труп» — не означает, что наилучшими секретными агентами являются те, у которых больше не осталось ничего живого?

Французский поверенный в делах запросил выездную визу, чтобы сбежать из Москвы. По обычаю себе подобных, он до отъезда развил лихорадочную деятельность по ликвидации большей части своих личных вещей и по покупке предметов, которые можно было выгодно продать во Франции. К последним относились, например, такие советские медицинские препараты, как сыворотка Богомольца, которую невозможно найти в Париже. Как уверяют, Шарпантье получал и продолжает еще получать большие прибыли на этих спекуляциях.

4. Падение французских лакеев Трумэна

Начался новый этап.

Крушение надежд, связанных с «холодной войной», вызвало значительное снижение роли французских лакеев Вашингтона. Времена выступлений Бидо, провокаций Жюля Мока и запутанных интриг Шарпантье уже прошли. Государственный департамент поручал своим парижским шпионам лишь задания третъестепенного характера.

Их основная миссия сводилась лишь к тому, чтобы

по сигналу какого-нибудь американского делегата автоматически поднимать руки на международных ассамблеях и также автоматически подписывать каждый документ, который им дадут на подпись люди из Вашингтона. Так, например, Франция присоединилась к «Атлантическому пакту».

И в Москве можно было наблюдать разительный пример такого упрощения дипломатической деятельности. В начале июля 1948 года, когда государственный департамент нуждался во французском посольстве в Москве, которое помогало бы ему в провокационных переговорах по берлинскому вопросу, в Москву был направлен один из друзей Жюля Мока, бывший генерал-губернатор Алжира Ив Шатеньо*. Шатеньо выполнял настолько точно свою «дипломатическую» миссию, что после каждой встречи со Сталиным или Молотовым, вместо того чтобы, закрывшись в своем кабинете, тотчас же написать отчет об этой аудиенции, как и должно быть по обычаю, Шатеньо ехал провожать до дома американского посла на виду у всех иностранных корреспондентов, чтобы получить у него инструкции, как составить свою телеграмму. Нужно признать, что даже Шарпантье действовал более осторожно, чтобы скрыть свое подчиненное, лакейское положение.

Такого типа задания унижали французских шпионов Вашингтона до положения лакеев самого последнего ранга. Ведь даже не каждый лакей согласится играть такую унижительную роль. Но государственный департамент поручал им то, что может оскорбить самого мелкого шпиика. Вот почему, когда, например, нужно было найти трибуну для распространения антисоветских измышлений предателя Кравченко, то даже Брюссель и Рим отказались способствовать такому отвратительному делу. И тогда для этой позорной комедии была избрана парижская Палата правосудия. Когда летом 1949 года государ-

* Алжирская газета «Либертэ» (от 25 декабря 1945 г.) обвиняла его в том, что он выдал генеральному консулу США «подробные планы воздушных и морских баз Алжира». Этот факт не только не был опровергнут, но был подтвержден на Ассамблее Французского союза Альдюи, который был генеральным секретарем Шатеньо. Кроме того, Шатеньо сам признал это в интервью, данном им корреспонденту агентства Франс Пресс в Москве,

ственный департамент, сознавая неизбежность провала «плана Маршалла», решил рассмотреть возможности возобновления торговых отношений с СССР, французская делегация была послана в Москву как разведчик, а бельгийская делегация дожидалась, чем кончится «эксперимент», чтобы после этого приехать.

Таким образом, правители Франции из фигуры на шахматной доске янки уже превратились в пешку.

Такое понижение было, повидимому, связано с возросшими трудностями и провалами американских провокаций.

Французский народ, потрясенный угрозой войны, начал упорную и мужественную борьбу за свою свободу и независимость. «Мы не будем воевать против СССР!» — этот лозунг возник именно во Франции. А в момент подписания «Атлантического пакта» Трумэн получил послание, подписанное миллионом французов, предупреждавших его, что подпись Шумана ни к чему не обязывает Францию. Летом 1949 года около семи миллионов человек участвовало в голосовании «за мир». Широко распространилось движение французского народа против разгрузки американского оружия. Сбор подписей под Стокгольмским воззванием стал настоящей всенародной демонстрацией.

Для государственного департамента США это слишком «неблагонадежный» народ.

Под влиянием растущего народного гнева парижские кабинеты начинают шататься. С июня 1948 года поток правительственных кризисов потряс основы «американской партии» во Франции. Неумолимая логика измены способствовала тому, что «американская партия» спустилась на несколько ступенек ниже по иерархической лестнице американских лакеев. Английская реакционная пресса пыталась показать это еще осенью 1948 года, когда зрелище избиения кнутом бедного британского льва еще не научило лондонских журналистов более скромному поведению.

5. Перед лицом катастрофы

Это разложение клики узурпаторов, царствующей во Франции, все же не ослабляет крепостное состояние

французского народа и не отвращает, а, наоборот, усиливает угрозу войны, нависшую над его детьми.

Уже в 1948 году наплыв капиталов американских монополий под прикрытием «плана Маршалла» привел к созданию контроля монополий над французской индустрией: металлургией, химической и нефтяной промышленностью. Наметились очертания новой французской экономики — экономики колониальной; новые хозяева Франции специализируют ее на производстве сырья или полуфабрикатов, а обрабатывающая промышленность — гордость ее рабочего класса — искусственно приведена в бездействие, чтобы позволить американским бизнесменам направлять к нам излишки своих недоброкачественных товаров. С момента введения в жизнь «Атлантического пакта» зависимость от банков Нью-Йорка ощущается еще больше. Под предлогом «военизирования» национальной экономики они заставляют Францию покупать в огромных количествах продукцию, или, вернее, отбросы военных заводов США, а французская экономика должна работать для арсенала заатлантических поджигателей войны.

Одновременно с политической точки зрения поражение Франции непрерывно усиливается. Все пакты, навязанные Франции с начала 1948 года, — Брюссельский пакт, Европейский союз, Атлантический пакт — отнимали у нее то мизерное, что еще пытались для видимости сохранить в области свободы дипломатической деятельности. Теперь так называемое французское правительство не может предпринять ни одного демарша, пусть он касается всего лишь продажи нефтеналивных судов, как это было во время франко-советских переговоров летом 1949 года, без разрешения государственного департамента США. Вся внутренняя политика Жюля Мока и Кэя ведет Францию к режиму антинародной диктатуры, имеющей целью заставить замолчать всех тех, кто не согласен с попытками превратить французский народ в раба американских господ. И механизм назначения американским послом министров Франции, приведенный в движение еще при подборе «единого социалистического правительства» Блюма в ноябре 1946 года, продолжает действовать и теперь. Так же, как и в монархо-фашистской Греции, Франции только разрешили быть смотрите-

лем за каторжниками и топить в крови стремление колониальных народов к свободе. Надо признать, что в этой роли палача люди из «американской партии» показали совершенно другое лицо, чем та жалкая, всегда готовая принять пощечину физиономия, которую они обычно обнаруживают при виде американского сержанта. Опустишения, насилия, мучения и пытки, производимые на Мадагаскаре и во Вьетнаме, являются чудовищным позором, который падает на каждого француза точно так же, как зверства гитлеровских каннибалов заставляют теперь краснеть немецкий народ. Я знаю, что мы смоем этот позор, но теперь он обжигает нас. Тем более, что это наихудший позор — мучить братские народы ради тех, кто порабощает нашу собственную родину.

Я не знаю, какую точную дату перехода Франции на положение американской колонии установят будущие историки. Во всяком случае, с точки зрения международного права, ясно, что этот рубеж уже пройден. В начале 1949 года так называемое французское правительство отменило визы для американцев, едущих во Францию, тогда как в Америке продолжают требовать визы у французов, едущих в Америку или находящихся там проездом. Этого хватит. Такую «взаимность» не осмелились бы предложить даже княжеству Монако.

Наконец, в результате измены правителей Франции над нами висит ужасная угроза — угроза войны. У наших границ американский империализм во имя антисоветской войны уже восстановил все основы агрессивной Германии: экономические основы, вернув гроссов, венцелей и динкельбахов в Рур; политические основы, наводнив Бонн хейсами, аденауэрами и шумахерами; военные основы, сохранив манштейнов, рундштедтов и гальдеров, которые уже мечтают возглавить новую фашистскую армию. Мир висит на волоске, роль же, отведенная Франции в будущей войне, настолько ясна, что вашингтонские форрестолы уже ее не скрывают. Мы должны дать сухопутную армию и поле битвы, то-есть мертвецов и руины.

Хотелось бы, чтобы это было только кошмарным сном. Но это не так. Это реальное дно пропасти, к которой нас тянут предатели.

6. Предателей — к наказанию!

На протяжении всех этих лет СССР протягивал нам братскую руку так же, как и в тяжелый для нас период вторжения Гитлера.

В декларации Варшавской конференции от 24 июня 1948 года Франции предлагалась практическая программа, позволяющая гарантировать безопасность ее границ, дающая возможность возродить ее государственный и дипломатический престиж; возможность экономического возрождения на базе справедливых репараций и подлинного международного контроля над Руром. В то время министром иностранных дел Франции был Бидо. Он приказал прессе обойти молчанием варшавскую декларацию.

На сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций в Париже 25 сентября 1948 года А. Я. Вышинский выступил с конкретным предложением уменьшить на одну треть вооружение и вооруженные силы пяти великих держав. Это дало бы Франции радикальное средство не только для того, чтобы отдалить призрак войны, но и восстановить свои финансы, пошатнувшиеся из-за навязанной ей государственным департаментом США военной политики, а также улучшить уровень жизни всех трудящихся. Но Рамадье предпочёл грубо и глупо иронизировать по поводу предложений Вышинского.

На сессии Совета министров иностранных дел в Париже 23 мая 1949 года А. Я. Вышинский предложил ряд практических мер для разрешения германской проблемы. Эти меры могли бы навсегда положить конец все возрастающей угрозе, созданной империализмом янки на фланге Франции. Шуман снова ограничился тем, что повторил слова государственного секретаря США.

На Генеральной Ассамблее Организации Объединенных наций в Нью-Йорке 23 сентября 1949 года А. Я. Вышинский внес предложения, требующие запрещения атомного оружия и заключения Пакта мира между пятью великими державами. Но Шуман и здесь играл роль рупора Ачесона.

Эти шуманы, рамадье, бидо слишком далеко зашли по пути измены, чтобы отступить. Они знают, что если

они попадут в руки своего народа, то расчет будет ясен. Они ищут защиты от своего народа в шпионских центрах Вашингтона и банках Нью-Йорка. И при одной мысли, что их хозяин, будучи недоволен их службой, может нанять себе других рабов, они, очертя голову, бросаются к его ногам.

Американский империализм тоже знает об этом. И он не церемонится с ними. Вашингтон нисколько не стесняется унижать французских политических деятелей, разоблачая их в глазах общественного мнения как простых исполнителей его директив. Так было, например, с речью Дэвида Брюса, который в угрожающем тоне говорил, что конгресс США «рассмотрит» государственный бюджет Франции. А французские дипломаты к тому же проходят и прусскую муштру. В мае 1949 года министр-советник французского посольства в Москве на одном вечере осмелился критиковать Атлантический пакт. Итальянский посол немедленно донес об этом своим хозяевам.

Но что значат пощечины? Речь Дэвида Брюса не помешала французскому правительству с энтузиазмом дать агреман на его назначение американским послом в Париж. А французский посол в Москве, поблагодарив своего коллегу итальянского посла, принял меры для того, чтобы отделаться от своего подчиненного, который имел дерзость не оценить прелестей Атлантического пакта*.

Эти люди уже не на коленях, они ползают на животе.

На протяжении своей службы я знал премьер-министров и министров иностранных дел буржуазных марио-

* Конечно, при указании официальных мотивов отзыва не говорится ни о доносе итальянского посла, ни о неприязни министра-советника французского посольства к Атлантическому пакту. В течение нескольких месяцев бедняга подвергался ежедневным оскорблениям. Наконец, в одно прекрасное утро, в его кабинете в служебное время произошла драка (настоящие причины которой остались неизвестными) со вторым советником, который слыл за человека, преданного Шатеньо, и обладал бесспорным талантом провокатора. Поскольку шум битвы, как бы случайно, привлек всех сотрудников посольства к месту кулачного боя, посол «не мог поступить иначе», как потребовать от Кэ д'Орсэ отзыва обоих противников. Министр-советник был просто-напросто отозван в Париж. Провокатор же был назначен в Копенгаген с повышением. Таким образом, методы Жюля Мока применяются даже внутри так называемого «французского» посольства в Москве.

неточных правительств, которые не были «независимыми» и о которых можно сказать, что они с веселым видом подавали руку каждому. Но никогда даже самый подлый из них не осмелился бы повторить, например, слова, с которыми Шуман обратился к американскому послу в Париже на банкете «Американского клуба».

— В вашем лице, господин, мы имеем советника. И не только в области международных отношений.

Это не голос Франции. Весь мир это знает. Французский народ еще скажет свое грозное слово. И оно заставит содрогнуться не только лакеев из американской клики, но и их вашингтонских господ. Пусть они призадумаются над торжественным предостережением, которое летом 1940 года коммунистическая партия Франции бросила в лицо тогдашним оккупантам: «Никогда наш великий народ не будет народом рабов. Никогда Франция не станет колонизированной страной».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ЗА РОДИНУ, ЗА МИР!

Итак, тридцатидвухлетняя история внешней политики Франции с необычайной ясностью доказывает, что франко-советская дружба является жизненно необходимой для Франции. Если бы парижские правители до 1939 года всходили из этого принципа, то гитлеровской агрессии или не было бы вовсе, или она началась бы при таких условиях, что наступающий был бы сразу разгромлен. И сейчас, если бы наши правители были способны восстановить к жизни франко-советский пакт, то он принес бы моей родине — Франции — как раз то, в чем она теперь нуждается: восстановление ее народного хозяйства; освобождение от американского порабощения; решение германской проблемы, которое обеспечило бы безопасность Франции; короче говоря, франко-советский пакт открывает единственную возможность для возрождения подлинной Франции, Франции независимой, сильной и процветающей.

В течение тридцати двух лет «ведущей идеей» внешней политики всех французских министров, от Клемансо до Жоржа Бидо, включая всех даладье, рейно, петэнов, деголлей, шуманов и лавалей, была подготовка агрессии против СССР. Каковы бы ни были катастрофы, вызванные этой политикой — Мюнхен в 1938 году, катастрофа в июне 1940 года или же Мюнхен наших дней — она, эта политика, продолжается и теперь во вред Франции и французскому народу. Менялись лишь иностранные хозяева, которым они выдавали Францию во имя этих махинаций: до 1932 года — Англия, в 1940 году — Гитлер и с 1946 года — миссурийский осел*. Предательство бесспорно. И это не только предательство Франции, но и предательство мира во всем мире.

* Осел — эмблема демократической партии США.

Народ, к которому я имею великую честь принадлежать, уже не раз доказывал, что он способен выполнить до конца свой долг, что он умеет бороться и побеждать. Я не буду и говорить о его замечательных революционных традициях. И в наше время есть достаточно примеров того, что французский народ может сделать: его борьба против гитлеризма во время оккупации; острое политическое чутье, с которым после освобождения он отдавал и отдает все больше и больше голосов коммунистической партии; героические забастовки, организуемые рабочим классом в течение четырех последних лет для того, чтобы заставить предпринимателей улучшить невыносимые условия жизни; широкое движение «Борцов за мир и за свободу», непрерывный рост которого уже заставил отступить поджигателей войны, и, наконец, упорная борьба за прекращение «грязной войны» во Вьетнаме, отказ разгружать оружие, присылаемое Америкой.

Главари американской клики во Франции это отлично понимают. В тщетной надежде помешать росту этой страшной для них силы они наспех фабрикуют «зверские» и «сверхзверские законы», организуют политические процессы, которые позорят их самих, расстреливают мирные демонстрации и призывают отряды «Республиканской гвардии» вмешиваться в парламентские дебаты.

События показали, что французский народ тоже прекрасно сознает свою роль и свое место, которое он занимает в общей борьбе народов за мир. Французский народ первый заявил, что он никогда не будет воевать против советского народа, а если случится так, что его насильно втянут в эту войну, то он сумеет отличить друзей, которым он должен помочь, от врагов, с которыми он будет сражаться.

Никогда еще не было столь богатых и радостных перспектив для борцов за мир. Триумфальные победы Китайской народной республики, провозглашение Германской демократической республики, появление на международной арене огромного движения организованной борьбы против войны во всех странах, лагерь мира и демократии, объединившийся вокруг могущественного Советского Союза, сотни миллионов подписей под воз-

званием Постоянного комитета сторонников мира о запрещении атомного оружия — все это наполняет сердца всех простых людей земного шара уверенностью, что мир победит войну. И французский народ — в первых рядах этой битвы, на стороне Советского Союза и всего лагеря мира.

Еще со школьных лет я любил созерцать волнующую гравюру, на которой один из наших наиболее великих революционных художников прошлого века, Оноре Домье, изобразил чудесную женщину в красном чепчике Народной республики, которая при ярком свете с улицы открывает настежь дверь министерского кабинета, где отвратительные гномы — бидо, шуманы и моки тех времен, — охваченные паникой, топчут друг друга в безнадежной попытке избежать ужасного появления этой столь прекрасной, радостной, сильной, но не прощающей Франции...

Я глубоко уверен в том, что мы увидим эту Францию, ради торжества которой столько французов умерло на баррикадах, от палачей карательных взводов и в застенках тиранов.

Я глубоко уверен, что рядом со своим вечным другом — Союзом Советских Социалистических Республик — эта Франция сумеет достойно играть ту роль, которая ей отводится в великой битве народов за освобождение человечества от кошмара войны.

Москва.
июнь 1950 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Почему я написал эту книгу. 3

ЧАСТЬ I. ИЮНЬСКАЯ КАТАСТРОФА 1940 ГОДА

<i>Глава первая.</i> Паук и его паутина.	11
<i>Глава вторая.</i> 22 года на подготовку войны против СССР	16
<i>Глава третья.</i> От скрытого предательства — к открытому	23

ЧАСТЬ II. АВАНТЮРИСТ ДЕ ГОЛЬ

<i>Глава четвертая.</i> Цепи «свободной Франции».	43
<i>Глава пятая.</i> СССР протягивает руку французскому народу . . .	51
<i>Глава шестая.</i> Еще одна «странная война».	61
<i>Глава седьмая.</i> Франко-советский пакт.	72
<i>Глава восьмая.</i> Подготовка войны против Советского Союза в 1945 году.	83

ЧАСТЬ III. ЛАКЕИ АМЕРИКИ

<i>Глава девятая.</i> Хозяева Франции в январе 1946 года.	103
<i>Глава десятая.</i> Подготовка к повороту в 1947 году.	120
<i>Глава одиннадцатая.</i> Московская конференция.	141
<i>Глава двенадцатая.</i> За кулисами «плана Маршалла».	159
<i>Глава тринадцатая.</i> Поджигатели войны действуют.	170
<i>Глава четырнадцатая.</i> Американские лакеи в тупике.	190
<i>Глава пятнадцатая.</i> За родину, за мир!	201

Редактор *И. Тихомирова*

Сдано в производство 26/IX 1950 г. Подписано к печати 27/IX 1950 г.
Бумага 82X1081/32 -3,3—10,8 печ. л. Уч.-издат. л. 10,3 Цена 5 р. Зак. 2750.

2-я типография «Красный пролетарий») Главполиграфиздата при Совете
Министров СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.